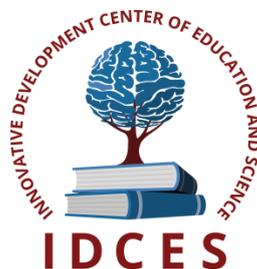

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Актуальные вопросы современных гуманитарных наук

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 марта 2016 г.)**

**г. Екатеринбург
2016 г.**

УДК 009(06)

ББК 6/8я43

Актуальные вопросы современных гуманитарных наук, / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. **г.Екатеринбург** 2016. 94 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семеновна (г.Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г.Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г.Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г.Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г.Москва), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г.Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г.Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г.Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г.Москва)

В сборнике научных трудов по итогам III Международной научно-практической конференции **«Актуальные вопросы современных гуманитарных наук», (г.Екатеринбург)** представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2016 г.

© Коллектив авторов

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1. ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	6
СЕКЦИЯ №2. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)	6
ФЕСТИВАЛЬ АРТ-НОВАЯ УНИКАЛЬНЫЙ ПРИМЕР КУЛЬТУРНОГО МИССИОНЕРСТВА Рубинштейн Н.А.	6
СЕКЦИЯ №3. КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	11
СЕКЦИЯ №4. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	11
СЕКЦИЯ №5. ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	11
СЕКЦИЯ №6. ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)	11
КОМПЛЕКС ЭРГОНОМИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ К ДИЗАЙНУ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МЕБЕЛИ Тарасова О.П., Халиуллина О.Р.	11
СЕКЦИЯ №7. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)	14
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	14
СЕКЦИЯ №8. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	14
РОЛЬ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОРНАМЕНТА КАЗАХСКОГО КОВРА Касенова К.Б.	14
СЕКЦИЯ №9. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	17
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	17
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	17
СЕКЦИЯ №10. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	17
ОБРАЗ ПЕПЛА В ПЬЕСЕ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» Богданова О.В.	17
РОЛЬ ПОЭЗИИ В МУЗЫКЕ, МУЗЫКИ В ПОЭЗИИ. (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА) Хмырова-Пруель И.Б.	20
СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ПОХОРОННЫХ ОБРЯДОВ В РАССКАЗЕ А. ШАНТАЕВА «ОТПЕВАНИЕ В ЗАРЕЧНОМ» Леонов И.С.	23

СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	25
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ АЛЕКСИЯ ГАТУЕВА	
Валиева Т.И.....	25
СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)	27
ВЕЧНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ, СОТВОРЕННЫЕ КОЧЕВЫМ ДУХОМ	
Жантаев А.С.	29
ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЛЫХ ПЯТЕН В КЫРГЫЗСКО-КАЗАХСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ	
Мокиева А.М.	29
ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ БАСНИ XVIII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ДЖОНА ГЕЯ	
Воробьева К.С., Мережко А.А.	34
СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08).....	36
СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09).....	36
СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10).....	36
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00).....	37
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01).....	37
А УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ГРАМОТНО РАЗГОВАРИВАТЬ	
Морозова Т.В., Полищук А.Р.	37
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	
Громова Н.В.	39
НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»	
Тимофеева Т.П.....	42
ОБУЧЕНИЕ СОЗДАНИЮ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ - НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ, БАЗОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА	
Романюк Т.И.	46
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМПЕРАТИВА В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ	
Жукова Т.А., Гао Цзыцянъ	49
ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В РАМКАХ КРАЕВЕДЕНИЯ	
Олейникова С.Д.	50
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ЭКСПОНЕНТЫ ЛСП ПРЕДСТАВЛЕНИЯ: ЯДРА, ЛСК ВОСПОМИНАНИЯ И ПЕРИФЕРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ РЕЧИ)	
Голайденко Л.Н.	52
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02).....	64
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03).....	65
СТЕРЕОТИПЫ СУПРУЖЕСТВА В УКРАИНСКОМ ПАРЕМИЙНОМ ФОНДЕ	
Марфина Ж.В.....	65
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04).....	67
К ПОНЯТИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ	
Бондарева Л.М.	67

МЕТАФОРЫ И ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ПРЕССЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ (В ПЕРИОД ОБОСТРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ 2014-2016 ГГ.)	
Магомедова Д.Ш., Сальникова Н.В.	69
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ПО ВНЕШНЕЙ ЭКОНОМИКЕ И МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ	
Макарычева Е.Ф.	71
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	
Гациева Т.И., Мусханова И.В.	73
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	
Павлова Е.В., Ломтева Т.Н.	76
СЕКЦИЯ №20.	
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	79
ЛЕКСИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ ИСПАНСКОЙ ПРЕССЫ НА РОССИЙСКИЙ РЫНОК ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА	
Кудряшова И.А., Седова Т.В.	79
ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОЙ ИДИОМАТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	
Курбатова С.Г.	82
СПЭНГЛИШ, КАК ФЕНОМЕН ЗАИМСТВОВАНИЙ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ	
Осинцева Т.В.	84
СЕКЦИЯ №21.	
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	86
СЕКЦИЯ №22.	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	86
РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНСТВО СИГМАТИЧЕСКОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	
Дедюхин А.А., Дедюхина А.Г.	86
СЕКЦИЯ №23.	
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	88
СЕКЦИЯ №24.	
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	88
СЕКЦИЯ №25.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)	88
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИМВОЛОВ ФИНЛЯНДИИ	
Момотова Н.М.	88
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД	92

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

ФЕСТИВАЛЬ АРТ-НОЯБРЬ УНИКАЛЬНЫЙ ПРИМЕР КУЛЬТУРНОГО МИССИОНЕРСТВА

Рубинштейн Н.А.

Доцент Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, засл. арт. России

Международный фестиваль искусств «Арт-ноябрь» – одно из крупнейших ежегодных событий московского музыкального сезона, представляет собой уникальный пример масштабного, мультижанрового фестиваля, основанного в середине 90-х гг. и успешно развивавшегося без государственной поддержки за счет энтузиазма его организаторов, участников и публики на протяжении 20 последних лет.

Творческая концепция Фестиваля построена на пересечении и взаимодействии основных жанров классического искусства. Со дня основания в рамках Фестиваля прошло более 400 концертов, около 50 художественных выставок, поэтические вечера, театральные постановки, мастер-классы, благотворительные аукционы, лекции, экспериментальные видео и аудио перформансы, в фестивальных брошюрах опубликовано более 40 искусствоведческих статей, написанных специально для Фестиваля, по заказу «Арт-ноября» создано около 70 музыкальных и живописных произведений. За два десятилетия фестиваль посетили более 100 тысяч слушателей и зрителей, а список участников насчитывает более 400 музыкантов, художников, театральных артистов и коллективов из 26 стран мира.

Фестиваль «Арт-ноябрь» по праву гордится выдающимся исполнительским составом своих концертных программ. Имена солистов и коллективов, которых на протяжении 20 лет собирал на московской сцене «Арт-ноябрь», украшают афиши главных залов мира: Дмитрий Хворостовский, Николай Петров, Наталия Гутман, Александр Князев, Валерий Афанасьев, Кармен Балтроп, Жорди Доменек, Ева Подлесь, Ловро Погорелич, Большой Симфонический оркестр им. П.И. Чайковского, Государственная Симфоническая Капелла России, Оркестр Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург Камерата), The Klezmatics, OdeonQuartet и многие другие. Постоянными участниками Фестиваля с первых лет его существования стали лучшие российские ансамбли – Государственный квартет имени Бородина, Государственный квартет имени Д.Д. Шостаковича, Ансамбль «Академия старинной музыки» под управлением Татьяны Гринденко, Московское трио, Брамс-трио. Многие солисты выросли и состоялись вместе с Фестивалем, среди них Хибла Герзмава, Алексей Володин, Петр Лаул, Граф Муржа, Яна Иванилова, Денис Шаповалов, Юрий Фаворин, Никита Борисоглебский, Андрей Коробейников, а такие именитые артисты, как Терри Барбер, Саяка Шоджи, Кристофер Тейлор, Дориан Уилсон, Эндрю Тайсон дебютировали на российской сцене в программах «Арт-ноября». [2, 10] [4, 12][5, 14] [7] [13, 38-39] [20, 104] [35, 15] [37, 23]

Среди разнообразных программ фестиваля: «Победители международных конкурсов – к 50-летию Государственного института искусствознания» (1994), «Камерная музыка пушкинской поры» (1999), «Русское искусство» (2004) [14, 23], «Романтизм» [3] [15], «Вера и суеверие в искусстве» (2006) [16] [19] [21], «Памяти А.И. Кочета» (2007, Москва–Санкт-Петербург). [33, 7] [34, 6]

Яркой отличительной чертой «Арт-ноября» последних лет стали грандиозные тематические циклы. В 2010 году Фестиваль был посвящен выдающейся личности в истории российской культуры – основателю Императорского Русского музыкального общества и первой русской консерватории, блистательному пианисту, педагогу, композитору дирижеру Антону Григорьевичу Рубинштейну. Фестиваль открывал «Стейнвей-парад» с участием десяти лучших представителей пианистических школ России, Европы и Америки в Светлановском зале Московского международного Дома музыки, а в Зеркальном зале Института искусствознания на протяжении ноября звучала музыка Антона Рубинштейна, его современников, друзей и последователей. [12, 16] [22, 36] [24]

В 2011 году программа фестиваля включала «Бах-марафон», в рамках которого впервые за один день прозвучали все концерты И.С. Баха для солирующих инструментов с оркестром, и цикл из 15 концертов «Людвиг ван Бетховен. Все сонаты». [6] [17] [25, 3, 4] [27, 15-17] [42, 15]

В 2012 году Фестиваль «Арт-ноябрь» представил цикл из 17 концертов-лекций «Сезон Брамса. К 180-летию со дня рождения», в котором были исполнены все камерные и фортепианные сочинения Й. Брамса [23] и цикл из 4 концертов «Людвиг ван Бетховен. Все симфонии в фортепианных транскрипциях Ференца Листа», продолживший проект бетховенских монографий. [28] [29] [30]

В 2013 году резонансным событием московского музыкального сезона стал «Моцарт-марафон» – вся камерно-инструментальная музыка и все концерты для солирующих инструментов и ансамблей с оркестром В.А. Моцарта. Этот беспрецедентный проект был осуществлен в честь юбилея Государственного института искусствознания и 20-летия фестиваля «Арт-ноябрь». В нем приняли участие выдающиеся артисты, по праву составляющие гордость современного музыкального искусства России, Европы, Северной и Южной Америки, в том числе блистательная плеяда консерваторцев – выпускники, преподаватели и сегодняшние студенты Московской консерватории – победители десятков международных конкурсов, именитые и совсем юные, но уже титулованные артисты. [18, 13-15] [26, 3, 4] [39, 49-51] [40, 7-12] В рамках «Моцарт-марафона» в Большом зале консерватории прошла выставка уникальных духовых инструментов Buffet Crampon, были организованы мастер-классы участников Марафона для студентов и преподавателей Московской консерватории и других московских музыкальных вузов и училищ. В рамках «Моцарт-марафона» было проведено первое в России социологическое исследование аудитории классической музыки. Принимая во внимание особую популярность произведений Моцарта, широкий спектр концертов, инструментов и исполнителей, участвующих в «Моцарт-марафоне», а также структуру и продолжительность цикла, анализ аудитории этого уникального события представляет несомненный интерес для музыковедов, социологов и культурологов, изучающих публику исполнительских искусств. [32]

Фестивалю «Арт-ноябрь» принадлежит честь открытия широкой публике «русского Дали» – выдающегося художника-сюрреалиста Макса Хаазе (Арт-ноябрь, 2006). [43] В программах фестиваля – первые публичные выставки художественных наследий Сергея Эйгеса (2004) [14, 24], Павла Никифорова (2007), Исаи Зеймана (2008). [7] В 2007 году в рамках Фестиваля, посвященного памяти А.И. Комеча, зрителям впервые была представлена масштабная экспозиция «Мир русской архитектуры в фотографиях А.И. Комеча». Фестиваль проходил одновременно в Москве и Санкт-Петербурге, обширная выставочная программа в общей сложности насчитывала 9 экспозиций, в том числе первый в России публичный показ коллекции живописи и скульптурных работ знаменитого французского художника Жакомо де Пасса. [33, 7] [34, 6] В 2010–2011 годах в программах Фестиваля «Арт-ноябрь», посвященных А.Г. Рубинштейну, прошли грандиозные выставки «Антон Григорьевич Рубинштейн. Летопись эпохи»: фотографии, нотные записи, личные вещи, прижизненные портреты, эскизы декораций к спектаклям, афиши – уникальные по полноте представления артефактов экспозиции из архивов Третьяковской галереи, Театрального музея им. Бахрушина, Государственного музея музыкальной культуры им. Глинки, Нью-Йорк Филармоникс и частных коллекций. [8, 37, 38] [9, 2, 3] [36, 5-10]

Задуманный и развивавшийся в русле культурного миссионерства Фестиваль ведет активную исследовательскую и просветительскую деятельность, результатом которой становились многочисленные публикации в российской и зарубежной прессе, издание традиционных ежегодных брошюр Фестиваля, создание уникальных аудио и видео записей. События фестиваля привлекли значительное количество сторонников и участников, способствовали заметному росту аудитории, активизации интереса к отечественному культурному наследию и современным творческим процессам, поддержке молодых музыкантов, сохранению традиций благотворительности и культурного просвещения.

При участии Студии звукозаписи Московской консерватории и Российского Государственного Музыкального телерадиоцентра создан уникальный аудио архив программ фестиваля, в который вошли в том числе первые исполнения сочинений Георга Пеллещиса и Ираиды Юсуповой (Концерт к 350-летию Г. Перселла «Три контратенора». Арт-ноябрь, 2009), Николая Капустина, Алексея Курбатова и Альберто Кольи, созданных специально для Фестиваля «Арт-ноябрь», а также российские премьеры сочинений Лоуэла Либермана, Фредерика Ржевского, Уильяма Болкома, Карлоса Алсины (Цикл «Новое поколение искусства», Арт-ноябрь, 2011–2013), редко исполняемые произведения А.Г. Рубинштейна (Арт-ноябрь, 2010), все концерты И.С. Баха («Бах-марафон». Арт-ноябрь, 2011), 52 инструментальные сонаты Л. ван Бетховена («Бетховен. Все сонаты». Арт-ноябрь, 2011–2012), все камерные и фортепианные сочинения Й. Брамса («Сезон Брамса». Арт-ноябрь, 2012–2013), все концерты В.А. Моцарта («Моцарт-марафон». Арт-ноябрь, 2013–2014). [7] Фонограммы переданы в фонотеку Московской консерватории для использования в образовательном процессе и в фонд Российского

государственного музыкального телерадиоцентра для трансляции и размещения на сервере Европейского Вещательного Союза.

Подробные аннотации к программам концертов и выставок в буклетах фестиваля, рассказы и комментарии ведущих московских искусствоведов к исполняемым произведениям на каждом концерте, мастер-классы участников Фестиваля для учащихся и преподавателей музыкальных школ, училищ и вузов, бесплатный вход на все концерты Фестиваля на камерных площадках – неперенные и принципиальные составляющие ежегодных программ Фестиваля «Арт-ноябрь» на протяжении 20 лет.

В последние годы Фестиваль «Арт-ноябрь» выступает инициатором и активным участником нескольких партнерских проектов, в том числе: «Рояль-парад» (совместно с Российской Академией Наук, Москва, 2009), «Антон Рубинштейн – путь через океан» (совместно с Архивом Нью-Йорк Филармоникс, США, 2010–2011), «Братья Третьяковы и братья Рубинштейны» (совместно с Государственной Третьяковской галереей, Москва, 2011); «Австрия глазами современных российских мастеров живописи» (совместно с Галереей Альрус, при патронате посольства России в Австрии и Австрии в России, Москва–Вена, 2012), «Пианисты-победители» (совместно с фестивалем «Охридское лето», Македония 2013).

Новый проект Фестиваля «Арт-ноябрь» связан с творческим наследием И.С. Баха. Используя в названии аббревиатуру BWV (Bach-Werke-Verzeichnis – «Каталог произведений Баха», составленный в 1950 году Вольфгангом Шмидером), фестиваль следует принципу жанровых монографий, отвечающему тематической структуре Bach-Werke-Verzeichnis.

Каталог Баха

Весной 1801 года венское и лейпцигское издательства Хофмайстера и Кюнеля начали совместный выпуск «полного собрания» сочинений Иоганна Себастьяна Баха. «Всеобщая музыкальная газета» писала тогда: «По-видимому, это феномен, характеризующий определенную степень музыкальной культуры и новейшее направление вкуса, что издатели сочли для себя благоприятным издавать произведения И.С. Баха, ведь еще тридцатью годами ранее ни у кого не достало бы стремления к подобной работе, а также сил, чтобы иметь возможность выучить эти произведения и их исполнить».

Первое «полное собрание» включало лишь основные клавирные произведения и было выпущено в 14 тетрадях в рекордно короткий срок – за два с половиной года. Фактическим руководителем и вдохновителем этого издания был Иоганн Николаус Форкель. – выдающийся музыкальный просветитель, ученый, заложивший основы современного музыкознания, органист, а позднее, и музыкальный директор Геттингенского университета, посвятивший большую часть своей жизни изучению творчества И.С. Баха.

В феврале 1802 года Форкель писал издателю: «Я считаю, что наилучший способ поднять все предприятие на более высокую ступень и убедить широкие круги публики в его ценности, состоит в том, чтобы в ближайшее время издать для этой широкой публики небольшой труд о жизни и произведениях И.С. Баха. Так как я собираю материалы для подобного труда на протяжении более чем 20 лет и вообще знаком с этим предметом так, как наверняка никто другой в Европе, я в любом случае во имя этого доброго дела хотел бы отложить мои другие уже начатые занятия и взяться за это». Так появилась первая книга о Бахе – «О жизни, искусстве и произведениях Иоганна Себастьяна Баха» Иоганна Николауса Форкеля – книга, с которой после полувекового забвения началось возрождение интереса к личности и творчеству величайшего немецкого композитора. [38, 549-561]

А еще через два десятилетия «Страсти по Матфею», исполненные впервые после смерти автора Феликсом Мендельсоном в Берлине 11 марта 1829 года, стали триумфальным возвращением музыки Иоганна Себастьяна Баха в европейскую, а позднее и в мировую, музыкальную жизнь. В 1843 году в Лейпциге был открыт памятник великому кантору Церкви Св. Фомы, а в 1850 году Мориц Гауптман, Отто Ян и Роберт Шуман основали Баховское общество (Bach-Gesellschaft), основная задача которого – публикация полного академического собрания произведений Баха – была выполнена к 1900 году.

В 1950 году «Каталог произведений Баха» (Bach-Werke-Verzeichnis, общепринятое сокращение – BWV), составленный Вольфгангом Шмидером, ввел в музыкальный обиход систему нумерации всех известных сочинений Иоганна Себастьяна Баха – в общей сложности 1120 произведений во всех жанрах, за исключением оперы. В отличие от хронологического принципа каталогов других композиторов, каталог Шмидера – тематический. Вполне вероятно, что при его составлении Шмидер следовал многолетней практике, установившейся с 1851 года, когда Баховское общество начало работу над изданием полного академического собрания сочинений. Произведения публиковались не в хронологическом порядке, а по жанровому соответствию.

Этот принцип локальных жанровых монографий стал основой драматургии нового фестиваля Баха. Четыре крупных жанровых направления баховского наследия – органная, камерно-инструментальная, оркестровая и ораториальная музыка – были представлены в программах концертов первого фестиваля в Москве, Риге и Баку в

марте 2014 года. Кульминацией BWV-2014 стало исполнение «Страстей по Иоанну» в Храме Святого Людовика Французского в Москве 29 марта 2014 года. Программа Первого фестиваля Баха – своего рода манифест, очерчивающий общие контуры гигантского композиторского наследия, для исполнения которого и задуман новый проект Фестиваля «Арт-ноябрь». [31, 2, 3]

Главной темой Международного фестиваля BWV 2015, посвященного 330-й годовщине со дня рождения Иоганна Себастьяна Баха, стала основная стихия баховского творчества – полифония. Программа была выстроена в виде трёхчастной музыкальной формы и в отличие от предыдущего сезона посвящена только светской музыке. Фестиваль открывался исполнением «Хорошо темперированного клавира» – самого известного и непревзойденного образца клавирной полифонической музыки, обращенного Бахом к «музыкальной молодёжи, жаждущей учиться». [44, 140-271] Центральная часть фестиваля – концерты камерной музыки: лютневые сюиты и фуги, арии из кантат и пассионов, трио-сонаты, сюиты для виолончели, скрипичные и флейтовые сонаты с клавиром. «Бах для одной скрипки умудрялся писать полифоническую музыку, и даже фуги. Подумайте: в фуге звучат то последовательно, то вместе несколько голосов – и все их играет один смычок! Чудо природы – эти сонаты Баха», – восторгался Рудольф Баршай. [11, 49]

«Бах не новый, не старый, он нечто гораздо большее – он вечный», писал Роберт Шуман. [44, 140-271] Разные эпохи «баховской вечности» предстали перед слушателями фестиваля. Органные, инструментальные и вокальные сочинения Баха в фортепианных транскрипциях композиторов и исполнителей романтической эпохи и экстравагантные джазовые версии с участием маримбы и бас-гитары наших современников – свидетельства неисчерпаемого интереса исследователей и почитателей к великому мастеру и тайнам его музыки. «Нотная тетрадь Анны Магдалены Бах» – сборник, состоящий из более чем 40 небольших пьес, заботливо вписанных в знаменитую тетрадь женой Баха Анной Магдаленой, самим Иоганном Себастьяном и их детьми, и сохранивший в истории не только разные версии собственных сочинений Баха, но имена и музыкальные темы многих его современников и предшественников. «Хорошо темперированный клавир» и «Искусство фуги» – полифонические вершины баховского творчества, хранящие традиции и правила многовекового полифонического искусства, феноменальные познания великих полифонистов – Иоганна Якоба Фробергера, Иоганна Генриха Шмельцера, Михаэля Преториуса, Генриха Шютца, блестящее воплощение достижений «знаменитого музыканта канонического стиля» Иоганна Якоба Лёва фон Эйзенаха.

Процесс изучения, исполнительского и слушательского осмысления баховского наследия бесконечен, как бесконечен сам Бах. В 2015 году Фестиваль представил новую страницу своего Каталога Баха – BWV 2015.

В финале BWV 2015 прозвучал прощальный шедевр И.С. Баха «Искусство фуги», окончанный и инструментованный Рудольфом Баршаем в 2010 году.

Выдающийся музыкант, просветитель и музыкальный первопроходец, альтист, дирижер, один из основателей Струнного квартета имени Бородина, создатель первого в Советском Союзе Камерного оркестра, автор бесчисленного количества переложений и инструментовок, среди которых его знаменитые камерные симфонии, рожденные из квартетов Бетховена, Бородина, Чайковского, Равеля, Прокофьева, Шостаковича, Рудольф Баршай главным делом своей жизни считал завершение и инструментовку «Искусства фуги». Он начал эту работу по совету Марии Вениаминовны Юдиной еще в Советском Союзе в 60-х годах прошлого века. «Консультировался с Шостаковичем, советовался с Локшиным, который мог ответить на любые вопросы по контрапункту и по гармонии. Помню, Локшин предложил одну связку из трех нот, коротенький мотив, и сказал: “Это, правда, будет немножко отдавать Моцартом, но у Баха вы все найдете, даже Шуберта”. Так и есть», рассказывал Рудольф Баршай. [11, 244-246]

Именно Шостакович настаивал на том, что цикл должен быть закончен, что необходимо дописать последнюю фугу. «Вы ведь знаете, что Бах был человек очень суровый, свирепый, строгий. Я себе хорошо представляю, как он был бы возмущен, что вы играете его произведение без окончания. И как он мог бы сказать: не умеете закончить – не играйте», – говорил Шостакович. На ранней версии баршаевской партитуры рукой Шостаковича написано: «Я познакомился с работой Р.Б. Баршая, которую он проделал, сочинив продолжение “Искусства фуги” И.С. Баха. Считаю эту работу великолепной, достойно завершающей это великое баховское произведение». Эта первая версия – и целиком, и отдельные фуги – много раз звучала в Москве в 70-х годах в исполнении Камерного оркестра под управлением Баршая. «Но правда заключалась в том, что меня не все устраивало в этой редакции. Не все получилось таким, как я слышал, когда сочинял. И я решил, что должен работать дальше», – писал Рудольф Баршай. [1, 33] [11, 247-250]

Идея «завершения» очень сильна в русской музыкальной традиции – “Хованщина” Мусоргского, завершенная Римским-Корсаковым, “Князь Игорь” Бородина, дописанный Римским-Корсаковым и Глазуновым, завершенная и оркестрованная Шостаковичем опера “Скрипка Ротшильда” Вениамина Флейшмана, погибшего на фронте, и множество других примеров. Эта идея “завершения” смыкается с идеей “воскрешения предков”

религиозного философа Николая Федорова. Идея, которую разделяли и Владимир Соловьев, и Лев Толстой. Федоров писал, что стремление к такому воскрешению есть наш долг перед предками, наша “самая высшая и, безусловно, всеобщая нравственность, нравственность естественная для разумных и чувствующих существ. От исполнения “долга воскрешения” зависит судьба рода человеческого”. [11, 11]

Работа над “Искусством фуги” растянулась на сорок с лишним лет. Будучи уже тяжело больным, поставив кровать к огромному письменному столу в своем доме в Швейцарии, Баршай дописывал окончательную версию партитуры и мечтал исполнить ее или хотя бы услышать. Баршай завершил партитуру «Искусства фуги» в октябре 2010 года. Впервые она прозвучала 21 марта 2015 года, в день рождения Иоганна Себастьяна Баха. А впереди у этой музыки – бесконечно долгая жизнь и благодарная память потомков. [40, 34-37]

Список литературы

1. Баршай Р. Иоганн Себастьян Бах. Искусство фуги // Буклет BWV 2015
2. Бабалова М. Он русский, это многое объясняет // Газета «Известия», 09.11.2008
3. Бедерова Ю. Бегущий по волнам // Газета «Время новостей» №205, 03.11.2005
4. Бедерова Ю. Осторожно, симфония // Газета «Время новостей» №216, 21.11.2008
5. Бедерова Ю. Разнообразие в масштабе // Газета «Время новостей» №201, 30.10.2009
6. Бедерова Ю. Главное – все сонаты // Газета «Московские новости», 24.10.2011
7. Буклеты Фестиваля Арт-ноябрь // Арт-ноябрь, 1994–2014
8. Войскунская Н. Пространство А.Г.Рубинштейна // Журнал «Третьяковская Галерея», ноябрь 2010
9. Войскунская Н. Антон Рубинштейн. Летопись эпохи // Буклет Фестиваля Арт-ноябрь 2011
10. Войскунская Н. Вариации на тему Моцарта // Моцарт-марафон. Буклет Фестиваля Арт-ноябрь 2013
11. Дорман О. Нота // М.: Сogrus АСТ, 2013
12. Зимянина Н. Фестиваль небывалых фокусов // «Новая газета» № 121, 29.10.2010
13. Коваленский Я. Возрождение клезмерской музыки // Журнал «Алеф», Апрель 2010
14. Костина О. Сергей Константинович Эйгес // Журнал «Русское искусство», 2004
15. Кривицкая Е. Страдания русского Орфея // Газета «Культура», 24.11.2005
16. Кривицкая Е. Не бойтесь числа 13 // Газета «Культура», 15.11.2006
17. Кривицкая Е. Встреча с Бетховеном // «Независимая газета», 21.12.2011
18. Кривицкая Е., Рубинштейн Н. По принципу разнообразия // Журнал «Музыкальная жизнь» №2, 2014
19. Ложкина Е. Вера, суеверия и итоги пятилетки // «Независимая газета», 03.11.2006
20. Lovro Pogorelic u Moskvi i Sankt Peterburgu // Zagreb “Nacional Magazine” №629 2007
21. Муравьев И. Дюжина дьявола // «Российская газета», 08.11.2006
22. Назарова Е. Горячая музыкальная пора // Газета «Литературная Россия», №45-46 12.11.2010
23. Ойвин В. Пир принцев рояля // Журнал Classica FM, 07.12.2012
24. Петухова С., Рубинштейн Н. Посвящение Антону Григорьевичу Рубинштейну // Альбом Фестиваля Арт-ноябрь 2010
25. Петухова С. Универсальный инструментальный жанр // Буклет Фестиваля Арт-ноябрь 2011
26. Петухова С. Импровизации гения // Моцарт-марафон. Буклет Фестиваля Арт-ноябрь 2013
27. Предлогов В. Великие музыкальные монографии // Журнал PianoForum, январь 2012
28. Предлогов В. Брамс на фестивале Арт-ноябрь // Интернет-портал Belcanto, 11.11.2012
29. Предлогов В. Три взгляда на листовские транскрипции // Интернет-портал Belcanto, 17.11.2012
30. Предлогов В. Еще три взгляда на листовские транскрипции // Интернет-портал Belcanto, 08.04.2013
31. Рубинштейн Н. Каталог Баха // Буклет BWV 2014
32. Рубинштейн А. Публика концертов Моцарт-марафона: опыт социологического исследования. // Научные доклады Института экономики РАН, 2014
33. Садыхова Г. Усыпили Сильвестровым, убаюкали // Газета «Невское Время», 13.11.2007
34. Садыхова Г. Кровь, бегущая по телефонным жилам // Газета «Невское Время», 04.12.2007
35. Смирницкий Я. Осень музыки глазами весны // Газета «Московский комсомолец», 22.10.2009
36. Теркель Е. Дело жизни – служение искусству: Антон Рубинштейн и Павел Третьяков // Журнал «Третьяковская Галерея», Февраль 2011
37. Толмачева К. Под сенью дружных муз // Газета «Музыкальное обозрение» №301, декабрь 2008
38. Forkel's Letters to Hoffmeister & Kühnel: A Bach Biographical Source Recovered // The Journal of Musicology, Vol. 5, No. 4 1987
39. Церетелли А. Как играют французы // Журнал «Музыкальная жизнь» №10, 2013
40. Церетелли А. праздник по имени марафон // Журнал «Музыкальная жизнь» №2, 2014

41. Церетелли А. Линия жизни. О мировой премьере оркестровой редакции Искусства фуги // Журнал «Музыкальная жизнь» №4, 2015
42. Шведова И. Арт-ноябрь начался с Бетховена // Газета «Московская Правда», 02.11.2011
43. Штутина Ю. Обретение Макса Хаазе // Lenta.ru Культура, 10.10.2006
44. Шульце Х.-Й. Документы жизни и деятельности Иоганна Себастьяна Баха / М.: Музыка, 1980

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

СЕКЦИЯ №4.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

КОМПЛЕКС ЭРГОНОМИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ К ДИЗАЙНУ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МЕБЕЛИ

Тарасова О.П., Халиуллина О.Р.

Оренбургский государственный университет, г.Оренбург

Идея рационального использования жилого пространства сегодня особенно актуальна, поскольку жилая среда современного человека активно заполняется многообразием различных вещей. В первую очередь, данная идея актуальна для малогабаритного жилья, которое особенно пользуется потребительским спросом. В этих условиях целью дизайна становится возможность совмещения функций вещей, что осуществляется посредством избавления от редко используемых, передавая их функции предметам, используемым постоянно.

Одним из способов экономии пространства в интерьере является применение трансформируемой многофункциональной мебели. Ее прототипом является мебель, которую стали изготавливать на рубеже XIX и XX веков для гостевых комнат особняков, где предусматривались спальные места в виде диванов, трансформируемых в кровать, диваны имели надстройки в виде полок и боковых тумбочек и пр. При разработке таких образцов предполагалась компактность элементов, выполняющих после несложных преобразований функции различной мебели.

Принцип трансформации, как основы в создании многофункциональной мебели, схематично представляется в виде модели: исходная трансформа – промежуточный процесс – новая трансформа. Сущность того или иного приема заключена в особенностях промежуточного процесса, поскольку начальная и конечная трансформы, как правило, задаются изначально (диван-кровать, шкаф-кровать и пр.).

Сегодня наиболее широкое распространение в процессе проектирования мебели находит применение комбинаторных приемов трансформации: добавление-убавление, складывание-раскладывание, вкладывание друг в друга и пр. Трансформация может основываться на принципах «гармошки» (Рисунок 1.а), «ширмы», «книги», «зонтика», «матрешки» (Рисунок 1.б), «слоенного пирога» и пр.

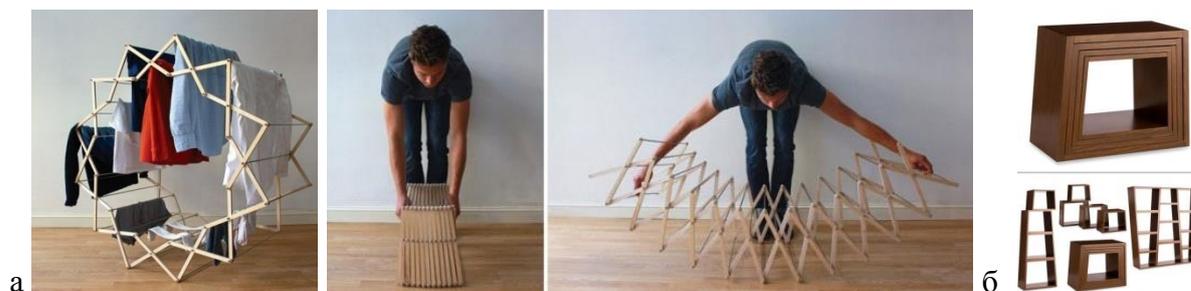

Рис.1. а – А. Данкертон. Складывающаяся подставка для сушки белья *Star-shaped*. Пример трансформации по принципу «гармошка»;

Рис.1. б – Стеллаж Dror Benshetrit. Пример трансформации по принципу «матрешка»

Для построений типа «трансформация» характерны два вида задач: трансформируемо-пакетируемая (Рисунок 3) и штабелируемая формы (Рисунок 2). Сущность первой заключается в создании изделий, обладающих способностью к превращению в «нерабочем» состоянии в предельно компактную форму. К таким изделиям можно отнести комбинированные шкафы с откидными, выдвижными или выкатными кроватью, столом, стулом, а также кресло-кровать, диван-кровать и т.д. Сущность штабелируемой, в свою очередь – в создании форм изделий, основанных на комбинаторном использовании свойств равенства, подобия или предельной пространственной сочетаемости одинаковых или типоразмерных форм сложной пространственной конфигурации, позволяющей их складировать (штабелировать) в компактное целое. Способы штабелирования различаются по вертикали; со смещением вперед и вверх; со смещением в сторону и вверх; по горизонтали; отдельными элементами.

Рис.2. Штабелируемые табуреты. А. Аалто (Artek)

Важно отметить, что требования эргономики вносят ограничения в разнообразие вариантов трансформации проектируемой мебели, что приводит к уменьшению количества приемлемых композиционных решений. Среди них – соответствие функциональному назначению, целевой аудитории, параметры проектируемой мебели, особенности конструкции, используемые для производства и функционирования мебели материалы и приспособления, психофизиологические и эмоционально-эстетические данные выбранной цветовой гаммы. Рассмотрим данные требования более приближенно.

Характеристика функционального назначения необходима для выявления специфических требований к проектируемой мебели исходя из условий ее эксплуатации и особенностей пользователя для обеспечения максимального приближения параметров продукта к возможностям и характеристикам человека. В результате такого анализа достигается соответствие мебели целевому назначению, что обеспечивает эффективность от ее эксплуатации.

Известно, что функциональность мебели определяется пользой, которую она должна принести в жизнедеятельность человека. Вариативность применения мебели, то есть внесение дополнительных свойств и качеств, значительно расширяет границы ее использования одновременно сокращая площади, занимаемые мебелью в интерьере и высвобождая свободное пространство. Таким образом, при рациональном и экономичном использовании площадей человеку создаются оптимальные условия.

Рис.3. Диван «Café and Leche» («Кофе с молоком») – идея испанских дизайнеров компании Ebuala. Трансформируемо-пакетируемая форма

Исследование особенностей целевой аудитории позволяет создать мебель, адекватную его психофизическим возможностям и характеристикам. Соответственно, учитывая возраст пользователя, его пол, силовые возможности, национальность и пр. гармонизируются отношения человека и средового объекта при их взаимодействии (Рисунок 3).

Конструкция мебели также должна определяться исходя из ее назначения одновременно обеспечивая ее исправность и надежность при длительном бесперебойном использовании. Одновременно в течение установленного срока службы должны быть гарантированы прочность, износо- и формоустойчивость мебели, возможность и легкость ухода и ремонта, возможности многофункционального использования и трансформации, а также использование современных материалов, технологий и оборудования. Кроме того, важно обеспечить соответствие мебели нормам и стандартам, действующим на территории страны.

Конструкция мебели также связана со стоимостью, поскольку влияет на расход материалов и приспособлений. Особенности формы, способы или приемы формообразования, габаритные размеры, могут значительно увеличить или уменьшить цену изделия. Соответственно, важно оптимизировать затраты на производство и эксплуатацию мебели исключая расхождение качества и цены. Кроме того, решения, принимаемые проектировщиком при работе над конструкцией мебели и выборе методов и приемов технологической обработки и сборки деталей должны учитывать кто (пол, возраст, состояние здоровья и пр.) и при каких условиях будет эксплуатировать мебель (Рисунок 4).

Рис.4. Мебельный набор-трансформер «Kenchikukagu» (Япония) для молодых людей, имеющих съемное жилье

Цвет, как известно, является одним из важнейших компонентов среды обитания человека и с позиции эргономики должен учитываться с трех позиций: психофизиологии, психологии и эстетики, то есть выступать как фактор эмоционально-эстетического воздействия и психофизиологического комфорта.

Как фактор психофизиологического комфорта цвет создает благоприятные условия для определенной зрительной работы создавая оптимальное освещение или предлагая наилучший для глаз набор цветов. В этом качестве цвет способен компенсировать неблагоприятные воздействия климатических, микроклиматических условий, процессов жизнедеятельности и пр. С этой позиции при выборе цветовой палитры мебели важно учитывать ассоциации (в случае ее массового производства) и личные предпочтения при индивидуальном заказе. Такой подход обоснован способностью цвета изменяться при изменении его чистоты, сочетании цветов, условий освещенности, а также особенностями возраста, пола, национальности, региона проживания, профессии, личного опыта, индивидуальных пристрастий, типа нервной системы и пр.

Как фактор эмоционально-эстетического комфорта цвет создает самостоятельное эстетическое воздействие и ощущение цветовой гармонии, а также используется как средство композиции. В этой связи цветовое решение мебели должно быть увязано с интерьером в целом (Рисунок 5).

Рис.5. Складной обеденный стол с «аппетитным» цветовым решением. – <http://even.sharovnya.com/>

Таким образом, охарактеризованный нами комплекс эргономических факторов в процессе производства будет определять как образ мебели в целом, так и составляющие ее элементы.

Список литературы

1. Рунге, В.Ф. Эргономика в дизайне среды. / В.Ф. Рунге, Ю.П. Манусевич. – М.: «Архитектура – С», 2007. – 328 с.: ил.

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

РОЛЬ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОРНАМЕНТА КАЗАХСКОГО КОВРА

Касенова К.Б.

Казанский государственный институт культуры, г.Казань

Несмотря на сравнительно позднее образование своего этнонима, казахи являются одним из древнейших по своему этнокультурному содержанию народов Евразии, включивших в свой состав множество племен и народностей, и игравших важную роль в истории Евразийских степей.

В трудах современных исследователей истории было высказано несколько гипотез о происхождении и истории казахского орнамента. Одна из них ищет истоки казахского искусства где-то извне, т.е. считает местную орнаментику заимствованной из культур других народов. Наиболее четко эта гипотеза выражалась Е. Шнейдером. Высказывая правильную мысль о том, что « орнаментика является прекрасным материалом для выявления происхождения или культурных взаимоотношений этнических групп...», Е. Шнейдер ошибочно утверждал, что корни казахской орнаментики «вышли из иранского мира» и пытался доказать, что казахские геометрические узоры произошли из традиционного иранского мотива «дерева и птиц» [4,с.135]. Вот как он пояснял сущность казахского узора қошқар мүйіз – «бараньи рога» ромбические вершинки, завитки и конические основания будто убеждают, что эта фигура должна быть изображением дерева. Подобная же мысль, высказывалась еще раньше А. Бобринским [1].

Но ведь для искусства древней Персии характерны не только национальные традиции, свойственные ее народу. «В архитектуре Персеполя, - пишет Д. Уилберг, - переплелись различные стили, заимствованные его создателями из нескольких стран». Значительный интерес представляют рельефы ападаны (зала приемов) дворца Дария I с изображением данников древней Персии из двенадцати трех сатрапий. Среди прочих данников изображены арреи, армяне, согдийцы, парфяне, бактрийцы, хорезмийцы и, что особенно для нас интересно, «одинадцатая группа – саки-тиграхауда, или скифы, с остроконечными шапками. Изображены вооруженными и

в соответствующих их названию головных уборах. За собою они ведут лошадь и несут кафтаны и штаны (очевидно, такую же одежду они носили и сами)» [2, с.70].

Таким образом, вышеизложенные данные говорят о том, что в сооружении древнего Персеполя участвовали мастера многих стран, в том числе представители древних племенных объединений нашей Родины, мастерство которых наложило известный отпечаток на искусство древней Персии. Поэтому нельзя утверждать о существовании какого-то культурного центра, распространившего свое искусство на окружающий мир.

Большую роль оказала влияние арабо-мусульманские и культурные предпосылки исламской культуры на развитие орнамента, включая взгляды Корана и сунны на изобразительное искусство.

Повсеместное распространение орнамента в исламском изобразительном искусстве связано с фундаментальным религиозным понятием ширк, которое означает «придание Аллаху сотоварищей», что запрещено в исламе, дабы не нарушать тавхид – веру в единстве и единственность Аллаха. Этими «сотоварищами» может быть что угодно – от «маленьких божков» (илах) алчности, капризности и атеизма до политеистических божеств, смещенных исламом при своем зарождении [3, с. 22].

Вопреки широко распространенному мнению, запрет на изображение живого не упоминается в Коране. Зато в многочисленных хадисах (хадис – это высказывания Пророка, либо одного из его ближайших сподвижников) настойчиво говорится о таком запрете. Это объясняет, почему в мусульманском мире не существовало четкого и определенного подхода к предмету изображения. Есть две основные причины, по которому в мусульманском мире так щепетильно относятся к изображениям:

1. абсолютное превосходство Аллаха над всем сущим;
2. проблема идолопоклонства.

По исламу, Бог неопределим понятиями места, размера, цвета и формы, поэтому Его невозможно и нельзя изображать. Запрет на изображения Бога также присутствует в иудаизме, но не в христианстве, поскольку христиане считают, что Бог, явившись в этот мир в человеческом обличье (богоявление), разрешил изображать себя.

В данный момент запрет распространяется только на изображение живых существ и, в особенности, статуй и идолов. Не стоит забывать при этом, что в зависимости от эпохи и уровня культурного развития изображения живых существ воспринимались по-разному. Даже самые строгие мусульмане допускают изображения живых существ, если они небольших размеров (например на монете) или если они необходимы для нормального функционирования государства (фотографии на документах, удостоверяющих личность).

Некоторые хадисы об искусстве рассказывают, что Пророк, увидев на одной из своих жен одежду, украшенную рисунком животного, попросил вырезать его. Потом из этого куска ткани была сделана подушка. С тех пор изображение живых существ запрещено на стенах, занавесках и обоях, но разрешено на подушках и коврах.

В другом хадисе говорится, что в Судный день Бог потребует от художников оживить их изображения. Поскольку они, естественно, не смогут этого сделать, то будут низвергнуты в ад. «Того, кто создаст изображение (живого существа), Аллах будет наказывать до тех пор, пока он не вдохнет в него жизнь, и этого он не сможет сделать никогда» [5, с.846].

На родине ковров, в жаркой Персии, вплоть до XIX века ковроткачество пребывало в плену мусульманских традиций, запрещавших изображать живые творения Аллаха. Поэтому за многовековую историю персидских ковров сформировалась своя система образов в виде символов и деталей орнамента, имевших строго определенный смысл и толкование ковров. В угловатых ромбовидных цветах и листьях с зазубренными краями, в тонкой ювелирной вязи, в мозаичном узоре можно прочесть строки из Корана, пословицы, легенды, пожелания будущему владельцу. Из растений чаще всего встречаются цветы тюльпанов, гвоздик, гиацинтов, амариллисов, побеги вьющихся растений, изображенные в естественном или стилизованном виде. Необычайно популярными были розы и плоды граната, они символизировали райскую жизнь.

Волнистые или ломаные линии обозначают воду - символ жизни, круги - бесконечность мира, Вселенной. А некоторые сложные скрещения треугольников и квадратов обозначают небесные светила: солнце, луну, звезды. Очень важна цветовая гамма, в которой выполнен ковер. Персидские ковры как бы вобрали в себя все краски земли - они отражают многообразие окружающего мира.

Впитав приобретенные формы византийской, коптской, персидской, эллинистическо-римской орнаментики, арабско-мусульманский декор представил собой роскошное, уникально-самобытное искусство орнамента и каллиграфии, часто соединенные вместе в так называемый эпиграфический орнамент. Один из ранних и наиболее используемых почерков — куфический (буквы прямые с четкими угловатыми очертаниями), или, как его поэтически называют, «цветущий куфи». Второй наиболее распространенный почерк — насхом (буквы более округлые).

Существуют два основных вида мусульманского орнамента, имеющих бесконечное разнообразие вариантов — растительный ислими (узор из гибких, вьющихся растительных стеблей, побегов, усыпанных листьями и цветами) и геометрический гирих (жесткие прямоугольные и полигональные непрерывные фигуры-сетки, узлы). Ислими и гирих всегда строго математически выверены и рассчитаны. Их варианты и композиции многообразны и практически неисчерпаемы и бесконечны.

Одна из особенностей арабского декора — «ковровая» орнаментация, в которой узор покрывает всю поверхность предмета или сооружения по принципу «*hoiteur vacui*» (боязнь пустоты).

Таким образом, художникам предлагается рисовать стилизованные орнаменты и абстрактные изображения. Иными словами, эквивалентами пластических искусств в арабо-мусульманской культуре были художественная каллиграфия и миниатюрная живопись.

Необходимо отметить, что абстрактность арабо-мусульманского искусства далека от современного абстракционизма. Современные художники находят в абстракции ответ на иррациональные подсознательные импульсы; для мусульманского же художника абстрактная живопись непосредственно отражает единство в многообразии. Мусульманское искусство состоит в воспроизведении предметов в соответствии с их природой, а она насыщена красотой, поскольку происходит от бога: не остается ничего другого, как выявить и вычленив красоту. В исламской концепции искусство в широком смысле является средством облагораживания материала. Для мусульманского искусства ковроуткачество характерны повторение выразительных геометрических мотивов, неожиданная смена ритма и диагональная симметрия. Исламский строй ума включает в себя острое ощущение хрупкости мира, емкость мысли и действия, чувство ритма.

Другим типичным примером арабо-мусульманской культуры является арабеска, специфически мусульманский орнамент, в котором логика связана с живой целостностью ритма. Элементы мусульманского декоративного искусства заимствованы из исторического прошлого, общего для народов Азии, Ближнего Востока и Северной Европы. Ислам ассимилирует эти архаические элементы, сводя их к наиболее абстрактному и чистому определению, в известной степени нивелирует их и таким образом лишает всякого магического характера. Как результат такого синтеза арабеска имеет аналогии в арабской риторике и поэзии, отличающихся ритмическим течением мысли, наполненным строго связанными параллелями и инверсиями. Для арабо-мусульман арабеска – не только возможность создания искусства без картин, но и средство рассеивания картины или того, что ей соответствует в мысли, и арабеске воспроизведение индивидуальной формы невозможно вследствие бесконечности полотна.

Порою очень трудно выяснить генезис орнаментальных мотивов у народов, разных по своему происхождению, но имеющих некоторую схожесть в орнаментике. Например, в орнаментике казахов, монголов, китайцев, народов Сибири есть сходные или близкие мотивы. Такую близость или сходность буржуазные ученые объясняют миграцией мотива из какого-либо культурного центра.

Эволюция орнаментации ковра была очень длительна, и каждый народ привносил что-то свое неповторимое, особенное в его символику, декор и композиционную схему.

Казахский орнамент глубоко реалистичен: в нем стилизованно отображены образы окружающей реальной действительности, жизни и быта народа. Решение вопроса о возникновении и развитии орнамента должно рассматриваться в этом свете.

Казахская орнаментика развивалась в условиях кочевого скотоводческого хозяйства. Оно давало кочевнику пищу и одежду. В умножении поголовья стада он видел свое благополучие, и потому-то с такой любовью на различных предметах быта отражено стилизованное изображение зооморфных мотивов, в основном наиболее характерные признаки животных, среди которых ведущее место как наиболее распространенный узор казахской орнаментики занимает стилизованное изображение бараньих рогов – кошқар мүйіз.

Известную роль в развитии орнаментального стиля играет окружающая человека природа, географическая среда.

Растительные узоры действительно являются основными мотивами у тех народов, окружающая природа которых щедрa и разнообразна во всех ее видах. Взять, к примеру, воронежские ковры, выделяемые специалистами в особый вид ковровых изделий. Для них характерен цветочный орнамент: ковры пестрят розами, лилиями, различными полевыми цветами [6, с.73]. О них действительно можно сказать, что основным стилем орнаментики являются разнообразные виды флоры.

В казахской орнаментике элементы растительного мира также имеют отражение, но основным мотивом все же является зооморфный и особенно роговой узор – кошқар мүйіз. И поэтому на всех изделиях, украшенных орнаментом, чаще всего встречается именно этот узор в разнообразных вариациях и композициях.

Безусловно, эволюция орнаментации ковра была очень длительна, и каждый народ привносил что-то свое неповторимое.

Таким образом, казахской орнаментике присущ самобытность и преемственность культуры предшествующих поколений. Существенными признаками казахского узоротворчества являются симметрия, наличие центрального поля и бордюра, зеркальное отражение узоров и превращение фоновых частей в самостоятельный узор.

Список литературы

1. А. Бобринский. О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии // Труды Ярославского областного съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области. М., 1902.
2. Д. Уилберг. Персеполь. Археологические раскопки резиденции персидских царей. М., 1977. - С.70.
3. Джек Банс. Религиозное, историческое и культурное развитие исламской каллиграфии // Новые грани, №4 (32), Алматы, 2014. - С.22.
4. Е.Р. Шнейдер. Казахская орнаментика. – «Материалы особого комитета по исследованию союзных автономных республик», вып. 11. Серия казахстанская. Л., 1927, - С.135.
5. Сахих аль-Бухари. Т. 3. 34, 428. -С. 846.
6. Художественные ковры СССР. М., 1975.- С.73, рис.5-12.

СЕКЦИЯ №9.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

ОБРАЗ ПЕПЛА В ПЬЕСЕ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»

Богданова О.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.Санкт-Петербург

Расфокусированная в сюжетно-композиционном отношении пьеса М. Горького «На дне» (1902) позволяет легко вводить персонажей, ранее не задействованных в спорах-полилогах сценического действия. В этом смысле выделенная, с отдельным входом-дверью комната, находящаяся (согласно ремарке автора) на противоположной от «грязной» кухни стороне, до-экспозиционно допускает кооптирование нового — альтернативного «низшим» (торговке Квашне, проститутке Насте и др.) — героя-типажа, близкого и знакомого по ранней прозе Горького. Васья Пепел обнаруживает сходство с романтическим образом Челкаша — «заядлым пьяницей и ловким, смелым вором», который «несмотря на свой вид жулика», пользуется «известностью и доверием» [3, с. 21].

Индивидуалистические черты, составляющие характер романтизированного рассказового Челкаша, смягчены Горьким в образе сценического Пепла. Если Челкашу около сорока, он «старый травленный волк» с еще черными, но уже «с проседью» волосами, то Пепел молод, ему двадцать восемь. Более того, он юношески влюблен — и предпочитает не роковую страсть к красавице Василисе, а нежную заботу о мягкой и чистой Наташе. В пьесе «На дне» в связи с образом Пепла Сатин изрекает: «Нет на свете людей лучше воров!» [2, с. 941].

Сигналом к сближению образов Пепла и Челкаша становится сон, который видит герой «На дне»: «...будто ловлю я рыбу, и попал мне — огромнейший лещ! Такой лещ, — только во сне эдакие и бывают... И вот я его вожу на удочке и боюсь, — леса оборвется! И приготовил сачок... вот, думаю, сейчас...» [2, с. 912].

Именно как рыбную ловлю описывал Челкаш поплечнику Гавриле в раннем рассказе «Челкаш» особенность предстоящей работы: «— Какой [работы]? Челкаш ответил: — Рыбу ловить поедом. Грести будешь...» [3, с. 27]. Коннотации образа хищного и бесстрашного, красивого и отчаянного Челкаша наследуются Пеплом, а ригіі експлиціруя характерные черты образа горьковского «гордого человека», ставшего центральным типом как ранних рассказов, так и ранней драматургии Горького.

За самым поверхностным, собственно горьковским уровнем автоцитации прочитываются иные — сакральные — смыслы сна, виденного героем. Символика рыбы вбирает в себя множество разнообразных и порой полярно противоположных значений. Со времен глубокой древности рыба ассоциировалась с образом Учителя, мирового Спасителя, прародителя, и в более широком неперсонифицированном смысле — с мудростью. К символике рыбы, несомненно, имеют непосредственное отношение христианский Иисус. В раннем христианстве рыба воплощала символ Христа, знак рыбы был первой монограммой Сына Божьего. Именно рыбаки стали первыми учениками Иисуса, заверив его, что будут «ловцами человеков». В этом мифопоэтическом контексте сон Пепла обретает размах идеологемы-символа, знака-сигнала о грядущей «рыбной ловле», об уловлении души искомого Горьким Человека. Сон Пепла со всей открытостью и откровенностью обнажает установочную писательскую тенденцию, ориентированную на поиск «величественного образа Человека» (поэма «Человек»).

Между тем философский смысл сна в пьесе «На дне» Горький уводит в подтекст, выдвигая на первый план толкование его непросвещенными ночлежниками как завоевание Пеплом любовницы («Это не лещ, а Василиса была...» [2, с. 913]). Глубинный смысл притчи вуалируется, понимание философы сводится к уровню обывательского прочтения. Любовный мотив «нивелирует» образ Пепла в сравнении с образом Челкаша, снижая его символический потенциал, но усиливая его реалистическую трактовку. Т.е. в тексте «На дне» образ Пепла звучит не так «гордо», как было манифестировано в образе босяка с хищно-ястребиной внешностью в раннем рассказе, его реплики о правде и лжи в пьесе слышны, но «мелки», преимущественно касаются любовной темы. Только однажды герой затрагивает принципиальный аспект философской горьковской альтернативы «правда — ложь», коснувшись вопроса о Боге, вслед за Лукой и одновременно с ним заговаривая об уважении к человеку: «Надо так жить... чтобы самому себя можно мне было уважать...» [2, с. 937].

Поддерживает мысль о «несостоявшемся» в Пепле Челкаше и имя героя. Прозвище Пепел может означать испепеленность в нем «бывшего человека», но, может быть, и таящиеся, еще не угасшие в нем искры человечности. Ср. в поэме «Человек»: «Ведь искры — это матери пожаров! Я — в будущем — пожар во тьме вселенной!.. <...> чтобы сгореть как можно ярче и глубже осветить тьму жизни...» [4, с. 47]. Однако в философском контексте платоновских идей, характерных для «базового уровня» смыслового контента пьесы «На дне», в имени Пепла могут быть символизированы и остатки, гарь, зола прошлого — как звучит в поэме «Человек», «обломки старых истин», «пепел старых правд» [4, с. 47].

Семантически значимым оказывается и имя героя — Василий, от греч. *базилеус*, т.е. «царь, царский». Неслучайно Сатин обращается к Пеплу: «Ты, Сарданапал!» [2, с. 901] — по имени героя древнегреческой мифологии, мифического царя Ассирии.

Пепел оказывается участником спора о правде. Бывшему «царю» дозволено бросить Бубнову: «Врешь ты!..» — в попытке отстоять искренность чувств к Наташе. Однако прозвище-фамилия Пепел разрушает царственную семантику имени собственного, актуализируя «бывшесть» и «прошлость» судьбы персонажа. Образ Васьки Пепла низведен Горьким с высоты положения царственной особы или романтизированного образа Челкаша, чтобы пошагово обозначить эволюцию человечности («вочеловечения») в пьесе, полнее и детальнее проиллюстрировать вариативность платоновских (недо)человеков и процессуальность философии и самого акта вызревания Человека (= Гордого Человека). Пепел, с детства однозначно и прямолинейно принявший начертанный ему путь («Мой путь — обозначен мне! Родитель всю жизнь в тюрьмах сидел и мне тоже заказал... Я когда маленький был, так уж в ту пору меня звали вор, воров сын...» [2, с. 903]), по наблюдениям Бубнова, — «человек-щепка»: «Люди все живут... как щепки по реке плывут...» [2, с. 939]. И в этом мотиве (отчасти) эксплицируется правда угасших истин Пепла, героя-царя, низвергнутого с его царственно-романтических высот.

Привычно думать, что хозяина ночлежки в драке случайно убил Пепел. Однако относительно убийства Костылева ремарки автора содержат некие тайные и нераскрытые детали. Так, в ходе драки, кроме Пепла, злодея Костылева бьют и Кривой Зоб («Эх и дал я ему разочек!»), и Сатин («Я тоже раза три ударил старика...»). После сильного удара прибежавшего на пустырь Пепла хозяин ночлежки падает. Но Горький с какой-то целью сообщает в ремарке: «Костылев падает так, что из-за угла видна только верхняя половина его тела» [2, с. 936], делая его практически невидимым для участников событий на пустыре. Ремарка автора выглядит весьма загадочно.

Согласно сценической расстановке персонажей рядом с упавшим Костылевым остается только Василиса, которая, по словам Луки, не только желала, но была решима «жить со свету» мужа. Причем василисин крик о смерти Костылева — «Убили...» — раздается не сразу. До него Горький вводит в сцену диалог между Пеплом, бросившимся на помощь к Наташе, Квашней и Татаринцом, где у каждого персонажа есть своя реплика. Т.е. Горький «тянет время», на какой-то момент оставляет Василису одну — тем самым порождая гипотетическую вероятность, что «дьяволица» Василиса сама «ловко» (= умно) расправилась с мужем. Неслучайно в ответ на обвинения Наташи, Василиса почти (по Фрейдю) «проговаривается»: «Врешь! Врет она... я... Он, Васька, убил!» (выд. мною. — *О. Б.*).

Между тем на фоне предшествующего дерзкого и решительного поведения Луки рождается и иное предположение — Костылева мог убить беглый каторжник, скрывающийся от полиции, беспаспортный Лука (Сибирь, отсутствие документов, «таинственность» Луки сквозным мотивом проходили через всю пьесу). «Стечение обстоятельств» — объявленный уход, невидимый никем упавший старик Костылев, ощущение безнаказанности убийства («Вовремя уйти всегда лучше...» [2, с. 930]) — дают основание предполагать, что роль убийцы мог взять на себя и Лука.

Можно считать, что Горький сознательно сохраняет тайну смерти старика-кровопийцы, с одной стороны — сюжетно, таинственными и трагичными обстоятельствами объясняя стремительное исчезновение беспаспортного старика-странника, с другой — затекстово внося «оправдательные» аргументы в пользу невиновности Пепла и упрека в сторону современной «прогнившей» государственной системы, которая вряд ли справедливо рассудит героя и выявит его истинную роль в трагических событиях.

В течение более десяти лет — начиная с ранних романтических рассказов и вплоть до создания пьесы «На дне» — Горький неизменно возвращался к рефлексии на одну и ту же — онтологическую — тему о Человеке, неизменно питался принципами романтической парадигмы, стремясь внедриться в жизнь, но проповедуя идеалы беспредметно-абстрактного философского теоретизирования. В этом смысле героем, который бы идеологически мотивированно провозгласил горьковскую идеологию в последнем монологе пьесы «На дне», мог стать именно Пепел, родственник по жизненным установкам романтическому босяку Челкашу. Неслучайно, еще в момент появления пьесы (1903) критик С. А. Адрианов писал: «Пепел <...> должен был быть истинным героем пьесы» [1, с. 640]. В этом смысле, подобно тому как линию Луки поддерживал и отчасти формировал образ Актера, так идейную мощь сатинских (горьковских) прославлений Человека мог бы поддержать Пепел.

Но обстоятельства сюжетного и идейного плана (арест Васьки и желание сохранить тайну интриги с таинственной смертью Костылева) помешали драматургу сделать Пепла глашатаем новой (по сути «старой» для самого Горького) философской абстракции. Между тем «оправдательный» приговор относительно Пепла, (вероятно, действительно) не виновного в смерти Костылева, позволяет говорить об «охранительных» тенденциях в отношении любимого писателем типа героя. Сам драматург понимал, что «речь Сатина о человеке-правде бледна», чувствовал, что она «чуждо звучит его языку», однако считал, что «кроме Сатина <...> ее некому сказать» (письмо К. П. Пятницкому, 14 или 15/27 или 28 июля 1902 г.). Появление в финале пьесы некой (несостоявшейся в итоге) художественной версии образа Челкаша (или др. горьковского босяка) могло бы придать большую последовательность, мотивированность и логическую предсказуемость как пьесе, так и философии Гордого Человека.

Список литературы

1. Адрианов С. А. «На дне» Максима Горького // Максим Горький: pro et contra: антология / вст. ст., сост. и прим. Ю. В. Зобнина. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 630–642.
2. Горький М. На дне // Горький М. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1986. С. 890–951.
3. Горький М. Челкаш // Горький М. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1986. С. 20–130.
4. Горький М. Человек // Максим Горький: pro et contra: антология / вст. ст., сост. и прим. Ю. В. Зобнина. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 43–48.

РОЛЬ ПОЭЗИИ В МУЗЫКЕ, МУЗЫКИ В ПОЭЗИИ. (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА)

Хмырова-Пруель И.Б.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Интерес к проблеме соотношения поэзии и музыки имеет многовековую историю. Он отражен во множестве работ самых различных жанров. Среди них есть работы, которые принадлежат мастерам слова античности и средневековья. Однако эти работы чаще носили не исследовательскую, а скорее информационно-познавательную функцию. И все же сама проблема по-прежнему принадлежит к числу не так часто рассматриваемых, и, тем не менее, Вячеслав Иванов очень тонко подмечает, что «из всех искусств наиболее близка к музыке поэзия, и, в частности, поэзия лирическая. Музыка непосредственнее и свободнее, в музыкальном сумраке, возможно, многое, немислимое при свете слова. Слово не может быть по существу своему, алогично. Слово по природе соборно и, следовательно, - нравственно. Слово оздоравливает...». [3,174-175]

Исследование проблемы взаимодействия поэзии и музыки может быть представлено во многих направлениях. Здесь много аспектов, каждый из которых по-своему интересен и важен. Первый вопрос, который может быть предложен к рассмотрению это - сходство и различие каждого из искусств, их специфика; и второй - что соединяет эти виды искусства, то есть музыку и поэзию.

Очевидно, стоит отметить общность терминов. Музыковеды пользуются литературоведческой терминологией: фраза, предложение, период; говорят о синтаксисе музыкальной речи и цезуре, даже о ямбической форме (симметрия, состоящая из двух метрических единиц - слабой и сильной доли). Литературоведы, занимающиеся стиховедением, говорят об инструментровке и коденцировании, диссонансе и консонансе, о мелодии и мелодическом движении, о красоте звука, о полифоничности слога и образа.

Есть группа терминов, представляющих собой общее достояние теории музыки и теории поэзии. К ним относятся: образ, интонация, пауза, мотив, тема, темп, метр и ритмика, реприза. Однако, в большинстве случаев, эта общность обманчива - слова звучат одинаково, но смысл их во многом различен. Так "тема" в литературоведении означает предмет, о котором идет речь. В музыке же "тема" - основная музыкальная мысль, ясно оформленная в мелодическом отношении, выраженная в индивидуализированном материале.

И все же, связи между поэзией и музыкой глубоки и органичны - пусть термины превратились в омонимы, но, тем не менее, общность терминологии отражает эстетическую связь между двумя искусствами. Недаром поэты часто используют музыкальные термины для названия своих лирических сочинений, а композиторы термины поэтические.

Именно в начале XX века была выдвинута идея синтеза искусства, как одна из основополагающих. Серебряный век как будто всколыхнул всю природу музыкального и поэтического, ещё никогда поэты не стремились столь сознательно использовать "магию звуков", а композиторы никогда ещё не проникали в глубину стихотворного текста столь аналитически.

Поэзия начала XX века возрождается как звучащее искусство, которое способно было восприниматься и глазом, и ухом читателя. Это заметно накладывает отпечаток и на теорию, в частности, на изучение ритмики и мелодизации. Строго говоря, впервые изучение "стоп", т.е. метрических схем, сменяется изучением ритма стиха, т.е. реального наполнения схем, что и составляет сущность поэтической речи. Отсюда возникает вполне закономерный вопрос - какова область ритма в поэзии, где его границы, в чем связь ритма поэтического с музыкальным; что есть мелодика лирического стиха и поэтичность музыки?

Мелодика лирического стиха - это стих так называемого "напевного типа", представляющий собой определенную интонационную систему. «Часто под «музыкальностью», - пишет Эйхенбаум Б.М., - или «мелодичностью» стиха разумеют звучность вообще, независимо от того, создается ли она богатством звуковой инструментровки, ритмическим разнообразием или ещё чем либо. Между тем развитая интонационная система может придавать стиху действительную мелодичность, не соединяясь с эффектами инструментровки и ритма. Более того — богатство инструментровки встречается скорее в лирике иного типа, где артикуляция становится особенно ощутимой. Недаром А. Белый, в своем подробном описании стихотворения Пушкина „Не пой, красавица, при мне“ („Символизм“), так много говорит об инструментровке и не чувствует необходимости говорить о мелодике». [3, 10-11]

Существует два возможных приема мелодизации стиха: с одной стороны использование некоторых избранных интонаций и их сочетаний; и, с другой - построение периодов на основе синтаксического параллелизма.

Однако в истории литературы были такие периоды, когда "музыкальный синкретизм чувств становится идеалом для поэзии" (З.Вернер), т.к. по мнению многих исследователей - эстетиков, музыка стоит выше других искусств, и музыкальное мышление, стремится "облагородить поэзию до высоты музыки". [5,20]

В результате рождения "песенного лада лирики", можно говорить и о "мелодике стиха". Однако следует отметить и такой существенный факт, что музыкальная мелодика это, прежде всего, последовательность звуков разной высоты, обусловленная строем (тональностью), сама мелодия строится на интервальном соотношении звуков. А в поэзии мы имеем дело с речевой интонацией, которая не разложима на интервалы, так же как и ритм не разложим на такты. И все же "лирика напевного типа" относится к речевой интонации как к материалу для построения мелодии. Речевая интонация сама по себе дает уже подготовительный материал для обработки. Именно этот материал не раз использовали многие композиторы. Например, поэзия К.Д. Бальмонта обладала удивительной мелодичностью и образностью, что позволяло композиторам создавать произведения, наполненные глубоким внутренним «божественным» содержанием. Значительная часть этих произведений представлена в виде камерной вокальной музыки: романсы, стихотворения для голоса с сопровождением, циклы вокальных миниатюр, мелодекламации, вокальные ансамбли. Среди авторов циклов миниатюр на стихи Бальмонта: Рахманинов, Прокофьев, Танеев, Стравинский, Мясковский, Черепнин, Ребиков и многие другие.

До сих пор под "музыкальностью" стиха понимают звуковую инструментовку. Необходимо противопоставить этому моменту интонационный, связь которого с музыкой совершенно органична. Ведь чтобы лучше воспринять прелесть поэтического произведения недостаточно его только прочесть, необходимо услышать его ритм и интонацию-мелодию. Ведь ритм и мелодия так же существенны для стиха произносимого, как и для пения, они сообщают стиху особый характер и образ. Вячеслав Иванов писал: «Задачей поэзии была заклинательная магия ритмической речи, посредствующей между миром божественных существ и человеком. Напевное слово преклоняло волю вышних царей, обеспечивало роду и племени подземную помощь «воспетого» героя, предупреждало о неизбежном уставе судеб, запечатлеvalo в незыблемых речениях богоданные законы нравственности и правового устройства, и, утверждая богопочетания в людях, утверждала мировой порядок живых сил. Поистине, камни слагались в городские стены мирными чарами, и – помимо всякого иносказания – ритмами излечивались болезни души и тела, одерживались победы, умирялись междоусобия. Таковы были приёмы задачи древнейшей поэзии – гимнической, эпической, элегийской. Средством же служил «язык богов», как система чаровательной символики слова с её музыкальным и оркестрическим сопровождением, из каких элементов и слагался состав первоначального «синкретического», обрядового искусства». [3, 13 1]

Именно поэт-символист, К.Д. Бальмонт, пытался теоретически доказать, что "напевному слову" присуще не только эмоциональная, но и "заклинательно-магическая" сила и даже "физическое могущество", присваивая при этом фонетическим элементам речи определенное понятийно-смысловое содержание:

Звуки и отзвуки, чувства и призраки их,
Таинство творчества, только – что созданный стих.

Только что срезанный свежий и влажный цветок,
Радость рождения – этого пения строк.

Воды мятежились, буря гремела, – но вот
В водной зеркальности дышит опять небосвод.

Травы обрызганы с неба упавшим дождём.
Будем же мучиться, в боли мы тайну найдём.

Слава создавшему песню из слёз роковых,
Нам передавшему звонкий и радостный стих! [2, 105]

Кроме того что было сказано, стоит добавить, что в напевной лирике должно быть отдано преимущество некоторым избранным речевым интонациям или сочетаниям интонаций, что способно меняться в мелодическую линию. Например, сочетание некоторых характерных звуков – аллитерация (приём звукового оформления текста при помощи повтора согласного звука), которые придают особый характер и настрой:

Полночной порой в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чём они шепчут? О чём говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Полночной порой камыши шелестят. ...[1, 45]

Ещё один приём, который заставляет строфы звучать – это ассонанс (противоположный приём аллитерации – повтор гласного звука). Например, в стихотворении «Колокол», звук «О», по убеждению К.Д. Бальмонта и есть «верховный глас» колокола:

Люблю безмерно колокол церковный.
И вновь, как тень войду в холодный храм,
Чтоб вновь живой воды не встретить там,
И вновь домой пойду походкой ровной.
Но правды есть намёк первоосновной
В дерзаньи – с высоты пророчить нам,
Что есть другая жизнь, – и я отдам
Все голоса за этот звук верховный.
Гуди своим могучим языком.
Зови дрожаньем грозного металла
Разноязычных – эллина и галла.
Буди простор, и говори, как гром.
Стократно-миллионным червяком
Изваян мир из белого коралла. [1,452].

Кроме того, исходя, из представления о строфе как ритмико-мелодической единице можно предвидеть некоторые основные типы композиции. Здесь можно провести аналогию с основными музыкальными, и особенно, вокальными формами. Во-первых – многие музыкальные формы исторически неразрывно связаны с формами поэтическими, и следы этой связи сохраняются до сих пор; во-вторых – это не случайная связь, а органическое родство, которое периодически проявляется особенно ясно. Поскольку в основу лирической композиции кладется мелодика – нужно ожидать действия тех же формальных законов, которые осуществляются в музыке, то есть, возможно, мелодическое нарастание, репризы, каданс и прочее. Иначе говоря, в лирике напевного типа строфы должны вступать между собой в отношения не столько смыслового, сколько музыкально-мелодического, и, даже музыкально-драматического характера.

Эволюция приемов художественного творчества конца XIX начала XX века представляет собой явление исключительное. Основное эстетическое кредо поэтов и музыкантов этого периода выводится в следующий семантический прием: слово – музыка – живопись – музыка. Здесь возникает ещё один немало важный аспект: музыка находится в окружении слова – поэтическое слово, которое как было уже сказано ранее, имеет к музыке непосредственное отношение, но вот живопись? Живопись это, прежде всего цветовая палитра, которая способна показать звуковой образ с конкретным оттенком. Известно, что русский символист Андрей Белый некоторые буквы представлял в цвете, так «А» есть белый цвет, «Е» – желто-зелёным, «И» – синим, «У» – чёрным, «О» – ярко-оранжевым. Много писалось и о цветовом слухе выдающегося русского композитора А. Скрябина, который музыкальные звуки видел в цвете. Например, в его симфоническом произведении «Поэма огня», в верхней строке партитуры, в строке Лусе обозначен тонально-гармонический план произведения и одновременно Скрябин фиксирует его цветосветовую драматургию. Таким образом, композитор пытался доказать, что музыкальные образы не только слышимы, но они прекрасно воспринимаются и визуально. Что касается цветовых предпочтений Скрябина, то он основывался на аналогии цветами спектра и тональностями кварто-квинтового круга, отсюда следует и цветность музыкального звука: тон «До» – красный, «Соль» – оранжевый, «Ре» – жёлтый, «Ля» – зелёный, и так можно перечислить все звуки и соответствующие им цвета. И Римский-Корсаков Н. А. так же воспринимал музыкальные звуки через определённые цветовые образы. Надо отметить, что целое направление в искусстве – цветомузыка основано на этом свойстве звуков музыки. И если продолжить называть индивидуальные рассуждения о цвете музыкальных звуков, гласных и согласных, то каждый звук окажется раскрашенным во все цвета радуги. И только К.Д. Бальмонт звук и цвет воспринимал в совокупности с ощущениями и предметами, поэтому и возникла особая «мелодическая линия» стиха:

Звук арфы – серебристо-голубой.
Всклик скрипки – блеск алмаза хрусталистый.
Виолончели – мёд густой и мглистый.
Рой красных струй, исторгнутых трубой
Свирель – лазурь, разъятая борьбой,
Кристалл разбитый – утра ход росистый.
Колоколец ужалы – сон сквозистый.
Рояль – волна с волною вперевой. [4, 103]

В заключении стоит отметить, что данная проблема взаимодействия поэзии и музыки может быть предложена при анализе музыкальных произведений, а именно, сопоставлении текста поэтического и музыкального, а так же воспроизведение его в живописных образах. Вероятно, стоит предположить, что стихи надо читать так же, как музыкант читает партитуры: не одними глазами, но и ушами.

Список литературы

1. Бальмонт Константин. Избранное. Москва. Издательство «Советская Россия». 1989.
2. Бальмонт Константин. Стихотворения, переводы, статьи. Избранное. Москва. Издательство «Правда». 1991
3. Иванов Вячеслав. Борозды и межи (опыты эстетические и критические). Москва. Издательство «Мусaget».1916.
4. Музыка в зеркале поэзии. Составление, вступительная статья и комментарии Б. Каца. Выпуск 3, «Что в музыке?..». Ленинград. Всесоюзное издательство «Советский композитор» Ленинградское отделение. 1987.
5. Эйхенбаум Б.М. Мелодика русского лирического стиха. Издательство «ОПОЯЗ». Петербург. 1922.

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ПОХОРОННЫХ ОБРЯДОВ В РАССКАЗЕ А. ШАНТАЕВА «ОТПЕВАНИЕ В ЗАРЕЧНОМ»

Леонов И.С.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г.Москва

Цель статьи – рассмотрение специфических особенностей изображения похоронных обрядов в современной приходской литературе. Материалом исследования служит рассказ современного писателя, этнографа и православного священнослужителя Александра Шантаева «Отпевание в Зачерчном».

Приходская проза – набирающее силу явление сегодняшнего отечественного литературного процесса. Уходящее корнями в прозу деревенщиков, оно особым образом интерпретирует тему русского села и проблему национального характера деревенского жителя, что связано с православно-религиозным авторским взглядом на мир писателей-священнослужителей, многие из которых вместе с читателем открывают для себя ранее неизвестную реальность русского села рубежа XX – XIX веков.

В настоящее время традиции отечественной приходской прозы развиваются благодаря творчеству Ярослава Шипова, Александра Шантаева, Саввы Михалевича, Алексия Лисняка, Александра Дьяченко и др. В их произведениях отражаются реалии деревенского церковного быта: богослужбные действия, характер взаимоотношений священника и прихожан, а также с обществом «за церковной оградой», социальные проблемы русской глубинки. Немаловажную роль в этих произведениях играет изображение церковных действий, среди которых наиболее продуктивными являются таинства предсмертного цикла (исповедь, причастие, соборование), а также похоронные обряды.

Типичная модель изображения отпевания покойника, совершаемого на дому, отражена в рассказе протоиерея Александра Шантаева «Отпевание в Зачерчном». Данная модель включает следующие этапы:

- путь священника к дому покойного;
- обстановка в доме: интерьер, детали быта;
- описание внешности покойника;
- описание родственников умершего (действия, реплики, одежда, жесты);
- ход самого обряда.

Очевидно, что предложенная схема является достаточно условной и может отражаться в произведениях в расширенном или усеченном вариантах, а порядок следования ее этапов не является строго закрепленным и в ряде случаев предполагает произвольный характер. Тем не менее, данная схема отражает основные тенденции изображения похоронных обрядов в современной приходской литературе.

В рассказе «Отпевание в Зачерчном» первый этап – путь священника к дому покойного – отражает реалии русской деревенской жизни. Здесь важную роль играют пейзажные зарисовки и бытовые описания: «... а так здесь суровая меховая растительность, ели (медвежья хвоя), снег в сине-зеленом, гулкие березовые стволы, щепы, с холмов скатывающиеся обеленные равнины с деревушками на кромке, с домишками на кручах, заборами в сурике, бурными срубами, пухнувшими белым дымом трубами» [3, с.121].

Автор обращает внимание на традиционные моменты приготовления к проводам покойного (крышка гроба у входа в дом), а также типичные черты поведения родственников: «Мужчины обычно курят у крыльца, перед выносом; на душевной тесной кухне снуют одновременно множество женщин в черных косынках» [3, с.121]. Здесь говорится о своеобразном этикете в отношениях между священником и родными умершего: «Мне следует здесь (на кухне – *И.Л*) только поздороваться – и сразу в залу, к покойнику» [3, с.121]. Последний пример указывает на негласное требование к несколько дистанцированному характеру этих взаимоотношений: священник не принимает участие в общей домашней суете, краток и сдержан, его реплики касаются исключительно требы (в редких случаях он может задать несколько вопросов о жизни покойного). Подобная внешняя безучастность во многом обусловлена тем, что с точки зрения христианской религии таинства и обряды подготовительного предсмертного цикла (исповедь, причастие, соборование) более значимы для решения загробной участи человека, чем отпевание, проводы и поминальный обед. Именно они предполагают активное совместное участие духовника и исповедующегося, а от последнего требуют глубокого искреннего покаяния, а порой и существенного пересмотра собственной жизни.

Следующий этап связан с описанием домашней обстановки. Повествователь обращает внимание на определенные детали интерьера, которые, с его точки зрения, могут рассказать о покойном, его семье, предках, их образе жизни, отношении к вере. В рассказе «Отпевание в Заречном» в поле зрения священника попадает старинная икона «... примерно двухсотлетней давности, старательного письма» [3, с. 122], а также фотографии, по которым рассказчик пытается словно «заглянуть в прошлое» семьи, определить эпоху, когда они были сделаны, социальный статус изображенных на них людей. Остановившись на фотографии белолобого мальчика, автор невольно бросает взгляд на покойного, пытаясь выявить внешнее сходство.

На следующем этапе рассматриваемой схемы внимание повествователя приковано к внешности умершего человека, изображение которой включает два плана. С одной стороны, речь идет о создании чисто физиологического портрета. При этом автор пытается уловить своеобразные отпечатки смерти в облике покойного: «Человек лет сорока пяти, жидкие волосы на правый пробор (...). Лицо волне ничего, нимало не смазанное смертью, вот разве губы, словно раскрашенные густой красно-коричневой помадой, запекшиеся по краю, губы страдания...» [3, с. 123]. Однако внешнее описание расширяется за счет второго плана, который условно можно назвать метафизическим. Вглядываясь в лицо умершего, автор невольно пытается уловить состояние его души, перешедшей в вечность и открывшей для себя новую реальность. В данном случае можно говорить и о своеобразной попытке вступить в общение с новопреставленным: «Он лежит тихий и будто важный, будто остепенившийся на момент, углубившись в серьезность минуты: «Умереть вот пришлось...» – «Да, брат, бывает...»» [1, с. 122].

Можно предположить, что в определенный момент возникает своеобразный мотив «преображения», связанный с личностью умершего человека. Повествователь словно пытается приоткрыть читателю тайну смерти: перед ним лежит не просто мертвое тело, а полноценная личность, перешедшая в иной мир и свидетельствующая о нем оставленным на земле родным.

Пример подобного преобразования можно найти в рассказе священника Александра Дьяченко «Иван», в котором речь идет о непрестом пути к Богу товарища священника-повествователя: «Я взглянул на Ивана и остановился в изумлении. Вместо добродушного простоватого мужичка-лесовичка в гробу лежал древний римлянин, и не просто римлянин, а римский патриций. Лицо изменилось и превратилось в лик. Слово привычных узнаваемых чертах лица проступило внутреннее состояние его души [1, с. 30].

Мотив преобразования характерен и для прозы протоиерея Саввы Михалевича. В его повести «Год на сельском приходе» присутствует упоминание об отпевании пожилой прихожанки, в котором передается портрет усопшей женщины: «В гробу ее лицо было умиротворенным и тихим» [2, с. 117]. При этом подчеркивается, что существует и противоположная тенденция, зафиксированная в сознании опытного священнослужителя. Данное наблюдение сочетает в себе как духовный, так и чисто физиологический фактор: «У некоторых покойников остается выражение боли и ужаса, иногда усугубляемое отеком лица» [2, с. 117].

Еще один важный этап развития сюжета связан с действиями и репликами родственников новопреставленного. Их слова и поступки отражают традиционные, частично ритуализованные формы народной жизни. При этом они помогают автору и читателю выстроить некоторую ретроспективу, «познакомиться» с покойным, узнать его имя, отдельные факты его биографии: работа, семейное положение и т.д. «Я уже успел узнать из разговоров, что покойный, по имени Валентин, прежде был трактористом» [3, с. 124]; «Вспоминаю (...) слова какой-то бабки в полголоса у моего уха: «Не женатый был, женщины были, а так нет, и детей не оставил... Так и жил возле матери...» [3, с. 126].

При этом «знакомстве» возникают черты идеализации новопреставленного, родственники отмечают ряд наиболее значимых его достоинств (приветливость, вежливость, внимание к людям, трудолюбие т.д.): «Ой, Валя,

да как же ты наш безотказник, кто же теперь нам снег-то отгребет... [3, с. 124]. «И вьется кружево общего причитания: «Ох ты наш миленький! Бывало мимо идешь и скажешь: как дела, Марковна? Никогда не пройдешь не поздоровашись» [3, с. 124]. При этом положительные качества остальных родственников (братьев, сестер) могут умиляться по сравнению с достоинствами покойного, о чем свидетельствуют причитания матери умершего над гробом: «Валенька мой, золотенький, на что твои сестра и братья золотые, а ты самое золотко! (...) Сестры-то разъедутся, братья не покажутся, а ты один обо мне заботился!..» [3, с. 125].

Отдельные реплики родных у гроба Валентина во многом соотносятся с наблюдениями повествователя в части описания внешности покойного. К ним относятся следующие высказывания: «Как живой (...) Хороший-то какой! Не прохворался» [3, с. 124]. С бытовой точки зрения эти высказывания говорят о том, что покойный после смерти мало изменился внешне, возникает ассоциативный ряд *смерть / сон*. В глубинном смысле это может восприниматься как своеобразный оберег от смерти, свидетельство победы над ней. С опорой на народное мировоззрение, частично пересекающееся с православно-церковной парадигмой, основную мысль подобных причитаний можно сформулировать следующим образом: смерть не смогла до конца победить Валентина, он не столько мертв, сколько жив.

Следующий этап касается проведения самого обряда. Здесь раскрывается два основных плана: один подчеркивает ход самой требы, другой – эмоциональное состояние родственников усопшего, которое в сознании священника соотносится со знаковыми эпизодами отпевания: «Теперь пошло отпевание. Побежала бодро наезженная треба. Мокро потекла страдать мать над гробом. Засморкались дружно бабки, старшая их сестер, крупная и широкая на каждый плеск общего всхлипа хлопала, отфыркивалась шумно, как пловчиха. На шестой песни канона матери стало плохо, послали за нашатырем. На «блаженных» мать что-то запричитала...» [3, с. 125].

Здесь обращает на себя внимание ритуализованный характер плача и причитаний: для плачущего, несмотря на явный трагизм ситуации, представляется важным временной и пространственный характер действия; он осознает, когда можно, а когда нельзя проявлять эмоции. По многочисленным замечаниям писателей-священнослужителей, наивысшая степень страдания близких, выраженная в форме рыданий, проявляется на кладбище во время спуска гроба с умершим в могилу.

Таким образом, в статье были рассмотрены особенности изображения похоронных обрядов в литературном творчестве протоиерея Александра Шантаева, отвечающие тенденциям современной отечественной приходской прозы.

Список литературы

1. Дьяченко А., священник. В круге света: рассказы и очерки. – М.: Ника, 2013. – 624 с.
2. Михалевич С., протоиерей. Год на сельском приходе: рассказы, повесть. – М.: Благо, 2004. – 160 с.
3. Шантаев А., иерей. Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. – М.: Благо, 2004. – 240 с.

СЕКЦИЯ №11.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ АЛЕКСИЯ ГАТУЕВА

Валиева Т.И., к.ф.н., доцент

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

В деле развития христианского просветительства в Осетии велика деятельность отдельных представителей духовной интеллигенции. Известную роль они сыграли в дальнейшем развитии школьного дела, в переводе книг религиозно-нравственного и учебного характера на осетинский язык. У просветителей церковной интеллигенции оживился интерес к родному фольклору, к истории и духовной культуре своего народа. Значительное внимание в своем творчестве они уделяют родному языку.

В историю христианского просвещения большой вклад внес Алексей Гатуев – один из наиболее замечательных представителей осетинской интеллигенции XIX столетия.

С отличием окончив Тифлисскую духовную семинарию, Гатуев более двадцати лет служил в церкви святого пророка Ильи в селении Салугардан. Он ввел богослужение на осетинском языке. Службы на родном языке были гораздо ближе и понятнее народу и привлекали прихожан. Приход, где служил отец Алексей, считался одним из лучших в Осетии. В 1878 году газета «Терские ведомости» отмечала: «Как пример высокого духовного развития, мы можем указать на селение Салугардан. Священником там благочинный Гатуев; богослужение совершается на родном осетинском языке; в церкви часто говорятся проповеди, наставления, и любовь к церкви крепнет более и более» [5].

В 1879 году съездом духовенства Гатуев был утвержден в должности благочинного в Дигории. Отец Алексей положил немало трудов в дело строительства храмов в своем благочинии. При его содействии были построены церкви в Махческом, Стур-Дигорском, Дагомо-Архонском, Ново-Урухском приходах и часовня в селении Бирагзанг.

Важнейшей задачей Гатуев считал дело миссии. Сложная обстановка складывалась в Дигории. Пропаганда эмисаров из Турции в период русско-турецкой войны 1877-1878 годов, влияние кабардинских проповедников ислама – все это значительно осложняло работу миссионера. Самоотверженными усилиями талантливого проповеднику удалось «спасти горную Дигорию от поголовного отпадания от православной веры» [3, с.11].

В 1902 году был возведен в сан протоиерея. Успехи его миссионерской деятельности неоднократно отмечались в отчетах Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Гатуев был награжден орденами св. Анны III и II степени.

Отец Алексей много боролся против таких реакционных обычаев, как похищение девушек, выплата калыма, разорительные расходы на похоронах и поминках. Этой проблеме была посвящена его статья «Об искоренении суеверных и разорительных обычаев в Осетии», опубликованная в «Терских ведомостях» [2].

А. Гатуев тесно сотрудничал и много лет переписывался с крупнейшим деятелем русской науки В.Ф. Миллером. Во время своей второй научной экспедиции в Осетию летом 1880 года ученый несколько дней провел в доме Гатуевых в селении Салугардан. В доме священника Миллер познакомился с осетинскими обычаями, которые затем описал в работе «В горах Осетии». По просьбе В.Ф. Миллера отец Алексей совместно с другими представителями осетинской интеллигенции принял участие в сборе этнографического и фольклорного материала. Собранные им в Дигории сведения о религиозных верованиях, общественных праздниках, святилищах, были включены Миллером в очерк «Религиозные верования осетин», вошедшие во вторую часть «Осетинских этюдов» [6, с. 237-301].

Летом 1883 года Гатуев познакомился с выдающимся ученым М.М. Ковалевским, совместно с которым В.Ф. Миллер совершал свою четвертую научную экспедицию в Северную Осетию.

В Алагире основным информатором и помощником Ковалевского стал отец Алексей. Он предоставил ученому ценный материал о терминах искусственного и свойственного родства, правах и наследования, формах брака и свадебных обрядах, верованиях осетин.

Алексий Гатуев занимался и педагогической деятельностью, преподавал Закон Божий в женском и мужском училищах, в начальных классах женской гимназии. Он мечтал о создании газеты на родном языке. Еще в 1891 году он испрашивал у архиерея позволения издавать прибавочный листок к «Терским ведомостям». В программу предполагалось включить такие разделы, как «объяснение Деяний Апостолов, краткие поучения о местных суевериях и предрассудках, народные предания, переводные стихи и другие произведения» [1, с.79]. К сожалению, этот проект не был осуществлен.

В 1895 году по предложению епископа Владимира Гатуев издавал «Епархиальный листок» – приложение духовного содержания при «Терских ведомостях».

В начале 1900-х годов отец Алексей возглавил работу Комиссий по пересмотру перевода на осетинский язык Евангелия от Матфея. В состав Комиссии были включены священнослужители (А. Гатуев, М. Коцоев, К. Токаев, А. Цаликов, М. Хетагуров, А. Цаголов) и миряне (Г. Баев, Ф. Голиев, А. Кубалов, З. Кубалов, Х. Уруймагов, К. Хетагуров). Коста Хетагуров не смог участвовать в деятельности Комиссии, поскольку работа в газете «Северный Кавказ» поглощала все время.

В 1908 году А. Гатуева назначили председателем комиссии по пересмотру богослужебных книг на осетинском языке. Ее членами были протоиерей Николай Цоколаев, иерей Моисей Коцоев, Харлампий Цомаев. Состоялись три заседания комиссии. По ее постановлению священники Цомаев, Коцоев и Рамонов подготовили к изданию Служебник, Требник и книгу молебных пений.

К сожалению, всем творческим планам Гатуева не суждено было осуществиться, но оставил по себе «неизгладимую память в истории христианства в Осетии и в сердцах истинных ревнителей христианского просвещения Осетии [4, с.32].

Христианскому просвещению Осетия обязана появлением и представителей образованной осетинской интеллигенции. Идеи просвещения в дальнейшем развивали в своем творчестве К. Хетагуров, М. Гарданов, А. Гассиев, Ц. Амбалов, Х. Уруймагов, Г. Дзасохов, С. Мамитов, А. Медоев, А. Кануков и многие другие представители местной интеллигенции. Они хорошо понимали нужды своего народа, его искреннее стремление к знаниям, к просвещению, и всеми доступными им средствами и мерами поддерживали это благородное дело своего народа.

Список литературы

1. Андрей (Мороз), Игумен. История Владикавказской епархии. Элиста, 2006. 145 с.
2. Гатуев А. Об искоренении суевренных и разорительных обычаев в Осетии // Терские ведомости. 1881. № 136.
3. Гостиева Л.К. // Протоиерей Алексей Гатуев. Христианство в Осетии. Владикавказ, 2007. 126 с.
4. Кочисов В. К. Чеджемов С. Р. История развития народного образования в Осетии. Владикавказ: СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2001. 99с.
5. Магкаев Б. Ир // Терские ведомости. 1878. № 40.
6. Миллер В. Религиозные верования осетин // Осетинские этюды. Владикавказ: СОИГИ, 1992. 215 с.

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)

ВЕЧНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ, СОТВОРЕННЫЕ КОЧЕВЫМ ДУХОМ

Жангаев А.С.

Нарынский государственный университет имени С.Нааматова

Человечество и созданная им культура неотделим друг от друга. Каждый человек принадлежит к определенной исторической культуре, и в глубине своего сознания осознает принадлежность той культуры к себе. Исследуя проблем человеческой культуры, ученые признают существование в истории различных форм культуры. Одна из них – культура кочевых народов. Мы все знаем, что большинства исследователей непомерно уменьшали значение этой культуры в истории человечества. Творцы этой культуры – кочевники, даже отождествлялись с дикарями. Это, разумеется, было обосновано тщеславным недопониманием явлений культуры некоторых западных ученых. К сожалению, и представители многих национальных интеллигенций согласились с этой мыслью и подчинились ей.

Однако вышеизложенного взгляда по отношению кочевой культуры поддерживали не все ученые. Например, М.И. Артомонов, С.М. Абрамзон, В.В. Бартольд, И.А. Батманов, А.Н. Бернштам, Л.Н. Гумилев, Н.Л. Жуковская, С.Е. Малов, С.Ю. Неклюдов, И.В. Стеблева, Ю.Е. Худяков, и многие другие именитые ученые, исследовали разные вопросы, относящиеся к истории и культуре кочевых народов, и дали свои беспристрастные, справедливые оценки. Это общеизвестный факт.

В действительности все формы культуры, созданные руками человечества, несмотря на географическое месторасположение их создателей, имеют равное значение для всех народов, населяющих нашу планету. Точнее, все народы в мире всегда взяли друг от друга образец, пример для подражания, обучались друг от друга, переходил знания, опыт одного к другому. Этот процесс издавна происходил непрерывно, и сегодня идет. Расхожие мнения насчет культуры отдельных народов, ставка одного народа от другого ниже по культурному развитию, оценивание культуры оседлых народов от кочевых выше, всего лишь проявления незрелого понимания некоторых ученых генезиса культуры человечества.

Скажем, население нашего близкого соседа – государства Китай, издревле известно как оседлый народ. Народ Китая освоил болотистую землю, создал развитую систему земледелия, сотворил особенную культуру. Сегодня культура китайцев отличается непохожими другим культурам признаками. Однако кыргызский

мыслитель Чоюн Омуралиев в своем фундаментальном исследовании, состоявшем из двух книг, посвященном вопросам национальной философии и названном «Тенгирчилик» («Тенгрианство»), раскрывает сильное влияние кочевничества, кочевого духа на оседлую культуру китайцев неопровержимыми фактами. По его мнению, в мировоззренческих системах, которых придерживались китайцы, – в даосизме, конфуцианстве, вообще в классической китайской философии, – широко обосновались идеи древней миропознания номадов – тенгрианства, и продолжали свою жизнь. Даже иероглифическая письменность, используемая китайским народом и поныне, была создана на основе знаков и символов, используемых кочевниками [9; 10].

Выражает созвучное этому мнение и кыргызский народный писатель Кенеш Жусупов. Он, исследуя кыргызскую историю от древности до наших дней, подчеркивает огромное богатство сокровищницы материальной и духовной культуры кыргызского народа [6, с.71-75].

Если обратимся одному маленькому примеру, известно, что в древние времена арабские племена вели кочевой образ жизни. Народная лирическая поэзия тех кочевых бедуинов впоследствии стала основой арабской классической литературы. В истории культуры человечества таких явлений предостаточно.

В науке отмечается, что «Кочевые народы разработали особенные виды материальной и духовной культуры» [8, с.438]. Говорится о том, что «К этому будут примерами юрта, конские упряжи, отдельные боевые оружия, образцы прикладного искусства, героический эпос, устные лирические песни, сказки кыргызов» [8, с.438]. Разумеется, номады использовали соответствующие своему образу жизни бытовые принадлежности, создавали соответствующую тому материальную и духовную культуру. Это является исторической правдой. Но сегодня все знают, что мнения о якобы устном развитии у кочевников словесного искусства, ошибочны. По отношению к этому вопросу К. Жусупов в своем научно-популярном труде «Байыркынын издери» («Следы древности»), говорит о наличии у кыргызов письменности намного раньше от других кочевых народов [6, с.205]. Здесь особенно отчетливо попадает в поле зрения читателя заметка писателя «раньше от других кочевых народов». К. Жусупов с этой фразой подтверждает древние основы кыргызской культуры в сравнении с другими родственными народами. В то же время признает наличие письменности и у других кочевых народов.

Таким образом, в системе общечеловеческой культуры искусство номадов имеет свое достойное место. Традиционная национальная культура кыргызского народа тоже в их числе.

Что дало кыргызскому народу, какой отпечаток оставил в его духовной культуре кочевой образ жизни? Отвечая этому вопросу, многие ученые единодушно отмечают создание у кыргызов неповторимого типа словесного искусства, отличного от других. Этот «...неповторимый отдельный национальный тип – устная импровизаторская поэзия» [2, с.7], «кыргызская устная поэзия в качестве никогда неугасаемого наследия равняется с мировыми художественными образцами» [2, с.9].

Что правда, то правдой и останется. Неисчислимы художественные ценности кыргызского народа, во главе с великим героическим эпосом «Манас», являются значимой частью мирового культурного богатства. В нем нашли свое место историческая память, материальная и духовная культура, мировоззрение, история кочевой жизни номадов. Именно эти неугасаемые художественные ценности сохранили от века в веки кыргызов как народ на жизненном пространстве планеты Земля.

В связи с этим обстоятельством известный историк Л.Н. Гумилев размышляет, что «...искусство сохранило народов от исчезновения, от ассимиляции с другими народами и связанными с этим унижений» [4, с.511]. По его мнению, в образцах искусства более или менее сохраняется правда жизни, которую испытывала народ, многие этносы не забыли свою прошлую культуру, именно это стало предпосылкой их существования, не исчезая с лица земли, сегодня – сохранение памятников прошлого стало идеалом. Он говорит, «Песни поэтов сохраняются как народный фольклор, шедевры художников становятся образцами народного искусства, подвиги защитников родины превратятся к сказаниям и легендам, потому что точное изображение происходящего не подходит требованию жанра» [4, с.511]. Да, в этой мысли имеется зерно истины. Несоответствие сказанного в творениях словесного искусства к исторической правде общеизвестно. Они ценны в качестве художественных ценностей, как опыты духовной культуры. А подлинны художественные ценности служат к Истине, Красоте и Добру. Только так произведения искусства приобретают право на вечную жизнь. То есть, творения искусства, в том числе литературы, должны воплотить в себе эти вечные понятия эстетики. Они должны служат Истине, прославит Красоту и сеет Добро. Таким образом, «Истина, Красота и Добро – три кита, на которых опирается духовная среда общества» [7, с.185].

Издревле человеческая культура развивалась в системной взаимосвязи со всеми своими национальными формами. К примеру, истоки ставшей почвой к европейской культуре греческой мифологии находятся у древних хеттов-хурритов. В одно время восточная культура дает пищу для западную, в другом периоде западная культура окажет влияние к восточную. Это извечный процесс. По этому вопросу мы в одном из своих статей вели подробную речь [5].

Тоже самое можно сказать и о культурах оседлых и кочевых народов. Для укрепления нашего мнения обратимся еще одному примеру, кыргызский философ Ш.Б. Акмолдоева непосредственно связывает эпос «Манас» с древнеиндийской мифологией [1, с.221]. Наличие и возникновение таких взглядов вполне закономерно, так как ни один народ в мире не останется сам с собой, не отчуждается от мирового духовного развития. Культурные связи среди народов продолжают идти через невидимые нити. Все оказывают влияние друг к другу. Это происходящий с древности культурный феномен.

Видный мыслитель А.А. Брудный так размышляет о культурной последовательности: «Европейская культура, которой мы все столь многим обязаны, есть, в сущности, плод самосознания бывших провинций римской империи. Не исключено, что новая евроазиатская культура сложится как результат развития самосознания бывших провинций советской империи. Возможно, здесь сложится иное понимание смысла культуры, а значит – иная культура» [3, с.28].

Он правильно предполагает. Сегодня на центральноазиатских государствах сформируется новая культура, которая питалась и от древнего кочевого духа, и от культурного опыта всего человечества. Это нужно, прежде всего, для самоидентификации номадов. Это историческая необходимость. К этому могут стать предпосылкой, к примеру, у кыргызов и национальные культурные ценности, во главе с эпосом «Манас», и коренные образцы профессиональной письменной литературы, сформировавшейся и развивавшейся в советское время. В их числе гордо стоят художественные произведения таких поэтов, как А. Осмонов и С. Эралиев, таких прозаиков, как Т. Сыдыкбеков и Ч. Айтматов, и многих других. То есть, готова богатая почва для национальной культуры, имеющей общечеловеческое содержание. Всего лишь надо отбирать качественное зерно для её оплодотворения. Для нас таким зерном будут служить и образцы древней материальной и духовной культуры, и творения современной профессиональной культуры. Принадлежащее к нации богатое наследие древней и современной материально-духовной культуры в прямом смысле слова являются неугасаемыми художественными ценностями.

Список литературы

1. Акмолдоева Ш.Б. Духовный мир древних кыргызов. – Бишкек: Илим, 1998.
2. Асаналиев К. Көркөм нарк. – Фрунзе: Кыргызстан, 1988.
3. Брудный А.А. Наука понимать. – Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1996.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез жана жердин биочөйрөсү. – Бишкек: «Ариал-Принт», 1999.
5. Жантаев А.С. Чыңгыз Айтматовдун чыгармачылыгындагы антик мифологиясынын орду // «Ч.Айтматов жана кыргыз руху» аттуу республикалык илимий-практикалык конференциянын материалдары, 2003-ж., 9-10-декабрь, Талас ш., 60-67-беттер.
6. Жусупов К. Байыркынын издери. – Бишкек: «Элита», 2001.
7. Кравченко А.И. Культурология. – Москва: Академический Проект, 2002.
8. Кыргыз совет энциклопедиясы. 3-т. Фрунзе: Кыргыз Совет Энциклопедиясынын башкы редакциясы, 1978.
9. Өмүралиев Ч. Теңирчилик. 1-китеп. – Бишкек: КРОН, 1994.
10. Өмүраалы уулу Ч. Теңирчилик. 2-китеп. – Бишкек: Detay-Kamex LTD, 1995.

ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЛЫХ ПЯТЕН В КЫРГЫЗСКО-КАЗАХСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ

Мокеева А.М.

Кыргызско-русский славянский университет имени Б.Н. Ельцина

Кыргызско-казахские литературные взаимосвязи имеют древние исторические корни. Этой теме посвящены многочисленные исследования, например, “Кыргызско-казахские, кыргызско-узбекские литературные взаимосвязи” (к.ф.н. Х. Бапаев, 1975), “Кыргызско-казахские фольклорные связи” (к.ф.н. Б. Кебекова, 1982), “Взаимосвязи кыргызского и казахского акынского творчества” (к.ф.н. Б. Кебекова, 1985), труды доктора филологических наук, академика А.А. Акматалиева “Чингиз Айтматов и кыргызско-казахские литературные взаимосвязи” (1981) и “Ч. Айтматов и литература тюркских народов” (1988), к.ф.н., доц. Б. Акматова “Многообразие кыргызско-казахских литературных взаимосвязей в 1930-е гг.” (2000), “Новая эпоха кыргызско-казахских литературных взаимосвязей (20-е гг.)” (2000), доктора филологических наук, члена-корреспондента НАН КР А. Садыкова “Мухтар Ауэзов и великие кыргызские писатели” (2005). Таким образом, спектр исследований данного вопроса довольно широк.

Проведем краткий обзор проблематики вышеуказанных трудов. Книгу Х. Бапаева “Кыргызско-казахские, кыргызско-узбекские литературные взаимосвязи” можно назвать “одной из первых научных работ, подробно показывающих культурные и литературные связи трех народов, в особенности ситуацию послереволюционных лет, их взаимное дополнение за счет художественного перевода” [9, с. 362].

Как указывает автор, “здесь показаны виды кыргызско-узбекских литературных взаимосвязей, некоторые вопросы перевода, являющегося одним из таких видов взаимосвязи, тесно переплетающейся бытовой жизнью кыргызского, казахского и узбекского народов, а также диалог литератур, осуществляемый посредством литературной критики” [3, с. 11].

Ценность книги Б. Кебековой “Кыргызско-казахские фольклорные взаимосвязи” состоит в “общем анализе точек соприкосновения фольклора двух народов не только путем поиска аналогий, но и в расширении видения истории кыргызской литературы и перспектив ее развития” [8, с. 426]. В книге этого же автора “Взаимосвязи кыргызского и казахского акынского творчества” “речь идет о широко известных обоим народам акынах, знавших и уважавших друг друга, даже если не всегда находивших взаимопонимание, – Чөжө, Катаган, Сүйүмбай, Эсенаман, Майкөт, Калмырза, Сарбас, Жамбыл, Токтогул, Калык, Кенен, Осмонкул, Ысмайыл и др.” [8, с. 431].

В первой из указанных работ академика А. Акматалиева подробно проанализированы связи между творчеством Ч. Айтматова и литературной традицией Кыргызстана и Казахстана. Здесь исследователю удалось “с различных сторон показать роль Айтматова в развитии кыргызско-казахских литературных взаимосвязей” [9, с. 98]. В первой части книги показано творческое взаимодействие Ч. Айтматова и М. Ауэзова, А. Нурпеисова, К. Мухамеджанова и З. Кабдолова. Во второй части показано, каким образом великий кыргызский писатель Ч. Айтматов стал классиком, а его идеи – образцом для молодых талантов. Рамки второй монографии А. Акматалиева были “расширены за счет анализа публицистики на узбекском, туркменском, каракалпакском, алтайском, татарском, башкирском, азербайджанском языках, таким образом, творчество Ч. Айтматова рассматривается в контексте литературного процесса многих тюркских народов” [9, с. 99].

Эти две монографии известного ученого А. Акматалиева подробно рассматриваются в работе А. Садыкова “Видные представители айтматоведения” (2013), в которой автор отмечает: “Одной из важных проблем литературоведения в целом, и айтматоведения в частности, является исследование взаимосвязи литератур. В этом плане Ч. Айтматов сыграл особенную роль, поскольку его произведения переведены на многие языки и исследованы специалистами всего мира” [12, с. 147-148].

Труды Б. Акматова посвящены кыргызско-казахским литературным связям 20-30 гг. XX в. Опираясь на эти исследования, в 2001 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему “Новая эпоха кыргызско-казахских литературных взаимосвязей”.

В монографии д.ф.н., профессора А. Садыкова “Мухтар Ауэзов и великие кыргызские писатели” рассмотрены творческие связи казахского мастера слова М.О. Ауэзова и выдающихся кыргызских писателей А. Токомбаева, Т. Сыдыкбекова, Ч. Айтматова. Отмечается равновеликий вклад М. Ауэзова как в казахскую, так и в кыргызскую литературу, а также его уникальный вклад в исследование эпоса “Манас”. Также в монографии указано, как именно Ауэзов способствовал яркому дебюту Чингиза Айтматова на литературном поприще [11]. Как видно из данных примеров, изучение кыргызско-казахских литературных взаимосвязей имеет многолетнюю богатую историю.

Мы же в своем исследовании остановимся на принципиально новой теме – литературной взаимосвязи творчества кыргызского писателя Чингиза Айтматова и казахского поэта Мухтара Шаханова, нашу работу можно было бы озаглавить как “Современные кыргызско-казахские литературные взаимосвязи”, поскольку их творчество, в том числе совместное, относится к рубежу XX-XXI вв. Не только деловые, но и дружеские взаимоотношения между ними сохранялись вплоть до последних дней жизни Ч. Айтматова.

Вместе эти две выдающиеся фигуры создали потрясающие по своей глубине произведения – книгу “Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века)” и драму “Ночь воспоминаний о Сократе”. Кроме того, из-под пера двух писателей вышли произведения, написанные не совместно, но перекликающиеся по смыслу и тематике. Например, “Белое облако Чингисхана” Ч. Айтматова и “Космоформула карающей памяти” (“Тайна, унесенная Чингисханом”) М. Шаханова. Можно сказать, что творческий тандем двух крупнейших художников слова стал полноправной частью процесса взаимовлияния кыргызской и казахской литературы. Вышеназванные произведения совместного и созвучного творчества легли в основу исследования по очерченной нами теме. Изучение точек соприкосновения произведений данных авторов позволит нам увидеть характер и природу кыргызско-казахских литературных взаимосвязей, хотя следует предположить, что существует еще масса неизвестных и малоизученных фактов, могущих стать объектом исследования в этой сфере.

Обращаясь к теории, можно привести слова выдающегося румынского ученого Александра Дима,

приведенных в его фундаментальном труде «Принципы сравнительного литературоведения»: «Что же касается сравнительного литературоведения и всеобщей литературы, которые мы в данном случае рассматриваем вместе, то их предметом являются разнообразные литературные явления (отдельные либо группы явлений), соотнесенные с определенными моментами развития и принадлежащие к четко разграниченным лингвистическим либо историческим сферам» [6, с. 27]. Так, относительно совместного и взаимодополняющего творчества Чингиза Айтматова и Мухтара Шаханова, можно утверждать, что оно находится во взаимодействующих лингвистических и исторических сферах, «соотнесенных с определенными моментами развития». Таким образом, поднятая нами проблематика полностью соответствует принципу научности.

Книга, написанная в соавторстве Чингизом Айтматовым и Мухтаром Шахановым «Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века)» – («Аскада калган аңчынын ыйы (Кылым кыйырындагы сыр ачуу)» впервые была издана в 1996 г. в г. Алматы издательством «Рауан». В предисловии Ч. Айтматов охарактеризовал ее жанр терминами «книга-экспромт», «книга-эссе», «книга-диалог». В книге, действительно, присутствуют признаки и того, и другого, и третьего. А именно, первая характеристика указывает на то, что произведение было написано на одном дыхании, «эссе» подразумевает публицистический стиль изложения, а под «диалогом» подразумевается объединяющая первое и второе понятия форма беседы.

Здесь мы видим результат разговора двух литераторов, записанный на магнитофон и расшифрованный без каких-либо правок или цензуры, обмен мнениями, что называется, «на свободную тему».

Вот как Ч. Айтматов описывает создание «книги-диалога»: «Интересна история появления на свет книги – она родилась из наших Мухтаром бесед, взаимных откровений. Один из нас говорил на казахском, другой – на кыргызском... Вероятно, эти эссе можно назвать «обменом сокровенным у магнитофона» или «книгой-экспромтом», вышедшей из магнитной ленты. В течение беседы были моменты, когда мы оказывались в плену эмоций. Но мы решили не «причесывать» те мысли и слова, что родились в момент нашего непринужденного общения. Не таили радости и горя, встречавшиеся на жизненном пути, что знали только наши близкие. В этом отличие свободного разговора от письменного жанра» [2, с. 3].

В этом и состоит отличие «книги-экспромта», надиктованной на магнитную ленту и выражающей свободное течение мысли соавторов, когда порой ненароком выдается сокровенное, от книги, написанной на бумаге, каждая строчка которой перепроверяется и редактируется. О том, были ли внесены какие-либо изменения (или дополнения) в русском переводе, в предисловии не говорится. Похоже, таковых «загриммированных» («подчищенных») мест нет и в переводной версии.

Похожие «книги-диалоги» встречаются в творчестве Ч. Айтматова и раньше. И Ч. Айтматов, и М. Шаханов принимали участие в многочисленных дискуссиях, беседах о литературе и культуре. Но между ними и данной «книгой-диалогом», кроме общих черт, есть и существенные отличия.

Беседы Ч. Айтматова с японским мыслителем Дайсаку Икэда стали источником создания другой «книги-диалога». Их совместный труд под названием «Ода величию духа» («Рухтун улуулугуна таазим ыр») был опубликован в 1994 г. в г. Москва. Тогда о жанре этой книги Ч. Айтматов сказал: «Далеко не все в жизни укладывается в занимательные сюжеты, далеко не все предлагаемые тексты читаются с захватывающим интересом. В этом смысле собеседование – труднейший жанр, требующий от читателя немало терпения и вдумчивости» [1, с. 9]. В этих словах скрывается глубокий подтекст, поскольку для восприятия разговора двух интеллектуалов читателю требуется определенный, довольно высокий уровень эрудиции.

Вопреки распространённому восприятию диалога как столкновения противоположных мнений, Ч. Айтматов выразился таким образом: «Мне же думается, куда плодотворнее беседа единомышленников, понимающих друг друга с полуслова, с полувзгляда» [1, с.11].

Можно сказать, что Ч. Айтматов встретил равного себе собеседника, с которым смог поделиться своими душевными исканиями. Одним из таких собеседников-единомышленников стал японский публицист-философ, писатель и глава буддистского сообщества Дайсаку Икэда. «Книга-диалог» состоит из трех глав, разделенных, в свою очередь, на множество параграфов, каждый из которых посвящен одной из актуальных тем современного общества, раскрываемых в философском ключе. Заметное место занимает тема экологии.

«Книга-диалог» написана как «воспоминания, анализ и исповедь» (собственная характеристика Ч. Айтматова). Ч. Айтматов акцентирует внимание на том, что мнения беседующих в целом совпадают. В своем заключительном слове Дайсаку Икэда подчеркивает свою неприверженность коммунистическим идеям, называя коммунизм «таким же проклятием XX века, каким был нацизм» [1, с. 268].

Данная «книга-диалог» стала результатом не только ряда встреч, но и переписки с взаимными вопросами и ответами.

Ч. Айтматов считает истоком появления «книги-диалога» с Дайсаку Икэда национальную традицию, памятуя слова одного почтенного старца «мне уже не с кем поговорить по душам». Что же значит «не с кем

поговорить», когда вокруг полно людей? Но, с точки зрения пожилого человека, не осталось его современников, столь же умудренных опытом, что и стало причиной его сетований на одиночество. Рассмотрим эту мысль подробнее.

Величайшие эпосы нашего народа передавались в изустной форме от старшего поколения, представителю которого принадлежит вышеуказанная цитата, в виде простого повествования, которое силами талантливых акынов того времени было облечено в известную нам стихотворную форму. Тюрколог В. Радлов, ступивший на кыргызскую землю еще до Октябрьской революции, с большим удивлением отмечал, что кыргызы придают большое значение слову, так, что даже повседневная речь звучит поэтично. Красоту слова определяет знание и опыт. Вызывавшие восхищение Радлова ораторы, несомненно, обладали богатым жизненным опытом и несли глубокую философию через свою лаконичную «певучую» речь. «Книга-диалог» Айтматова и Шаханова также написана мастерами слова. Если мир Айтматова наполнен лирико-романтическими образами, то Шаханов создает строки, близкие к народным крылатым изречениям, пословицам, поговоркам и присказкам. И это лишь одна грань их таланта. Другая грань, раскрывающая их поэтическую одаренность и неординарный писательский потенциал, – это публицистика.

Как известно, жанр публицистики имеет много аспектов. К примеру, журналистская публицистика «на злобу дня» имеет свои особенности, как и радио-, телепублицистика. Художественная же публицистика является неотъемлемой частью творческого наследия автора. Это не просто описание событий. В ней автор в художественной форме стремится показать свою личную позицию по тому или иному вопросу. К таким уникальным авторам относятся и Ч. Айтматов с М. Шахановым.

Создание публицистического произведения требует от автора глобального мышления, точного слова и глубокого понимания вопросов социологии, философии, этнографии, истории. «Плач охотника над пропастью» является примером высокоинтеллектуальной публицистики. В то же время в мировой литературе диалог существует как самостоятельный жанр. Характеризуется он следующим образом: «Литературный жанр, преимущественно философско-публицистический, в котором мысль автора развернута в виде собеседования-спора двух или более лиц. Опирается на традицию устного интеллектуального общения в Древней Греции; у истоков традиции деятельность Сократа» [10, с. 96]. Можно сказать, произведение, вышедшее из вдохновенных разговоров Ч. Айтматова и М. Шаханова, относится к философской публицистике.

В «книге-диалоге» Айтматова – Шаханова поднята системная проблематика. Начиная с темы Родины, речь заходит о великих представителях двух родственных народов, литературе, искусстве, экологии, прекрасной половине человечества и лирике, власти и духовном богатстве, образе жизни и текущих заботах современного человека. Ч. Айтматов с восхищением отзывался о своем соавторе: «В моей жизни было два Мухтара. Первый из них, проявивший обо мне поистине отеческую заботу, – мой учитель и наставник, великий писатель Мухтар Ауэзов, а второй – поэт, мой давний друг и наперник Мухтар Шаханов. Да, насколько могу судить, Мухтар Шаханов – один из выдающихся поэтов Азии, но привлекает меня в нем и то, что он мыслитель любознательного, поискового склада, соединяющий в себе истоки восточной мудрости с чутким мироощущением Запада» [2, с. 4], иными словами, он неутомимый исследователь, яркий акын, вплетающий в свою поэзию мудрость и афористическую мысль востока и высокие образцы западной культуры.

М. Шаханов, начавший свой трудовой путь простым трактористом, а впоследствии окончивший литературный институт им. М. Горького в Москве, начиная с момента знакомства с Ч. Айтматовым (уже будучи депутатом Верховного Совета СССР), и до его последнего вздоха поддерживал эту дружескую, братскую связь.

Написанная в форме диалога книга художественно-публицистического жанра «Плач охотника над пропастью» изобилует ценными мыслями о деятелях литературы и искусства. Интересна также сама композиция книги. Один из соавторов начинает разговор на определенную тему либо проблему, а другой эту нить подхватывает, привнося свое собственное видение.

Наше исследование посвящено важным проблемам современного этапа развития кыргызско-казахских литературных взаимосвязей: во-первых, книге-диалогу Ч. Айтматова и М. Шаханова «Плач охотника над пропастью» и драме «Ночь воспоминаний о Сократе», во-вторых, произведениям этих двух авторов о Чингисхане – «Белое облако Чингисхана» и «Космоформула карающей памяти» («Тайна, унесенная Чингисханом»), а в целом – роли соавторства в формировании литературных взаимосвязей и тематическо-проблематическому созвучию. Всё вместе является полновесным объектом современной компаративистики.

В данной работе мы постарались дать развернутый анализ художественно-публицистического произведения «Плач охотника над пропастью», другими словами, рассмотреть каждую тему и проблему, поднятую участниками диалога, что, надеемся, раскроет суть работы и подчеркнет актуальность исследования. Второй аспект – рассмотрение повести и романа о Чингисхане, созданных представителями кыргызской и

казахской литературы (Ч. Айтматовым, М. Шахановым) в сравнительно-типологическом плане, что позволило углубить наше исследование.

Касательно литературоведческих публикаций по вышеназванной книге-диалогу Ч. Айтматова и М. Шаханова, в 2006 г. в г. Алматы Ж. Ботабаевой была успешно защищена кандидатская диссертация «Художественно-публицистическое сотворчество Ч. Айтматова, К. Мухаммеджанова и М. Шаханова». Одна из ее глав посвящена драме «Фудзиямадагы кадыр түн» Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова, другая глава - «Плачу охотника над пропастью» Ч. Айтматова и М. Шаханова. В автореферате кандидатской диссертации Ж. Ботабаевой (Алматы, 2006) также речь идет о совместном творчестве Ч. Айтматова и двух казахских мастеров слова. Поскольку данная работа предполагает лишь краткий обзор, мы привели только цитаты относительно книге-диалога Ч. Айтматова и М. Шаханова.

В исследовании Ж.Н. Ботабаевой при определении жанровой природы «Плача охотника над пропастью» сделана попытка раскрыть мысли Ч. Айтматова, содержащиеся в прологе данной книги. Во-первых, отмечая существующую традицию диалога, диссертант сравнивает эту форму с жанром айтыш, поэтическими диалогами, имевшими место между кыргызскими и казахскими акынами: «Речевая форма исследуемой книги напоминает диалогический речевой строй поэтического жанра казахского, кыргызского фольклора – айтыс. Подводя подобные параллели, интересно отметить, что словесное собеседование Ч. Айтматова и М. Шаханова обнаружило преемственность их поэтического мастерства с традициями наставников в искусстве импровизации» [5, с. 23], Иными словами, взаимоотношения участников айтыша сравниваются с отношениями мастера и ученика.

Такая оценка, на наш взгляд, несколько преувеличена, поскольку внешне диалог Ч. Айтматова и М. Шаханова не похож на айтыш и по содержанию не является соревнованием в красноречии, и масштаб поставленных проблем намного шире, и каждую из них участники тщательно анализируют. Приводятся многочисленные примеры из жизни, в том числе, из личного опыта, проблемы рассматриваются с философской, эстетической, морально-этической точек зрения. Такие особенности отнюдь не характерны для жанра айтыш. Таким образом, наиболее корректно будет отнести данную книгу к художественной литературе философско-публицистического жанра.

Ж. Ботабаева жанровую природу рожденного в тандеме произведения видит в диалоговой форме изложения и характере откровения. «Используя диалогичность в своем произведении, – отмечает она, – авторы выражают некую открытость сознания и поведения, готовность к общению «на равных», а также способность вызвать отклик на собственные высказывания и действия» [4, с. 22].

Мы полностью согласны с выводом диссертанта, что данная книга - «своеобразное явление жанровой трансформации» [4, с. 22]. Не случайно Ч. Айтматов в кратком предисловии к книге-диалогу рассказывает о том, как она создавалась, а именно – о ее жанровых особенностях.

Особенности композиции, особенности темы и идеи романа М. Шаханова “Космоформула карающей памяти”, система образов, его нравственно-философская проблематика подробно рассматривается в диссертации Галины Гомбаевны Цыренжаповой на тему «Художественная интерпретация образной системы в романе М. Шаханова «Космоформула карающей памяти» (Бишкек, 2005) [13]. Данная работа также помогает нам разобраться в со-творчестве двух авторов с точки зрения компаративистики.

Обращаясь трудам кыргызских литературоведов, где вкратце говорится о книге-диалоге Айтматова и Шаханова, следует отметить статью академика А. Эркебаева «Цивилизация глазами мастеров художественного слова», вошедшую в коллективный сборник [14]; а также пояснительную статью к.ф.н. А. Кадырмамбетовой в седьмом томе 8-томного собрания сочинений Ч. Айтматова [7].

Мы убеждены, что данная работа поможет восполнить белые пятна в исследовании особенностей современных кыргызско-казахских литературных взаимосвязей.

Поставленные нами задачи, межнациональные литературные связи и взаимное влияние, литературно-художественные параллели и отличия различных народов суть объекты изучения, являющегося частью истории литературы сравнительно-исторического литературоведения, или компаративизма.

Параллелизм литературных фактов происходит из параллелизма социального и культурного развития наций и культурной, литературной корреляции между ними [10, с. 418]. Известный специалист в этой области А. Дима говорит об этом: “Сравнительное литературоведение как историко-литературная дисциплина входит в состав более широкой науки — науки о литературе, трактуемой в самом общем смысле этого термина. Здесь оно соприкасается с историей литературы, критикой и теорией литературы, а также — прямо или косвенно, как мы попытаемся показать в дальнейшем, — со всемирной литературой» [6, с. 25].

Таким образом, несмотря на внешнюю противоречивость поставленной проблематики, казалось бы, не имеющей научной основы, – литературных взаимосвязей и роли личного в творчестве, приведенные выше доказательства демонстрируют научную обоснованность данного исследования.

Список литературы

1. Айтматов, Ч. Ода величию духа [Текст] / Ч. Айтматов, Д. Икэда. – Москва: Прогресс; Литера, 1994. – 272 с.
2. Айтматов, Ч. Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века) [Текст] / Ч. Айтматов, М. Шаханов. – Алматы: Рауан, 1996. – 384 с.
3. Бапаев, Х. Кыргыз-казак, кыргыз-өзбек адабий байланыштары [Текст] / Х. Бапаев. – Фрунзе: Илим, 1975. – 159 с.
4. Ботабаева, Ж.Н. Жанровое своеобразие эссе Ч. Айтматова и М. Шаханова “Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века)” [Текст] / Ж.Н. Ботабаева // Теоретические и методологические проблемы современного литературоведения и фольклористики. – Алматы, – 2004. – Ч. 2. – С.194-200.
5. Ботабаева, Ж.Н. Художественно-публицистическое сотворчество Ч. Айтматова, К. Мухамеджанова и М. Шаханова [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.04/ Ж.Н. Ботабаева; Каз. гос. ун-т им. М.О. Ауэзова. – Алматы, 2006. – 30 с.
6. Дима, А. Принципы сравнительного литературоведения [Текст] / А. Дима. – Москва: Прогресс, 1977. – 214 с.
7. Кадырмамбетова, А. Эскертүүлөр жана түшүндүрмөлөр: Аскада калган аңчынын ыйы [Текст] / А. Кадырмамбетова // Айтматов Ч. Чыгармаларынын жыйнагы: 8 т. – Бишкек, 2008. – 7 т. – 522-524 с.
8. Кыргыз адабият таануу илими жана сыны. 1-том [Текст]: А. Акматалиевди жалпы редакциясы астында. – Бишкек: Манастаануу жана көркөм маданияттын улуттук борбору, 2005. – 496 с.
9. Кыргыз адабият таануу илими жана сыны. 2-том [Текст]: А. Акматалиевди жалпы редакциясы астында. – Бишкек: Манастаануу жана көркөм маданияттын улуттук борбору, 2005. – 720 с.
10. Литературный энциклопедический словарь [Текст]: под общей ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
11. Садыков, А. Мухтар Ауэзов жана кыргыз залкар жазуучулары [Текст] / А. Садыков. – Бишкек: Кырг.Улут. ун-ти, 2005. – 93 с.
12. Садыков, А. Айтматов таануу илиминин залкар өкүлдөрү [Текст] / А. Садыков. – Бишкек: Бийиктик, 2013. – 224 с.
13. Цыренжапова, Г.Г. Художественная интерпретация образной системы в романе М. Шаханова “Космоформула карающей памяти” [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Г.Г. Цыренжапова; Нац. Кырг. Респ., центр манасоведения и худож. культуры. - Бишкек, 2005. – 169 с.
14. Эркебаев, А. Цивилизация көркөм сөз өнөркөздөрүнүн көзү менен [Текст] / А. Эркебаев // Аскада калган аңчынын ыйы. – Бишкек, 2001. – С. 404-415.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ БАСНИ XVIII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ДЖОНА ГЕЯ

Воробьева К.С., Мережко А.А.

Белгородский национальный исследовательский университет, г.Белгород

Творчество поэта и драматурга Джона Гей /1685-1732/ является частью классического наследия английской литературы. Гей занимает особое место в ряду писателей, являющих собой славу и гордость восемнадцатого столетия. Новые выразительные и изобразительные возможности реализовывались в произведениях Дж. Гей благодаря определенной двойственности: одновременно серьезного и ироничного отношения к традиции и прежде всего к заформализованным классическим жанрам. Здесь же необходимо искать истоки поэтического таланта, которым отмечены в его творчестве бурлескные поэмы и эпистолы, комедии и элегии, басни и эклоги, песни и баллады – то есть все то, к чему Дж. Гей обращался будучи, по определению Э. Форсгрена, «поэтом «Низкого Жанра»» (Forsgreen, 1964: 89). Именно благодаря способности соединять трудно соединимое традиционное и новаторское, национальное и инациональное – Дж. Гей сумел поднять «низкий» жанр на высоту неподражаемого мастерства.

Наиболее ярко отмеченные качества проявились в басенном творчестве Дж. Гея. Басни, наряду с «Оперой нищего», стали апофеозом его литературной карьеры. В Англии басни признаны вершинным достижением в жанре. За полтора века с момента появления в 1727 году в первом /50 басен/ и в 1738 году во втором сборнике /17 басен/, басни Дж. Гея издавались свыше трехсот пятидесяти раз (Sprack, 1965:115). До конца XIX века басни являлись хрестоматийным материалом в английской школе. Произведения были оценены во всем мире, переводились на многие европейские языки, а также на языки урду и бенгали.

Необходимо отметить, что жанр басни на сегодняшний день остается мало изученным, а ведь понимание сущности басни, по выражению Л.С. Выготского, «как самой элементарной литературной формы» дает «ключ ко всей концепции искусства» (Выготский, 1999:65).

В XVIII веке жанр представлял собой нормативную условность. Осваивая жанры в их классическом виде, Дж. Гей пришел к подготовленному всем предшествующим творчеством, одному из самых заформализованным традицией жанров, к басне.

Наряду с пасторалью басня стала одним из первых звеньев, с которого начиналось разрушение нормативной системы жанров. Жанр басни освобождался от сковывающей условности, от традиционно появившихся в нем «дидактизма» и «развлекательности», сформировавшихся еще в басне античной эпохи во взаимодействии с эмблематическим и карнавальным видами художественного мышления. Таким образом, контекст общекультурного мышления XVIII века также становится необходимым для исследования жанрообразующих принципов басни.

Басня XVIII века стремилась к выработке средств более глубокого и индивидуализированного изображения действительности. Такими возможностями в исследуемый период обладал в большей степени, нежели классические формы, жанр романа.

Подчиняясь императиву литературного процесса, так же как и другие традиционные жанры, басенная форма, развивая в образах персонажей «характерность», максимально приближаясь к жизни, стремилась к «романному содержанию». Отмеченные процессы характеризуют басню Гея в качестве переходной формы.

Переходная форма басни этой эпохи стала частным выражением общего явления переходности, понимаемого в плане трехступенчатой периодизации мировой истории: античность – средние века – новое время.

Среди исторических вариантов жанра литературной басни особенность английской литературной басни заключается в том, что она достигла художественного наивысшего подъема в качестве переходной формы от античного варианта басни к варианту Нового времени.

Критерием литературной эволюции для жанра басни мог бы служить изменчивый принцип создания ее образов и, конкретно, состав действующих лиц.

Басня Нового времени – это жанр, получивший импульс к изменению за счет появления в образах персонажей черт «характерности».

Появление черт «характера», несмотря на всю условность применения понятия к басенным персонажам, преобразовывает басню в XVIII веке в сложное повествование, на которое, предположительно, оказал влияние жанр романа.

Особенность английской литературной басни XVIII века заключается в том, что она развивала одновременно два внутри жанровых направления: как «дидактическое», так и «развлекательное».

Дидактический вид басни поддерживался в Англии XVIII века, в основном, критикой и понимался достаточно узко как нравоучительный, адресованный детям литературный жанр.

Эмблематизм образов и сюжетов, «дидактизм» и «развлекательность» композиции – прочно связывают басни Дж. Гея с жанровой традицией.

Первый басенный сборник Дж. Гея состоял из пятидесяти шести произведений, вместе с «Вступлением», по сути, также являвшегося басней, и поэтому надленного подзаголовком «Пастух и Философ». «Басни – вступления» часто встречались в басенных сборниках конца XVIII века, где они выполняли важную функцию высказывания «поучений» не прямо, а в виде «развлекающего» рассказа и программно намечался основной дидактический смысл; по «Вступлениям» можно было судить и о тематических особенностях сборников басен.

Истинным мудрецом в баснях Гея оказывался не «книжный» философ, а тот, кто близок Природе и живет по законам; как правило, это были пастух, земледелец, «добродетельные» мифологические персонажи.

Баснописец выбирал такие образцы добродетельного идеала, которые не случайно напоминали геральдические образы. Геральдика всегда была знаковым воплощением сословного мышления. По-видимому, аналогично геральдике, законы сословного мышления проявились и в «регламентации» басенных образов в соответствии с общественным положением персонажей и их нравственной сущностью: лев и бык – монарх, лис и хамелеон – придворный, английский дог /мастиф/ и спаниель – помещик; муравей, медведь, лошадь, обезьяна – политик; дворовые собаки, осел, ячмень – простолюдины и т.п.

В гербе английской королевской семьи изображение Льва было и символом власти, и несокрушимого могущества, поэтому его изображение стало основой для герба Великобритании, воплощением идеи сильной власти, централизации, национального единства. В басне «Лев, Тигр и Странник» первого сборника Дж. Гея обращение к наследному принципу оформляется в рассказ о доблестях и долге Льва-монарха.

Как видно из проведенного анализа, особенности образности басен Дж. Гея были во многом обусловлены эмблематичной традицией художественного мышления, подчинялись законам сословного мышления, что выразилось, прежде всего, в структурной и идеологической общности с английской геральдикой.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам о том что, английская литературная басня XVII-XVIII вв. является «переходным» вариантом от античного вида литературной басни к басне Нового времени, поскольку жанрообразующие принципы басни остались, в целом, традиционным, изменения частично затронули принцип создания образов.

Наиболее консервативной по отношению к традиции оказалась структура басенных образов. Общность геральдических и басенных образов иллюстрировала связь жанра с эмблематическим и сословным мышлением эпохи.

Традиционной является также и идеологическая заданность жанра поучение в добродетели, облакаемое либо в форму «нравообличений», либо нравоучений. Как и у других просветительских баснописцев «мораль» у Гея выводится из духовных, «философских принципов», а не «житейского опыта» и составляет сущность идеологии басни – «философского дидактизма».

Английская литературная басня XVIII века, басня Дж. Гея, осталась в истории развития жанра в качестве «переходной» формы от античного варианта жанра к басне Нового времени, но именно в данном виде она достигла максимально художественной высоты.

Список литературы

1. Виндт, Л. Басня как литературный жанр Л. Виндт // Поэтика. -Л., 1927
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский - М., Лабиринт, 1999 - С. 63- 69.
3. Forsgreen, Adina. John Gay, Poet "of a Lower Order": or, Comments on His Rural Poems and Other Writings / Adina Forsgreen- Stockholm, 1964-P.89.
4. Spacks, Patricia Meyer. John Gay/ Patricia Meyer Spacks -N.Y., 1965-P.115.

СЕКЦИЯ №13.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)

СЕКЦИЯ №14.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)

СЕКЦИЯ №15.

ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

СЕКЦИЯ №16. РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)

А УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ГРАМОТНО РАЗГОВАРИВАТЬ

Морозова Т.В., Полищук А.Р.

Севастопольский государственный университет, г.Севастополь

Грамотность – это одна из важнейших и полезных способностей человека. Грамотно писать и читать в современном мире умеют далеко не все. Некоторые пытаются повысить свою степень владения навыками письма и чтения на родном языке, а кто-то даже над этим и не задумывается. Грамотность является фундаментом, на котором можно построить дальнейшее развитие человека и как следствие общества. Посмотрев вокруг, люди заинтересованы в чтении, все ходят с книгами, а уровень безграмотности в стране растет. Мода, новые понятия и никакого желания выделиться и пойти против системы. А умеете ли вы действительно грамотно разговаривать? И что влияет на нашу правильность письма и речи?

Если зайти в социальные сети, то можно невольно упасть в обморок от увиденного: безумные сокращения, не предусмотренные ни одним правилом русского языка, ошибка на ошибке, ненормативная лексика и прочее. Неужели человечество разучилось правильно и грамотно излагать свои мысли?

Социум массово деградирует. С одной стороны социальные сети – это, своего рода средство массовой информации, с помощью которого можно узнать множество интересных фактов, но с другой стороны – это несметное число, на вид, совершенно необразованных людей. Если человек постоянно будет читать эти умышленно неверно написанные слова и выражения типа «атлична, шта, ащкие рибята», то вскоре при написании сам начнет сомневаться в том, как правильно пишутся слова. Это равно тому, как люди, часточитающие написанные хорошим языком книги, нередко бессознательно усваивают нормы орфографии и пунктуации (пробуждают в себе то, что называется врожденной грамотностью). В современном мире грамотность речи, несомненно, актуальный вопрос гуманитарных наук. Ведь не зря в школе нас 11 лет учили правильно писать и говорить. Думаю, многие согласятся, что нынешнее общение подвергает в шок школьных преподавателей русского языка и литературы и даже значительно их обижает. Во всех университетах ведется курс культуры речи и русского языка, а что в свою очередь делают студенты? Пренебрежительно относятся к этим, безусловно, полезным парам, даже если поступали на специальность под условием «хочу поступить туда, где нет русского языка». Любые профессии, так или иначе, связаны с ним, поскольку разговаривают все и русский язык – это, прежде всего, национальный язык русского народа, язык его многовековой культуры и литературы, содержащий в себе свои нормы и правила, которых должно придерживаться современное общество.

Интернетом и социальными сетями в России пользуется около 70% жителей. Есть свод правил, позволяющий гармонично существовать в виртуальном пространстве. Чтобы выглядеть вежливо, необходимо придерживаться тех же стандартов поведения и норм культуры речи, что и при личном общении. Культура речи – это владение нормами устной и письменной форм литературного языка. А в нынешнее время тяжело встретить человека, который бы ясно, точно, последовательно, логично и богато излагал всю суть ситуации или просто грамотно разговаривал, не используя слов-паразитов и жаргонов.

Норма – это относительно устойчивый способ выражения, исторически принятый в языковом коллективе. Только, к большому сожалению не все знают, хотя бы примерно, что называется той самой нормой. Статистика показала, что из 17 людей, только четверо смогли сформулировать примерное представление о норме и культуре речи, но опять же они стали рассуждать и делать определенные выводы, а не сразу представлять в голове человека, который обладает данными качествами, то есть культурную интеллигентную личность.

В формировании правильной речи важен еще такой аспект как постоянная практика. По личному опыту могу сказать, что поступив на техническую специальность, я немного потеряла тот уровень своей речи, который был при непосредственном и постоянном изучении русского языка и регулярного чтения книг. Для того чтобы восстановить в памяти некоторые правила правописания и богатство словарного запаса, я прибегла к старым друзьям – конспектам, методичкам и, конечно же, литературе, а также стала впредь контролировать свой говор и свои записи.

А давайте окунемся на лет 10 назад, когда люди на расстоянии общались письмами, а не по электронной почте с автоисправлением. Это тоже своего рода постоянная практика и способ проще замечать свои ошибки. Согласитесь, что в те времена у людей была заинтересованность в своей грамотности, поскольку были другие принципы. Послушав наших бабушек и дедушек, наверняка, многие из них рассказывали про свои школьные достижения. Подавая пример своим внукам, вспоминали, как их тетради выставляли на стол почета, благодаря красивому почерку и грамотности, чего нет в современном образовании. Вообще, в принципе, люди учились на своих ошибках, а сейчас есть «чему» эти ошибки исправлять.

Вот именно сводит с ума «автокоррекция» в современных гаджетах. В портативных устройствах предусмотрено все, чтобы нам «облегчить» жизнь и совершенно не задумываться о том, что и как мы пишем. Людям впоследствии спешки это даже очень удобно – не тратить время на то, чтобы исправлять ошибки или на то, чтобы лишний раз задуматься над тем, какую букву правильнее написать «а» или «о», удвоенные ли согласные в слове и вообще где ставить запятые? Это уже неважно, поскольку есть программа, которая за них все сделает, вот только жаль, что за каждую десятую ошибку на экране не высвечивается окно «тебе уже следует повторить правила русского языка» или «больше читай литературы». Может хоть таким способом люди бы иногда «просыпались» и вспоминали про старые книги, которые уже десятки лет пылятся в книжном шкафу.

Да, автокоррекция может быть полезна в случае опечатки, но не в случае исправления реальных бездумно допущенных ошибок. Поэтому людям стоит задуматься над правильностью своей речи и попытаться всячески ее улучшить и обогатить различными диалектами, фразеологизмами и усовершенствовать свою литературную речь. Во избежание очередных ошибок, не стоит привыкать к не характерному для Вас общению и в различных социальных сетях, в личном разговоре больше употреблять вышеупомянутые привилегии русского языка.

Как высказался поэт, драматург и прозаик Александр Сергеевич Пушкин «Прекрасный наш язык, под пером писателей неучёных и неискующих, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого». Тяжело не согласиться с данным высказыванием, так как, действительно, разговорная речь и литературная несет в себе изменения.

Изменения эти порой даже не понятны разуму. А как стать образованнее, если у каждого поколения знание языка все меньше и меньше? Это непосредственное влияние и воспитание окружающего мира и самих родителей. Ведь выйдя на улицу, можно встретить какую-нибудь мамочку с маленьким ребенком, у которой вместо нормальных слов, сплошная ненормативная лексика. Ребенок в свою очередь, изучая и познавая окружающий мир, берет из него все, считая это все нормой. Естественно все слова родителей непосредственно сказываются на формировании характера ребенка. Именно поэтому поколение станет безграмотным и малообразованным. Если не прививать детям грамотность, то не вырастут общественно полезные работники, грамотные чиновники, секретари и т.д. Согласитесь, что необходимым условием приобретения грамотности письма является абсолютная правильность списывания, что возможно при максимальном напряжении внимания. В начальных классах учителя часто дают задания, связанные с переписыванием какого-либо текста. Как известно, для детей – это ужасно скучное занятие, при котором они не стараются задуматься и стать внимательнее, чего не следует делать.

Современные школьники достаточно распушены. Правильное письмо, четкий почерк, достойное ведение тетради возможно лишь при большой внутренней дисциплине и подтянутости. Дети больше интересуются компьютерными технологиями и различными новинками в этой сфере.

Также обратите свое внимание на современные фильмы и мультфильмы. Уже давно пропал всяческий этикет и культура на телевидении. Практически в каждом сериале, фильме используется ненормативная лексика и аморальные сцены. От увиденного, человек точно не станет чуточку грамотнее и эрудированнее. Я считаю, что родители должны с детства приучать ребенка к книгам и правильному общению. Поскольку дети – будущее нашей страны, нашей Родины, а наша Родина – русский язык.

Как заметил Константин Георгиевич Паустовский «Истинная любовь к своей стране немислима без любви к своему языку». Многие поэты и писатели воспевали русский язык, чего реже приходится встретить сейчас. Поскольку в разговорной речи нередко можно встретить американизмы. Например, слово «юзать», почему нельзя просто по-русски сказать «использовать»? Или же еще больше распространенное – «окей», вместо русского «хорошо» или «ладно». Многие гонятся выучить иностранные языки, совершенно не зная своего родного. Нет, это неплохо, что люди хотят знать английский, так как он довольно востребован в мире. Но не стоит забывать про родной язык, которым, по сути, носители должны обладать на все 100%. И чтобы начать обучение иностранного языка, у человека должна быть база своего родного, поэтому рождается вопрос: зачем детям в школе со второго класса начинают преподавать английский язык, если у них еще нет той самой базы родного, то есть русского?

Но тем не менее, если посмотреть на список стран по уровню грамотности, Россия на 15 месте – 99,5% уровня грамотности. А это говорит о том, что наш народ не стал еще на 100% зависим от гаджетов, интернета в общем. Можно также заметить, что те, кто читает книги, больше переходят на классику, нежели уделяют внимание современным писателям. А все по той же причине, которая удивительно точно сформулирована в вышесказанном выражении Александра Сергеевича Пушкина. Быть писателем или поэтом в наше время (если заметили) модно. Следует вывод, что каждая личность (будь она грамотна либо не имея такового) может выпустить свой сборник стихотворений или же новоиспеченный рассказ, но вопрос в другом: будет ли такая литература пользоваться популярностью? Конечно, на каждую книгу найдется свой читатель, но далеко не каждый сможет по достоинству оценить.

Вообще, книги теряют свою былую ценность. С появлением компьютеров, люди теряют один из больших потоков знаний и величайшего учителя грамотности! Благодаря книгам, личность расширяет свой утраченный словарный запас и учится грамотно излагать мысли, заинтересовывать собеседника, подавать искреннее всю информацию. Мир становится ярче с большим количеством образованных и эрудированных людей.

У человека существует пространство вариантов, он вершитель своей жизни и при желании он запросто сумеет усовершенствовать свою речь. Разве присутствуют определенные преграды? Он сам же их себе и строит. Все намного проще. Если есть желание расширить свои познания в русском языке (не зависимо от того насколько давно его учили, хоть 20 лет назад) необходимо перебороть свою лень и хотя бы больше читать.

Спустя несколько месяцев, можно заметить, будто на вашу речь поставят фильтр от слов-паразитов (как минимум) и сами удивитесь. Это уже будет немаленькая победа над своей безграмотностью и над самим собой.

Но это все не означает, что нужно раз и навсегда избавиться от социальных сетей, автоисправления и прочего вышеперечисленного. Нужно научиться себя контролировать, если есть желание говорить красноречиво и четко. Работая над своими навыками письма и речи, вы на капельку повышаете уровень грамотности своей Родины и прежде всего свою самооценку. Так, чуть-чуть, по капле от каждого человека и находится в обществе, будет значительно приятней и комфортней. Все действия человека должны идти во благо себе и окружающему миру, что можно сказать и о словах, предложениях, фразах, которые произносят люди.

В современном мире присутствует стадный инстинкт, и он очень ярко выражен. Стоит лишь впустить в свой разговор одно «плохое» слово, так буквально сразу же оно разойдется, чуть ли не по всему миру. Да, конечно, тяжело вдруг начать контролировать себя в разговорах, но необходимо не забывать о том, что можно понемногу приучать себя к культурному общению, а не идти за стадом. Таким образом, люди могут подавать друг другу пример, родители могут изначально направить ребенка на верную тропу - интеллигенции и нынешние поколения стать великим будущим нашей страны. Главное, помнить о Ваших «нераскрытых возможностях» и задуматься, что будет далее, если скажете «стоп» развитию и улучшению вашей речи и письма.

Список литературы

1. http://www.manipulation.pro/blog/negramotnost_naselenija_prichiny_i_posledstvija_negramotnosti_obshhestva/2014-08-14-70
2. Ермоленко, В. А. Дидактические основы функциональной грамотности в современных условиях [Текст] / В.А. Ермоленко. - М.: ИТОП РАО, 1999. -228 с.
3. Воровщиков, С.Г. Учебно-познавательная компетентность старшеклассников: состав, структура, деятельностный компонент [Текст] / С.Г. Воровщиков. – М.: АПК и ППРО, 2006. -160 с.
4. Лошкарева, Н.А. Формирование общеучебных умений и навыков школьников как составная часть целостного учебно-воспитательного процесса. М., 1990. – 378 с.
5. <http://www.scienceforum.ru/2016/pdf/22149.pdf>

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Громова Н.В.

Астраханский государственный университет, г.Астрахань

В научно-методической литературе рассматриваются различные основы обучения неродному языку: лингвистические, социолингвистические и лингвокультурологические. Лингвокультурологический аспект как один из релевантных в методике преподавания неродного языка базируется на лингвокультурологии – научной

дисциплины синтезирующего типа, находящейся в кругу таких смежных наук, как социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, страноведение, культурология. Объектом её исследования является взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе их функционирования. Общее направление лингвокультурологических исследований – человек как языковая личность, язык как система воплощения культурных ценностей, культура как наивысший уровень языка.

Государственный образовательный стандарт определяет лингвокультурологическую компетенцию как один из показателей развития ценностного сознания обучающегося. Готовность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия проявляется в качестве культурно-исторических компетенций. В области овладения языком и культурой, в том числе и неродной, особое значение имеют компетенции в общении, относящиеся к взаимодействию человека и социальной сферы: порождение и восприятие текста (устное и письменное), знание этикета, бизнес-языка, соблюдение традиций, кросс-культурное и иноязычное общение. Формирование лингвокультурологической компетенции – это осознание языка как феномена культуры, как культурно-исторической среды, которая воплощает в себе историю, культуру, обычаи народа. Осознание национальной специфики языковой картины мира способствует более глубокому пониманию истинной природы культурного смысла, закрепленного за определенным языковым знаком, в частности за фразеологической единицей.

Фразеологическая единица – это образ, который отражает мышление того или иного народа и демонстрирует, как были увидены и осмыслены определенные жизненные ситуации. У разных народов эти образы могут быть сходными, различными или отсутствовать вообще. Освоение фразеологическими единицами неродного языка идет параллельно с формированием лексического запаса иностранного языка, но менее интенсивно, главным образом за счет тех устойчивых единиц, которые совпадают в родном и изучаемом языках по словарному составу, грамматической структуре, стилистической окраске. В то же время во фразеологической системе любого языка есть целый пласт образных выражений, которые определяются как интернациональные фразеологизмы. Определяя понятие «интернационализмы» как «1. Слова, встречающиеся в ряде языков и обладающие в той или иной степени фонетическим, грамматическим и семантическим сходством. 2. Слова в разных языках, имеющие общее происхождение (чаще всего восходящие к греческому или латинскому) и одно и то же значение, но, как правило, учитывающие фонетические и морфологические нормы данного языка» [8], отмечаем ключевой смысл – ‘сходство’, который возможно считать доминантой в следующем семантическом ряду: соответствие – подобие – подобность – аналогия – аналогичность – общность – тождество – схожесть – сходность – одинаковость. Фразеологизм – это сочетание слов, отдельно оформленное образование с полностью или частично переосмысленными компонентами [там же]. Опираясь на приведенные терминологические дефиниции, заключаем, что интернациональная фразеологическая единица – это относительно устойчивая, отдельно оформленная единица языка, имеющая, как правило, целостное, по преимуществу образное значение и относящаяся к общеэтимологическому фонду ряда языков, близких по происхождению или сходных по своему историческому развитию [12]. Таким образом, к интернационализмам в области фразеологии можно отнести «межъязыковой словесно-фразеологический фонд» [1].

Вопрос об изучении фразеологии в иностранной аудитории определяется необходимостью формирования у иностранных учащихся системного представления о русском языке. Преподавателю русского языка, работающему в иноязычной аудитории, крайне важно понимать, что «употребление фразеологизмов в речи требует большой предварительной работы по их отбору, семантизации, организации адекватного восприятия в различных ситуациях, экстралингвистических и языковых контекстах» [9].

Основными источниками интернациональных фразеологизмов принято считать Библию, мифы Древней Греции и Древнего Рима. Многие фразеологизмы берут своё происхождение из религиозных текстов. Для христиан – это Библия, для мусульман – Коран, для арийских народов – Авеста, для иудеев – Талмуд и т.п. В формировании русского национально-культурного ареала важную роль сыграло христианство, что обусловило достаточное количество идиом библейского происхождения в русском языке. Интернациональные библейские фразеологизмы пришли в русский язык главным образом из древнееврейского языка через греческий и старославянский (фразеологизмы Ветхого Завета). Или из греческого через старославянский язык (фразеологизмы Нового Завета). Библия, как один из самых мощных источников культурной информации в идиоматике, присутствует в культуре и языках разных народов, признающий Ветхий и Новый Заветы Священными книгами, поэтому фразеологизмы библейского происхождения имеют в разных языках одинаковые образные основания. Ср.: русск. *испить горькую чашу*, *испить чашу до дна* и франц. *boire le calice jusqu'à la lie* – ‘перенести все невзгоды, тяжелые испытания до конца’; русск. *хлеб <наш> насущный* и англ. *daily bread* – ‘средство необходимое для существования; самое важное, жизненно необходимое’. Выражение *вавилонское*

столпотворение (англ. *chaos of Babel*) – ‘шутл. Беспорядочная толпа людей, суматоха, неразбериха’ – возникло из библейского мифа о попытке построить в Вавилоне башню до неба. Бог, разгневавшись на строителей, «смешал язык их», и они перестали понимать друг друга и не могли продолжить работу. (Бытие, 11, 1-9). Слово **столпотворение** «строение столпа, башни», имевшее исходную библейскую семантику «смешение языков, разноязычие», под ложноэтимологическим влиянием слов *толпа*, *столпиться* приобрело специфическое для русского языка значение «большое, беспорядочное стечение народа». Также является универсальным и понятным для христианских народов выражение **мудрый как [царь] Соломон** – ‘1. книжн. О чрезвычайно умном, мудром человеке. 2. ирон. О недалеком, глупом человеке’, которое восходит к Ветхому Завету: «И дал Бог Соломону мудрость, и весьма великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян. Он был мудрее всех людей» (III книга Царств, 4, 29-31).

Своеобразие библейских фразеологизмов любого языка создается как под влиянием собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов, которые в совокупности образуют лингвокультурологические особенности библейской фразеологии каждого национального языка, в том числе и русского.

Отмечается особая эвристическая значимость мифа для образования фразеологизмов. Словарь иностранных слов определяет миф [< гр. *mythos* слово; сказание, предание] как сказание, передающее представления древних народов о происхождении мира, о явлениях природы, о богах и легендарных героях. Мифы являли собой серьезное и практически важное знание древнего человека о мире. Прототипы образов и форм, представленные фразеологизмами, можно найти в природе, раскрывающей себя как мир материализованной мечты, как пророческий язык, чьи символы – живые существа и формы. Через мифы человек обозначал и описывал мир.

С именем одного из главных персонажей русских сказок, с образом старухи-колдуньи в славянской (особенно восточнославянской) мифологии связано выражение **баба-яга [костяная нога]** – ‘фолькл. неодобр. О злой, сварливой и безобразной старой женщине’. Баба-яга живет в глухом лесу в небольшой *избушке на куриных ножках* и летает по ночам в ступе, поворачивая ее метлой. Русскую *Бабу-ягу* от европейской ведьмы отличает немало мифологических деталей. Во-первых, мифологические и этимологические трактовки этого персонажа очень разнообразны и противоречивы. Одна из наиболее приемлемых и признанных: Баба-яга в языческих представлениях – богиня смерти и воскрешения и в связи с этим – стертый образ свергнутого идола. Во-вторых, наиболее древним представлением о Бабе-яге является то, что она едет в ступе (железной) с пестом и замечает следы помелом. Под влиянием христианства ее образ несколько трансформировался в образ ведьмы, колдуньи, бесовки. Ей стали также приписывать и способность летать (а не ехать), что можно считать влиянием литературной обработки сказки. В-третьих, связь Бабы-яги и ведьмы древняя, поскольку и ведьмы также летали в ступах, пользуясь как средством передвижения и пестом. Поскольку последний мог использоваться и как орудие боя (о чем есть древние свидетельства у многих народов), то сначала у Бабы-яги и ведьмы появился в руках пест, а уж потом они забрались в ступу.

Также фольклорные и лингвистические данные позволяют конкретизировать мифологический прототип Бабы-яги в образ змеи. Змея в ранних мифологических системах многих народов имеет хтонический характер, так как связана с землей и порождена ею, а следовательно, она сопричастна царству мертвых, смерти. Как порождение этого царства, она является древнейшим персонажем зла, антиподом добра в любой его мифологической интерпретации. Этот образ, подобно другим генетически зооморфным персонажам, прошел длительный путь антропоморфизации, прежде чем превратится в фольклорный образ Бабы-яги. Возникновение сочетания *Баба-яга* объясняют сращением слов *баба* «старуха, женщина» и *яга* «злая; злость, болезнь». Из многообразия этимологических интерпретаций слова *яга* наиболее вероятным кажется возведение его к праслав. *(j)ega. Вслед за востоковедом И.Н. Березиным («Шейбаниада», 1849) А.И. Кононов связывает слово *Яга* с монг. *экэ* «мать», тем более что у древних монголов слово *экэ* относилось к божествам женского пола. Если предположить, что *яга* < *экэ/эхэ*, то слово *яга* можно рассматривать как глоссу к слову *баба*, которое известно как славянским, так и тюркским языкам. Неизвестное слово здесь тогда объяснялось через известное, а *яга* производило впечатление чего-то таинственного, неизвестного – страшного и зловещего. Эпитет *костяная нога*, возможно, связан с древними представлениями о том, что «нечистая сила» вместо ног имеет копыта.

Обращение к древнегреческой мифологии на примере предания о сиракузском тиране Дионисии Старшем объясняет выражение **дамоклов меч** – ‘книжн. О постоянно грозящей кому-л. опасности’. Желая проучить льстеца *Дамокла*, называвшего его счастливейшим из людей, Дионисий приказал во время пира посадить его на свое место, предварительно прикрепив к потолку над этим местом острый меч, висевший на конском волосе. Этот меч – символ постоянных опасностей, угрожающих властителю. Выражение **олимпийские игры** (ср. фр.

Jeux Olympiques, англ. Olympic Games) – ‘Международные соревнования, охватывающие разные виды спорта’ – восходит к проходившим в Древней Греции (в Олимпии) состязаниям и празднествам в честь верховного бога Зевса (с 776 г. до н.э.) Интернационализм *взгляд Медузы* – ‘книжн. неодобр. Тяжелый, ненавидящий взгляд злобного человека’ – связан с греческим мифом о *Медузе Горгоне*, старшей из трех сестер-чудовищ, имеющей ужасающую внешность: звериные уши, медные копыта и сплетение змей вместо волос. Любой увидевший ее лицо окаменевал.

Большинство из таких фразеологизмов являются интернационализмами благодаря отражению античной культуры не только в европейских языках, что в частности представлено в единстве интеллектуального и экспрессивно-эмоционального содержания фразеологизмов, связанных с древнегреческой и древнеримской мифологией.

Не все фразеологизмы и крылатые выражения требуется давать на начальных этапах обучения русскому языку, это задача продвинутых этапов, когда учащиеся накапливают достаточный лексический материал. Объяснение скрытых для иностранных студентов образов и коннотаций должно происходить через учебные материалы лингвокультурологического характера, которые ориентированы на иностранную аудиторию и опираются на родной язык учащихся.

Список литературы

1. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
2. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов. - М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
4. Гак В.Г. Основы библейских фразеологизмов в русском языке // Вопросы языкознания. – 1997. - № 5. – С. 55-66.
5. Давыдова Н.В. Библейский словарь школьника. – М.: РОСТ, МИРОС, 2000. – 160 с.
6. Золотых Л. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории: учебное пособие / Л. Г. Золотых, М.Л. Лаптева, М. С. Кунусова, Т. К. Бардина; под общ. ред. М. Л. Лаптевой. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – 91, [1] с.
7. Золотых, Л. Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых.– М. : Изд-во «Элпис», 2008. – 472 с.–ISBN 978-5-902872-18-4.
8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.
9. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / Под ред. А.Н. Щукина. М., 2003.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / М. Фасмер. – Т.1. – М. , 1964-1973.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / М. Фасмер. – Т.2. – М. , 1964-1973.
12. Шихова Т.М. Интернациональная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах. Архангельск, 2005.

НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»

Тимофеева Т.П.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Курганский государственный университет», г.Курган

На современном этапе развития языкознания наблюдается повышение интереса к проблемам антропологической лингвистики, направленной на изучение взаимодействия языка с разными аспектами жизни человека. По мнению И.В. Ерофеевой, «важной задачей лингвистических исследований последних лет становится реконструкция этнической культуры через языковые средства» [Ерофеева, с. 24]. Территориально-этническая принадлежность человека характеризует его как часть социума. Номинации с подобным значением составляют семантически неоднородную группу, занимающую в языке значительное место. Анализ таких

номинаций дает возможность оценить территориальную структуру государства в определенный период времени, его этнический состав.

Изучение наименований человека по территориально-этнической принадлежности в художественном произведении позволяет увидеть пространственную организацию текста, идентифицировать героев по месту жительства, проследить ситуацию в социальной и политической жизни общества и государства. В качестве объекта исследования данной статьи выбран роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» [Ильф, Петров].

Структура текста данного художественного произведения отличается значительным количеством авторских отступлений, вводных эпизодов и, следовательно, включает множество главных и второстепенных персонажей. Поэтому предметом статьи стали наименования человека, или антропонимы, особенности функционирования которых являются важным компонентом идиостиля писателей.

Термин «антропоним» был предложен Е.Р. Ратушной. Под антропонимами мы будем понимать лексические и фразеологические единицы языка, называющие человека по различным свойствам, качествам. Подобные номинации имеют категориальное значение предметности, субкатегориальное значение одушевленности и лица [Ратушная, с. 317]. По данным картотеки, собранной с помощью метода сплошной выборки, к группе наименований человека по территориально-этнической принадлежности относится 97 единиц, выявленных в тексте романа «Двенадцать стульев». Семантически данные номинации делятся на несколько подгрупп:

- 1) наименования этноса, народа (этнонимы) (38 единиц);
- 2) наименования жителей населенного пункта (катоиконимы) (25 единиц);
- 3) наименования жителей государства, нации (12 единиц);
- 4) обобщенные наименования людей по месту жительства, пребывания (12 единиц);
- 5) наименования жителей определенной местности, территории (7 единиц);
- 6) наименования представителей расы (3 единицы).

Первая группа единиц является самой многочисленной и включает 38 наименований (39,1 %), характеризующих тот или иной этнос (народ). Классическое определение «этноса» принадлежит С.М. Широкоговору, который дает следующее толкование: «группа людей говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев укладом жизни хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [Широкоговор]. Но данная дефиниция сегодня актуальна не для всех этносов (например, в пределах одного этноса люди могут говорить на разных языках). Поэтому в рамках нашего исследования мы будем пользоваться более современной трактовкой понятия: «этнос – совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп» [Словарь философских терминов].

Номинации, обозначающие этнос (племя, народ, субэтническую группу), называются «этнонимы» [см. Краткий понятийно-терминологический справочник, с. 52]. Среди выявленных этнонимов представлены:

а) наименования представителей ныне существующих этносов: *аджарец, англичанин, армяшка, ассириец, брат-татарчонок, возница-аджарец, грек, еврей, ингуш, итальянец, казак, красавец с черкесским лицом, команчи, черкесская девица, черкешенка, немец, осетин, повар-француз, поляк, приказчик-еврей, русский, таджик, татарин, татарчонок, туркмен, узбек, француз, цыган, цыганка, цыганский хор, чуваш, японец*, например:

– *Кадеты Финляндию продали, – замычал вдруг Чарушников, – у японцев деньги брали! Армяшек разводили!* (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»);

б) устаревшие наименования этносов:

- архаизмы: *абиссинец* (современное – эфиоп), *персиянин* (современное – иранец), *черемис* (современное – мариец):

На запятках графской кареты, пролетавшей по Миллионной, неизменно стоял абиссинец, вызывая своей чернотой и тонким станом изумление прохожих (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»);

- историзмы: единица *бухарец* в значении «представитель этноса» перестала функционировать с 1930-х годов (в настоящее время слово существует в значении «житель Бухары»), единица *хивинец* в значении «представитель этноса» перестала функционировать с 1920-х годов (в настоящее время слово существует в значении «житель Хивы»):

Это узбеки в белых кисейных чалмах и цветочных халатах, краснобородые таджики, туркмены, хивинцы и бухарцы, над республиками которых сияет вечное солнце (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Значение некоторых единиц уточняется уникальными дифференцирующими семами, указывающими на дополнительные свойства, признаки называемого лица, например, на профессию (*повар-француз, возница-*

аджарец, приказчик-еврей), родственные отношения (*братья-татарчата*). В этом случае семантическая конкретизация этнонима достигается с помощью приложений (повар, возница, приказчик, братья).

Также в семантике ряда номинаций присутствует коннотативная составляющая, создаваемая посредством морфемной деривации (*армяшка, татарчонок*) или с помощью сочетания со словом, имеющим оттенок в значении (*красавец с черкесским лицом, черкесская девица*). Единица *хохол* (разговорно-сниженное, пренебрежительное название украинца [Ефремова]) содержит в своем значении специфическую негативную коннотацию и является прозвищем народа – «экзоэтнонимом» (этническое название, данное другими народами [Краткий понятийно-терминологический справочник, с. 52]), например:

Жил я в семействе одном. Хохлы отчаянные. Типичные собственники: одноэтажный домик и много разного барахла (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Также в состав группы наименований этноса (народа) вошла номинация *грек*, использованная в переносном, не зафиксированном словарями значения «учитель греческого языка», обладающая разговорной стилистической окрашенностью:

Во время греческого в третий класс вошел директор Сизик. Сизик сделал знак греку оставаться на месте <...> (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

К группе наименований жителей населенного пункта по данным картотеки относятся 25 единиц (25,8 %). В соответствии с семантикой катойконимы (имя жителя по названию места жительства [Краткий понятийно-терминологический справочник, с. 22]) можно разделить на:

а) наименования жителей города: *запорожец, житель Москвы, киевлянин, ленинградец, Москва, москвич, москвичка, московский гость, одессит, Почетный гражданин города Кологрива, представитель Киева, представитель Одессы, ятигорец, Старгород, старгородец, старгородский ареонаг, старгородский лев, харьковчанин*;

б) наименования жителей села: *барминец, васюкинец, васюкинский индивидуум, васюкинские массы, васюковец, представитель села Бармина*, например:

По фуникулерам подымались в город мордатые иностранцы, шахматные леди <...> и, завидующие васюкинцам, – москвичи, ленинградцы, киевляне, сибиряки и одесситы (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Большинство катойконимов образовано от наименований реально существующих населенных пунктов (Запорожье, Москва, Киев, Ленинград, Одесса, Кологрив, Ятигорск, Харьков, Васюки, Бармино), находившихся на территории СССР. Вымышленным авторами ойконимом является только наименование «Старгород», на базе которого образовались номинации лиц: *Старгород, старгородец, старгородский ареонаг, старгородский лев*:

Покуда строились и монтировались трамвайная станция и депо, старгородцы только отпускали шуточки (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Единицы *Москва* и *Старгород* в результате метонимической трансформации семантики приобрели дополнительное значение «люди, проживающие в данном населенном пункте»:

– *<... > Отпирательства ваши безнадежны. Лиза мне все рассказала. Вся Москва покатывается со смеху* (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Также в исследуемой группе выявлен экзотизм *кантонец* – житель Кантона, китайского города субпровинциального значения (французское название города Гуанчжоу):

– *Они скоро всю Хэнань заберут, эти кантонцы* (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Следующая группа номинаций «наименования жителей государства, нации» включает 12 антропономинантов (12,4 %), например: *гвинейская курочка, мексиканец, новозеландец, россиянин, советский служащий, американка, турецко-подданный*. Под «нацией» мы, вслед за Ю.В. Чернявской, понимаем «этническое или многоэтническое социокультурное единство, обладающее государством или стремящееся к его созданию и объединенное интенсивной социальной коммуникацией» [Чернявская, с. 14]. Большинство современных авторов государств были многоэтническими, например, наименования, от которых образованы исследуемые антропономинанты: Гвинея, Мексика, Новая Зеландия, Российская империя, СССР, США, Турция.

Единицы данной группы отличаются от этнонимов тем, что обозначают совокупность представителей различных этносов, то есть не являются исключительно этнической характеристикой. Так, например, антропономинант *россияне* имеет значение «общее название населения России» [Ожегов]. При этом в составе российской нации выделяется множество этносов: русские, татары, башкиры, чуваша, чеченцы, удмурты, марийцы, осетины, кабардинцы, якуты, буряты, ингуши, тувинцы, коми, карачаевцы, калмыки и т.д.

Но Ипполит Матвеевич, проигравший накануне в безик семьсот франков заезжему россиянину, только посмотрел на свои кофейные с черными лампасами панталоны <...> (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

В исследуемую группу также вошел антропонимант *гвинейская курочка*, использованный авторами в переносном значении (гвинейские куры распространены не только в Гвинее, данный вид относится к подвиду диких, «сорных кур»). Подобным эпитетом О. Бендер называет свою жену – мадам Грицацуеву. Таким образом, прямой отсылки к западному региону Африки, Гвинее, в произведении нет.

В связи с тем, что действие романа разворачивается в 1927 году, в тексте выявлено несколько наименований жителей государства, нации со значением «житель СССР»: *скарденый советский бандит, советский изобретатель, советский служащий, советский специалист, совработник*.

В следующую группу единиц – «обобщенные наименования людей по месту жительства, пребывания» – входят антропониманты, которые не дают точной территориальной идентификации объекта, а обладают лишь семантическим оттенком пространственного расположения. К таким единицам относятся 12 номинаций, составляющих 12,4 % от общего количества наименований человека по территориально-этнической принадлежности: *инородец, иностранец, город, горожанин, горец, девушка из предместий, деревенская девка, королева из предместий, представитель села, провинциал, провинциальная непосредственность, провинциальный простофиля*.

Через Александровский вокзал входит в Москву иностранец на каучуковых подошвах, в костюме для гольфа – шаровары и толстые шерстяные чулки наружу (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Большинство единиц, выявленных в данной группе, определяют человека как сельского жителя с помощью семантики компонентов «предместье», «деревня», «село», «провинция».

В отдельную группу нами отобраны наименования жителей определенной местности, территории (7 единиц, 7,2 %): *волгарь, дитя Поволжья, житель бассейна реки Амазонки, кавказец, сибиряк, сицилиец, тихоокеанский петушок*. Данные номинации в структуре значения содержат конкретное наименование местности, об уроженце или жителе которой в тексте идет речь. При этом к наименованию местности относится не название населенного пункта, а обобщенная номинация какой-либо территории (Поволжья, бассейна реки Амазонки, Кавказа, Сибири, Сицилии, Тихоокеанского региона).

С Курского попадает в Москву кавказец в коричневой бараньей шапке с вентиляционными дырочками и рослый волгарь в пеньковой бороде (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Последней среди выделенных нами групп стала совокупность единиц со значением «наименование представителей расы». Это самое малочисленное множество, в него вошли 3 единицы (3,1 %). Ю.В. Чернявская дает следующую дефиницию понятию «раса» – «значительная группа людей, обладающая некоторыми общими физическими свойствами, передаваемыми по наследству и поддерживаемыми в данной группе в ходе отбора» [Чернявская, с. 19]. Отсюда следует, что доминантным признаком расы является генетическая общность.

В тексте романа встречается употребление единиц, обозначающих только одну расу – негроидную: *аптечно-негритянский ансамбль, негр, негр из людоедского племени «Мумбо-Юмбо»*. По определению Л.П. Крысина, «негр – представитель коренного населения тропической Африки, характеризующегося темным цветом кожи, а также чернокожий житель Америки и других стран» [Крысин]. Однако в семантике антропониманта *аптечно-негритянский ансамбль* присутствует метонимическая трансформация значения: авторы так называют группу звукового оформления на пароходе «Скрябин», игравшую на саксофонах, флексатонах, пивных бутылках и кружках Эсмарха негрскую пляску «Антилопа у истоков Замбези» [см. Ильф, Петров]:

Зрители разместились на береговых склонах и, сверх всякого ожидания, шумно выражали свое одобрение аптечно-негритянскому ансамблю (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Таким образом, исследуемые антропониманты ярко демонстрируют территориальное и этническое многообразие населения Союза Советских Социалистических Республик 1920-х годов. Семантика выявленных наименований позволила выделить шесть групп, каждая из которых обладает определенной семантической структурой с уникальными компонентами значения. Наиболее широко представлено множество со значением «наименования этноса, народа». Также в тексте романа авторами активно используются номинации человека по месту проживания в конкретном населенном пункте или государстве, по месту пребывания. Особый интерес представляет семантика устаревших единиц, экзотизмов и номинаций, использованных в переносном значении.

Список литературы

1. Ерофеева И.В. Именное словообразование в языке русских летописей: автореф. дисс. докт. филол. наук. Казань, 2010. 50 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
3. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Вагриус, 1998. 544 с.

4. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / сост.: Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев. М., 1998. 54 с.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Ратушная Е.Р. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов-антропонимантов, обозначающих лицо по социальным признакам // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. Вып. № 4. С. 317-325.
8. Словарь философских терминов / под ред. проф. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. 745 с.
9. Чернявская Ю.В. Народная культура и национальные традиции: пособие для учителей. Минск: Беларусь, 2000. 199 с.
10. Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы: Этнографические исследования. Кн. 1. Владивосток: Изд-е Дальневосточного ун-та, 2001. 192 с.

ОБУЧЕНИЕ СОЗДАНИЮ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ - НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ, БАЗОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

Романюк Т.И.

Северо-Кавказский Федеральный Университет, г.Ставрополь

Сегодня перед высшей школой поставлены задачи, требующие неотложных решений, которые связаны, в первую очередь, с социально-экономическими условиями жизни России. Стандарт высшего образования подразумевает не только высокую профессиональную подготовку, но и общую культуру, необходимой частью которой является владение культурой речи, знание родного языка, умение общаться в различных сферах и ситуациях.

В последние годы заметно актуализировалась и вышла за рамки академического сообщества проблема культуры научной речи. Обнаружился явный дефицит компетенций, которыми должен владеть человек не только для успешного обучения в вузе, но и дальнейшей научной деятельности. Если обратиться к системе высшего образования, то можно констатировать: корни этой проблемы – в катастрофически снижающемся уровне оценки учебных и научных письменных студенческих работ – рефератов, курсовых и выпускных дипломных работ.

Ключевой момент в обучении научному стилю речи – овладение навыками создания текстов вторичных жанров: планов, конспектов, тезисов, аннотаций, рефератов. Жанровая компетенция, т.е. владение научными жанрами, является основополагающей для решения коммуникативных задач в любой профессиональной сфере [2].

Известно, что умение создавать текст научного стиля следует начинать с обучения созданию вторичных текстов. Вторичный текст – это текст, образованный (или преобразованный) на основе первичного, с помощью определённых механизмов и сохраняющий основную мысль исходного текста.

На первый взгляд, представляется, что создание вторичного текста – дело совсем несложное: берешь исходный текст, выписываешь из него по порядку умные мысли из первоисточника – и вторичный текст, например, реферат, готов. На самом деле все не так просто. Успешность создания вторичных текстов во многом обеспечивается уровнем развития умения читать. Но даже если исходный текст воспринят глубоко и полно, понят адекватно замыслу автора, то при создании вторичных текстов нередко возникают трудности, преодолеть которые не всем и не всегда удается. Это обусловлено рядом причин: незнанием законов жанра того или иного вторичного текста, неумением правильно использовать языковые и речевые средства, уместные в соответствующих текстах и т. п. Раскрывая специфику жанра того или иного вторичного текста, следует также обратить внимание студентов на смену авторства, а значит, и изменение коммуникативной задачи. В идеальном варианте вторичный текст должен не только полно отражать основные идеи первичного текста, но и сохранить присущие ему качества научной речи, поскольку все вторичные жанры относятся к научному стилю. Создание вторичного текста – это один из этапов на пути развития умения создавать самостоятельное научное произведение (курсовую и выпускную квалификационную работы, научную статью и т.п.).

Для того чтобы уверенно чувствовать себя в учебной среде, уметь подготовить сообщение, доклад, написать реферат по специальности, студент должен освоить алгоритмы, модели построения научных жанров, языковые и стилистические средства их оформления. Первоначально должно быть сформировано умение

производить компрессию источника научной информации. Необходимо освоить различные способы сокращения текста, выделения в нем главной и второстепенной информации, переформулирования с использованием авторских речевых средств.

Формирование у студентов умения трансформировать получаемую информацию в знание – залог успеха процесса обучения. Для того чтобы методически грамотно строить учебный процесс, отвечающий требованиям современного социума, преподавателю необходимо осознать, что те сведения по предмету, которые он передает обучающемуся, служат лишь информацией, т.е. сырьем для будущего знания или умения.

Информация, с которой сталкивается человек, разнообразна по виду и структуре. Специфика текстовой информации состоит в знаковом характере и графической зафиксированности. Развитие средствами учебного предмета таких умений информационной переработки текста, как умение воспринять и интерпретировать текст с целью присвоения информации и умение представить эту информацию во вторичном тексте (плане, конспекте, тезисах, реферате), понимается как основа и необходимое условие становления не только коммуникативной, но и познавательной и информационной компетенции, также входящей в число ключевых, базовых компетенций современного студента [3].

Умение создавать вторичные тексты носит общенаучный характер, так как реализуется в процессе изучения всех дисциплин вузовской программы. Написание конспектов, рефератов, устный ответ на экзамене, письменные ответы на контрольные вопросы – все это является составной частью обучения студентов любой специальности и приобретает особую актуальность в связи с необходимостью ориентироваться в быстро расширяющемся информационном пространстве.

Создание вторичных текстов базируется на развитии целого ряда коммуникативных умений: умения читать; осознавать коммуникативную задачу при создании вторичного текста; создавать тексты определенных жанровых форм с использованием характерных для выбранного жанра средств языка и речи. В результате студент приобретает навыки самостоятельной обработки, кодировки и извлечения научной и любой другой информации.

Для того чтобы научиться писать вторичные тексты, обучающимся необходимо овладеть такими приемами работы с информацией, как сжатие, расширение и трансформация информации текста. Учитывая особенности механизма сжатия информации, можно отметить и ряд трудностей, с которыми сталкивается конспектирующий при написании вторичного текста. Мы можем выделить две проблемы. Во-первых, это трудности при выделении главной и второстепенной информации, получаемой при прочтении исходного текста, и дальнейшее перефразирование. Во-вторых, трудности возникают при свертывании информации. Эта задача тоже достаточно сложная, так как сжатие должно пройти так, чтобы получился вторичный текст, основанный только на главной информации. Кроме того, вторичный текст пишется с целью дальнейшего воспроизведения, поэтому конспект (или тезисы) должны содержать только ту информацию, которая позволит вспомнить исходный текст. При конспектировании могут возникать трудности логической передачи исходной информации, т.е. нарушения логики при конспектировании.

Особое внимание необходимо уделить реферированию научных текстов. Умения реферативной обработки информации, знания композиционных схем оформления вторичных текстов важны для написания аннотации, курсовой, дипломной работы, а также в последующей профессиональной деятельности при подготовке докладов и обзоров. Приступая к этой работе, студент должен составить представление о жанровом многообразии рефератов, среди которых выделяют рефераты информативные, или библиографические (реферат-описание, реферат-резюме), рефераты монографические и рефераты обзорные.

Студенты пишут рефераты на определенные темы, т.е. тематические рефераты. Для их написания могут быть привлечены 2-3 научные работы. Такой реферат будет обзорным. Его особенность заключается в объективности: он не должен отражать субъективных взглядов или субъективной оценки. Реферат содержит иллюстративный материал, конкретные сведения, выводы, идеи автора. В этом отношении реферат приближается к конспекту, однако отличается от него большим лаконизмом, поскольку включает только обобщенные и преимущественно новые, оригинальные выводы автора книги.

Еще одна разновидность реферата, который выполняют студенты, – это изложение имеющихся в научной литературе концепций по заданной проблемной теме. Преподаватель оценивает умение работать с научной литературой, вычленять проблему из контекста, навыки логического мышления, культуру письменной речи, знание правил оформления научного текста, ссылок, составления библиографии. Реферат часто путают с научным докладом. Доклад предназначен для устного выступления, поэтому надо различать письменный вариант и само выступление.

Для удовлетворения коммуникативных потребностей обучающемуся прежде всего необходимо умение писать учебный реферат. Это значимый вид самостоятельной учебно-исследовательской работы, который

предлагается выполнить студенту уже в первом семестре. Часто обучающиеся задают вопрос об оптимальном объеме реферата. Ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным, так как он во многом зависит от информационной ценности первоисточника: чем больше информативная ценность, тем больше объем реферата. Но общая рекомендация такова: реферат должен быть минимальным по объему, но максимально полным по содержанию. Такая расплывчатая рекомендация касается учебных рефератов. Следовательно, главная задача автора реферата – оценить информацию с точки зрения ее важности, при необходимости переформулировать ее, представив в более емкой форме, обобщить некоторые положения, исключить второстепенные моменты и представить все остальное в виде текста определенной структуры [1]. В многочисленных методических рекомендациях описана структура такого реферата, представлены требования к его оформлению, однако это мало помогает создать самостоятельную творческую работу, которая бы действительно свидетельствовала об уровне освоения пишущим материала по предмету.

При реферировании нужно выделить принципы смыслового свертывания текста, составляющие суть таких операций, как цитирование, перефразирование и обобщение материала подлинника. Выделение ключевых фрагментов в тексте – подчеркивание или их выписывание является неотъемлемой частью процесса реферирования. Опыт работы со студентами убеждает, что прочный навык реферирования формируется лишь при условии поэтапного освоения: компрессия текста – составление плана – написание реферата-описания – реферата-обзора – учебного/тематического реферата.

Реферирование учит не только смысловому свертыванию текста с целью извлечения из него наиболее существенной, актуальной информации, но и развивает навыки письменной речи. В повседневной практике – это умение написать деловое письмо, заявление, сочинение, доклад, отчет, рецензию и вообще грамотно излагать свои мысли в письменной форме. Совершенно очевидно, что этому необходимо специально обучать.

Значимая методическая проблема – выбор текстов для реферирования. Если для выполнения предварительных лексико-стилистических упражнений возможно использование текстов как общенаучных, так и специальных (по профилю обучения), то для аннотирования и реферирования на первом этапе обучения этим видам деятельности узкоспециальный текст нецелесообразен. С большей эффективностью эта работа осуществляется на примере текстов культурологической, общеэкономической, экологической тематики, особенно со студентами 1-2 курсов. Поэтому важно, чтобы в процессе реферирования преподавателем совместно с учащимися были установлены цели и задачи обучения данному виду компрессии, определен текстовый материал для групповой и самостоятельной работы.

Итак, обучение созданию вторичных текстов есть не только одна из частных задач, которую следует решить в ходе формирования коммуникативной компетенции обучающихся, но и средство, совершенствующее интеллект, расширяющее кругозор, развивающее их самостоятельность, инициативность, научающее критически мыслить, готовящее студентов к успешной социализации в обществе. Кроме того, обучение созданию вторичных текстов имеет большое значение для организации учебной деятельности, а также для формирования умений, связанных с восприятием и переработкой научной информации, актуализирует и обогащает новым опытом общие учебные умения, навыки и способы деятельности.

Следовательно, создание вторичных текстов способствует формированию ключевых, базовых компетенций современного студента.

Список литературы

1. Ипполитова Н. А., Князева О. Ю., Савова М. Р. Русский язык и культура речи: курс лекций / под ред. Н. А. Ипполитовой. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект 2007. — 344 с.
2. Колесникова Н. И. Профессиональная коммуникативная компетенция студента нефилологического вуза // Русская речь в современном вузе: материалы Пятой междунар. науч.-практ. интернет-конф. 20 нояб. 2008-20 янв. 2009 г., ОрелГТУ. – Орел, 2009.
3. Туюкина Г.П. Формирование ключевых компетенций специалиста в процессе языкового обучения в вузе (на примере подготовки студентов по направлению *Торговое дело*) // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. – 2011. – № 57.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМПЕРАТИВА В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Жукова Т.А., Гао Цзыцянъ

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г.Владивосток

Императив как понятийная категория рассматривается в рамках различных научных направлений. Так, в философии императив трактуется как общее нравственное предписание (И. Кант, Л. Фейербах и др.). В психологии, социологии императив близок к такому явлению, как «суггестия», под которым подразумевается внушение, влияние и/или манипуляция (С.Г. Кара-Мурза, Ю.С. Арямова, Е.А. Терпугова и др.). В лингвистике под императивом понимается повелительное наклонение, как правило, выраженное глаголом и подразумевающее волеизъявление, приказ, просьбу или совет (А. В. Бондарко, В.С. Храковский, В.Ю. Гусев, Э. Фортейн и др.).

В свете функциональной грамматики императив понимается как «основное средство выражения побуждения» [1]. А.В. Бондарко разработаны понятия функционально-семантического поля императивности и императивной ситуации, подробно описаны прямая и косвенная, эксплицитная и имплицитная косвенная императивность.

Э. Фортейн определял русский императив как «полисемичный комплекс разных взаимосвязанных значений» [7, 22], реализующийся в следующих видах: директивный, должностовательный императив, повествовательный императив, оптативный императив, условный императив, уступительный.

Семантика императива, по мнению В.Ю. Гусева, включает в себя три основных компонента: «говорящий пытается каузировать совершение действия Р; говорящий полагает, что контролирует действие Р; говорящий стремится к Р» [2, 175]. При этом, исследователь отмечает, что «...собственно определением императива является только первый из приведенных компонентов...» [2, 175]. В.Ю. Гусев описывает «четыре типа императивных форм: их способность выражать значения оптатива, намерения, должностования, а также выступать в придаточных предложениях цели» [2, 201].

Побудительные высказывания традиционно трактуются как «адресованное Слушающему волеизъявление Говорящего относительно выполнения действия» [8, 187], а побуждение может быть мягким или жёстким, вежливым или грубым, что выражается в русских пословицах с помощью большого спектра языковых средств.

По мнению Е.А. Филатовой, «отличительной особенностью русской разговорной речи (причем не только устной, но и письменной) является активное использование в идиомах формального императива как экспрессивного и компактного носителя модальности и других модальных значений» [6, 69].

Типичными средствами выражения формального императива в русских пословицах являются следующие:

1. Императив 2-ого лица (выражает *просьбу, приказ, требование, совет или пожелание*):

а) в большинстве случаев императив выражает действие, которое субъект речи предлагает выполнить гипотетическому адресату: *Держи копеечку, чтоб не укатилась. / Собирай по яголке (или: по грибку) — наберешь кузовок. / Носи, да наблюдай, да в коробейку забирай! / Береги (или: носи) денежку про черный день! / Ешь пироги, а хлеб вперед береги / Не бойся никого, кроме (или: только) бога одного. На бога надейся, а сам не плошай!*

б) в редких случаях императив выражает действие, выполнить которое субъект речи предлагает не адресату пословицы, а другому лицу или неодушевленному объекту: *Первый звон — пропадай мой сон; другой звон — земной поклон; третий звон — из дому вон!*

2. Императив совместного действия (выражается формами 1-ого лица мн.ч., обозначается побуждение к действию, которое должен совершить адресат (адресаты) и сам говорящий): *Всякое житейское отложим попечение!*

3. Императив 3-его лица (выражается следующим образом – «пусть / пускай» + глагол 3-его лица; пожелание может относиться к неживому предмету): *Пускай будет по-старому, как мать поставила.*

4. Инфинитив в значении императива: категоричное побуждение к действию или запрет могут выражаться в русском языке формами инфинитива: *Отцам копить, а деткам сорить. / Жить — богу служить. / На людей глядя жить (т. е. не по достатку) — на себя плакаться.*

В ряде случаев вместе с императивом используются слова «лучше», «надо», «нужно»: *Лучше раздражить собаку, нежели бабу.*

5. Факультативные средства выражения императивности.

Для выражения побуждения в русском языке имеются факультативные средства, которые обладают определёнными особенностями. Так, например, императив 2-ого лица может выражаться формой 2-ого лица будущего времени глаголов совершенного вида. Данные формы служат для выражения распоряжения, в

исполнении которого говорящий уверен: *Час побережешься – век проживешь. / Подальше положишь, поближе возьмешь.*

Пословицы с предикатом-императивом предназначены выражать интенции прямого побуждения, совета, предупреждения, утешения и упрёка. При этом пословицы трактуются национальным социумом как социально значимые интерпретации императивного характера. Здесь императив выступает как «основа речевого действия, посредством которого говорящий «навязывает» адресату свою установку, что может происходить и без учёта возможностей и мотивов реципиента» [4, 6-7].

Выделяются следующие интенциональные значения пословиц с предикатом-императивом:

1) пословицы с предикатом-императивом, выражающие интенцию совета: *Дома спасайся, а в церковь ходи! / Закрой чужой грех — бог два простит! / Не знаешь песни, так и не затягивай.*

2) пословицы с предикатом-императивом, выражающие интенцию предостережения: *Не дразни собаки, и хозяин не оцерится. / Не вороши колоды, коли силы нет. Всякому по можете и силе. / Не купи у попа лошади, не бери и у вдовы дочери.*

3) пословицы с предикатом-императивом, выражающие интенцию утешения: *Взялся за гуж, не говори, что не дюж. / Волей-неволей, а ступай. Хочешь не хочешь, а иди (а давай). / Виляй не виляй, а дела не миновать. / Попал в стаю — лай не лай, а хвостом виляй.*

4) пословицы с предикатом-императивом, выражающие интенцию упрёка: *Отбей охоту, и рублем не возьмешь. / У него не спи в серьгах: позолота слиняет. / Плачься богу, а слезы вода. / Хоть плюй в глаза — и то божья роса. Ему хоть плюй в глаза, а он говорит: божья роса.*

Среди пословиц с предикатом-императивом встречается немало полисемантических пословиц, в которых комбинируются различные интенции: совета и предостережения; совета и упрёка; предостережения и упрёка и т.д.

Л.Б. Никитина относит пословицы к «высказываниям-сентенциям». По её мнению, пословицы, афоризмы, крылатые изречения объединяет кумулятивная функция, функция накопления знаний. Эти высказывания, с одной стороны, отражают «совокупность представлений о той или иной стороне бытия, обозначенных сжато и точно, а с другой – являют собой свод законов, указаний на то, что есть хорошо и что плохо, что правильно и что неправильно, что должно делать и от чего следует воздержаться. Такое поучающее, концентрирующее народный опыт начало пословиц, афоризмов, изречений известных людей дает основание объединить их под общим названием «высказывания-сентенции» [5, 112].

Именно формы императива в русских пословицах можно считать оптимальным способом выражения сентенций, в которых содержатся некие указания и предписания, аккумулирующие накопленные знания поколений.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
2. Гусев В.Ю. Императив и смежные значения // Семиотика и информатика: сборник научных статей. Вып. 37. – М., 2002. – С. 173-206.
3. Даль В.И. Пословицы русского языка. – М.: АСТ, 2008. – 752 с.
4. Караджев Б.И. Коммуникативно-прагматический потенциал русских пословиц: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 163 с.
5. Никитина Л.Б. Образ homo sapiens в русской языковой картине мира. – М.: Флинта, 2011. – 221 с.
6. Филатова Е.А. Идиомы с формальным императивом в русском языке // Болгарская русистика. – 2015. – № 3-4. – С.66-77.
7. Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. – 2008. – № 1. – С. 3-23.
8. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 272 с.

ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В РАМКАХ КРАЕВЕДЕНИЯ

Олейникова С.Д.

Патриотизм - это благороднейшее чувство и важнейшая составляющая культуры духа человека и общества, которые ставят себе сверхличные цели.

В последние года в нашей стране уделяется огромное внимание развитию патриотизма, так была разработана государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», которая является логическим продолжением, в развивающихся социально-экономических и политических условиях второго десятилетия XXI века, ранее принятых государственных программ патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Её основные проектно-программные ориентиры сохраняют сложившиеся за последние десятилетия традиции патриотического воспитания граждан Российской Федерации и обеспечивают непрерывность воспитательного и социокультурного процесса формирования патриотического сознания российских граждан.

Новизна Программы заключается в том, что она закладывает основы взаимодействия государственных структур и гражданского общества в решении широкого спектра проблем реализации исторической миссии современного российского патриотизма в обеспечении будущего России, укрепления её позиций на международной арене и обеспечении национальной безопасности, а так же придания процессу патриотического воспитания динамики, соответствующей инновационным процессам развития российского общества.

Основной целью Программы является создание условий для дальнейшего развития патриотического воспитания граждан Российской Федерации, обеспечение соответствия его содержания новым историческим реалиям. Базовой направленностью Программы является личность гражданина и патриота России. Данная направленность осуществляется через процесс формирования потребности граждан России в ценностях патриотизма, что выступает основополагающим условием воспроизводства у современных поколений мотивов и смыслов созидания и защиты Отечества. [1]

Вопрос о патриотизме становится сегодня особенно актуальным, ибо без патриотизма вообще не может быть никакого духовного становления личности. Личность - это человек, развившийся в лоне истории и культуры своего народа. Человек вне патриотизма - это и человек вне истории, вне духовного бытия, т.е. человек, лишенный человеческих свойств. Значит, без патриотизма можно воспитать лишь получеловека, недочеловека.

Патриотизм - любовь к России, к своему народу, к своему Отечеству, которые подтверждаются повседневной жизнью граждан, их созидательным трудом на производстве, в науке, искусстве, спорте, воинской службе, обеспечивающих целостное и стабильное развитие, суверенитет нашей страны.

Изменения в российском обществе вызвали изменения и в социальном заказе общества к образовательным учреждениям. Образование ставит и, главное, решает задачи развития личности, превращаясь тем самым в действенный фактор развития общества. В этих условиях очевидна неотложность решения проблемы воспитания патриотизма, так как патриотическое воспитание направлено на формирование и развитие личности, обладающей качествами гражданина - патриота Родины.

Патриотическое воспитание подрастающего поколения всегда являлось одной из важнейших задач современной школы, ведь детство и юность — самая благодатная пора для привития священного чувства любви к Родине. Под патриотическим воспитанием понимается постепенное и неуклонное формирование у учащихся любви к своей Родине. Патриотизм одна из важнейших черт всесторонне развитой личности. У школьников должно вырабатываться чувство гордости за свою Родину и свой народ, уважение к его великим свершениям и достойным страницам прошлого. Многого требуется от школы: ее роль в этом плане невозможно переоценить. Несомненно, огромное влияние на развитие патриотизма оказывают учителя-краеведы.

Задача краеведения - изучение природы, населения, хозяйства, истории, культуры определённого города, района, области с целью расширения наших представлений, знаний о родном крае, формирования патриотических чувств. Познание местного материала даёт человеку богатство собственных переживаний, помогает ему более глубоко понять себя, других, дать адекватную оценку происходящему. Благодаря патриотическим чувствам, эмоциям, переживаниям человек лучше осознаёт свои возможности, способности, достоинства и недостатки. Положительные эмоции воодушевляют человека в его творческих поисках, в принятии смелых решений. Без патриотических устремлений не может быть исканий истины.

Все основы будущего гражданина закладываются в школе, поэтому основная задача учителя-словесника - привить любовь к живому слову, богатству и красоте, силе и выразительности русского языка, связывать эту работу с изучением родного края. Кроме этого, изучение родного края должно принести новые знания и практические умения.

Непосредственными объектами школьного лингвокраеведения могут и должны быть диалектная речь, собственные имена, функционирующие в данной местности, то есть, местная ономастика. Исключительную ценность для краеведческой работы в школе представляет топонимический материал.

Особенно большой интерес к топонимам проявляют языковеды, историки, географы. И это понятно: топонимы часто содержат важнейшие в научном отношении сведения исторического, географического и языкового характера. Правильность написания географических названий является важной частью общей

грамотности обучающихся, а правильность произношения названий повышает культуру речи. Правила написания и правила произношения также входят в ведение топонимики. Изучение географических названий откроет большие возможности по налаживанию широких межличностных связей географии, истории, русского языка.

Особенно тесно эта связь осуществляется при создании на основе топонимики сценариев географических вечеров. Участие учителя русского языка может оказаться плодотворным уже на начальном этапе работы - при сборе топонимического материала на местности. Необходимы контакты учителя географии с учителем-словесником при этимологизировании русских названий, так как многие из них образованы от слов русского языка, уже давно вышедших из употребления. И учитель-словесник не может не учитывать этого в своей работе.

Основная цель лингвокраеведа - привлечь внимание подростков к ономастике как науке, к изучению местных географических названий как единиц языка, тесно связанных с явлениями реального мира, которое опирается на широкие внутри- и межпредметные связи. А межпредметные связи, являясь важнейшим средством формирования лингвистической компетенции обучающихся, способствуют расширению и углублению знаний, гибкости их применения, расширяют кругозор школьников, содействуют воспитанию у них устойчивых познавательных интересов. Работа же с местным ономастическим материалом, в свою очередь, признана последовательно воспитывать у обучающихся патриотические чувства: любовь к своему родному краю, гордость за его людей труда, бережное отношение к его богатствам как материальным, так и духовным.

Методически на занятиях по лингвокраеведению должны применяться такие формы работы, как вводные по темам беседы учителя, отдельные реферативного типа сообщения краеведов, совместная работа обучающихся с учебной и научно-популярной литературой, с ономастическими словарями, небольшие сводные сообщения обучающихся по отдельным группам местного материала, совместный анализ отдельных языковых фактов, заключительные беседы с учителем по темам. В практике полезными представляются специально подготовленные топонимические экскурсии. Лингвокраеведческий материал должен найти самое непосредственное применение во всех массовых формах внеклассной работы по русскому языку, в том числе в конкурсах, викторинах, лингвистических турнирах, олимпиадах, устных журналах; днях, вечерах и неделях русского языка.

Предлагая школьникам определённое задание, учитель должен учитывать изучаемые в данное время грамматические темы и подбирать такие задания, которые способствуют сознательному усвоению и закреплению знаний программного материала. Краеведческий материал можно применять при изучении морфологии, орфографии, пунктуации, в процессе развития речи обучающихся. На отдельных занятиях целесообразно давать связный текст с включением местных географических названий или их истории можно посвятить домашнее сочинение.

Итоги топонимической работы можно оформить в виде газеты, выставки, альбома. Активное использование местного языкового материала в процессе обучения - одно из важнейших методико-дидактических оснований преподавания русского языка в школе, усиливающее его образовательно-объяснительную направленность и практическую результативность.

Надо беречь и развивать язык, совершенствовать и возвышать его как средство общения, орудие мысли. Тогда поднимется и уровень культуры, и будет накапливаться богатство добрых отношений между людьми, будут укрепляться нравственные устои жизни.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы» // Собрание законодательства РФ, 11.01.2016, № 2 (часть I), ст. 368

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ЭКСПОНЕНТЫ ЛСП ПРЕДСТАВЛЕНИЯ: ЯДРА, ЛСК ВОСПОМИНАНИЯ И ПЕРИФЕРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ РЕЧИ)

Голайденко Л.Н.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г.Уфа

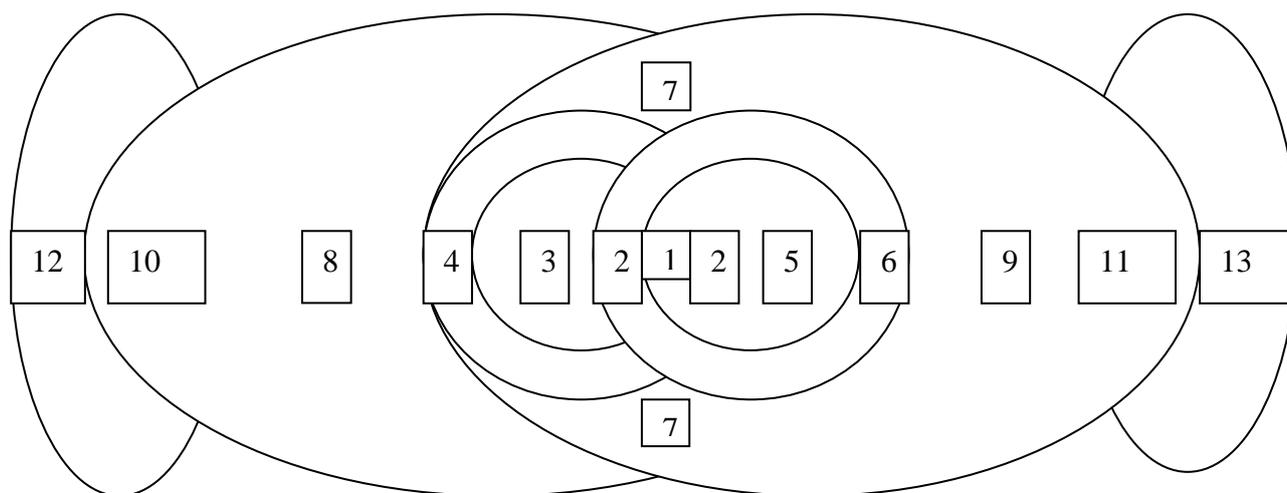
Структурно-семантическая категория представления в современном русском языке [3], лингвистический статус которой определяется нами в рамках структурно-семантического направления [1], ярче всего

обнаруживает себя в лексике со значением воспоминания / воображения [4], которая организована по полювому принципу.

Мы впервые смоделировали лексико-семантическое поле (ЛСП) представления [6; 5] и описали его основные лексические экспоненты (ядерные, околоядерные, центральные, периферийные), распределив их по лексико-семантическим классам (ЛСК) воспоминания и воображения, объединив в микрополя (МКП), проанализировав особенности их взаимосвязи и взаимодействия не только в рамках ЛСП представления, но и с ЛСП восприятия и интеллектуальной деятельности.

Предложенная нами модель ЛСП представления отражает синкретичный характер составляющих его полисемантов, обусловленный переходным характером и синкретизмом соответствующей когнитивной категории, которая занимает промежуточное положение между восприятием и понятием, совмещает признаки и того, и другого и обеспечивает переход от чувственной ступени познания действительности к абстрактной.

Смоделированное нами ЛСП представления выглядит следующим образом:

В составе данного ЛСП мы выделяем ядро (1–6); центральную околоядерную часть (7) в секторе пересечения ЛСК воспоминания и воображения; центральную область вне пересечения ЛСК воспоминания (8) и воображения (9); две периферийные зоны: «левую» (10) на пересечении с ЛСП восприятия (12) и «правую» (11) на пересечении с ЛСП интеллектуальной деятельности (13).

Ядро ЛСП представления образуют архилексема *представлять(ся)*, лексемы *вспомнить(ся)* и *вообразить(ся)*, а также соответствующие девербативы *представление*, *воспоминание* и *воображение*.

В центральной околоядерной зоне располагаются полисеманты *образ*, *образный*, *картина*, *картинный*, *рисовать(ся)*, *тень*.

Экспоненты ЛСК воспоминания объединяются нами в 3 МКП [6]:

1) собственно воспоминания: *припомнить*, *напомнить*, *упомануть*, *помянуть* (в 1 знач.), *воскресить*, *восстановить*, *воссоздать*; соответствующие синтаксические дериваты на *-ние*, а также *память* (во 2 знач.), *крутиться*, *вертеться*, *ворошиться*, *освежить*, *вспоминательно* и др.;

2) поминания: *помянуть* (во 2 знач.), *поминки*, *помин*;

3) памяти: *память* (в 1 знач.), *запомнить*, *запоминание*, *запечатлеть*, *не забыть*, *помнить*, *памятный*, *памятно*, *памятливый*, *памятливость*.

ЛСК воображения включает 10 МКП [5]:

1) кажимости: *казаться* (во 2 знач.), *мерещиться*, *чудиться*, *грезиться*, *видение*, *привидение*, *призрак*, *призрачный* (в 1 и 2 знач.), *фантом*, *фантомный*, *мираж* (во 2 знач.), *мнимый* (в 1 знач.), *мниться*, *видимый* (в 3 знач.), *думаться* (в 1 знач.);

2) непроизвольного воображения: *сниться*, *сон* (во 2 знач.), *сонный*, *сновидение*, *грёза*;

3) неадекватного воображения: *призрачный* (в 1 знач.), *бредить* (в 1 и 2 знач.), *фантасмагория*, *галлюцинация*, *галлюцинировать*;

4) собственно воображения: *фантазия* (в 1 и 2 знач.), *фантаст* (в 1 знач.), *фантастика* (в 1 знач.), *фантастический* / *фантастичный* (в 1 знач.), *фантастически* / *фантастично*, *фантазировать* (в 1 знач.), *фантазирование*, *фантазёр*, *мечта* (в 1 знач.), *мечтать*, *мечтатель*, *утопист* (во 2 знач.), *фантом*, *грёза*,

грезить, грезиться, мерещиться, видеться (в 3 знач.), *пройти* (в 5 знач.), *призрачный* (во 2 знач.), *мнимый* (в 1 знач.), *мысленный* (во 2 знач.), *мысленно, вымысел* (в 1 знач.), *вымышленный, придумать* (во 2 знач.), *придумщик, выдумать* (во 2 знач.), *выдумщик*;

5) мечты-желания: *мечта* (во 2 знач.), *мечтательный, мечтательно, мечтательность, мечтать, мечтание, мечтатель, возмечтать, грёза, грезить, грезиться*;

6) несбыточной мечты: *утопия, утопический / утопичный, утопизм, утопист* (в 1 знач.), *химера* (в 1 знач.), *химерический, иллюзия* (во 2 знач.), *иллюзорный* (во 2 знач.), *иллюзорность*;

7) ирреальности: *ирреальный, ирреальность, фантазия* (в 3 знач.), *фантастика* (во 2 и 3 знач.), *фантаст* (во 2 знач.), *фантастический / фантастичный* (во 2 и 3 знач.), *фантастически / фантастично, фантазировать* (во 2 знач.), *фантазирование*;

8) знания будущего: *предвидеть, провидеть, предвкушать* и производные субстантивы *предвидение, провидение, предвкушение*;

9) ограниченности воображения: *немыслимый* (в 1 знач.), *невообразимый* и синтаксические дериваты *немыслимо, невообразимо*;

10) «интеллектуального» воображения: *мниться, думаться* (в 1 знач.), *мыслить* (во 2 знач.), *мыслиться, мысленный* (во 2 знач.), *мысленно, мысль* (во 2 знач.), *умозрение, умозрительный, идея* (в 3 знач.).

Многие из перечисленных нами МКП образуют лексико-семантические парадигмы и располагаются по направлению от ядра и центра ЛСП представления к его периферии с учётом усиления в значениях лексем перцептивного / понятийного компонента.

Выделение и последовательность данных МКП достаточно условны, границы между ними весьма зыбки, на что указывают многочисленные случаи параллельного рассмотрения одних и тех же экспонентов в разных МКП. Вместе с тем это является ярким свидетельством тесных семантических связей и отношений внутри ЛСК воспоминания / воображения, показателем постоянного взаимодействия – взаимообогащения и актуализации – смыслов, формируемых когнитивной категорией представления на этапе «интеграции» соответствующего наглядно-чувственного образа в понятие.

Также наблюдается активное взаимодействие экспонентов ЛСК воспоминания / воображения в рамках единого ЛСП представления, что демонстрирует подвижность наглядно-чувственного образа между восприятием и понятием, органично вбирающего в себя признаки собственно чувственной и собственно абстрактной категорий.

Это наиболее ярко проявляется на периферии ЛСК воспоминания / воображения – в сегментах пересечения с ЛСП восприятия / интеллектуальной деятельности. В зонах наложения двух ЛСП находятся потенциальные средства выражения семантики представления – лексем с общеязыковым значением зрительного / слухового восприятия / интеллектуальной деятельности, способные в особых коммуникативных условиях функционировать в значении воспоминания / воображения. Такая контекстуально обусловленная актуализация семы представления в значениях слов собственно перцептивной / интеллектуальной семантики подчёркивает неразрывную когнитивную связь чувственного, наглядно-чувственного и понятийного этапов отражения мира в человеческом сознании.

На периферии ЛСП представления – в сегменте пересечения с ЛСП восприятия – находятся лексем с общеязыковой семантикой восприятия, употребляющиеся в художественной прозаической речи в значении воспоминания: чаще всего *видеть* (во 2 знач.) и *слышать* (в 1 знач.), а также *созерцать, смотреть, глядеть, взирать, рассмотреть, зрение, глаза, око, взор, взгляд; слушать, звучать, слух, уши* и т.п.

На периферии ЛСП представления – в секторе пересечения с ЛСП интеллектуальной деятельности – располагается значительное число лексем, которые обладают общеязыковой семантикой интеллектуальной деятельности, но в значениях которых коммуникативный контекст может актуализировать сему воображения. К ним относятся: *думать* (в 1 знач.), *дума* (в 1 знач.), *мысль* (в 1 и 3 знач.), *ум* (в 1 знач.), *сознать, осознать, сознание* (в 1 и 2 знач.), *сообразить* (в 1 и 2 знач.), *соображение* (в 1, 2 и 3 знач.), *размышлять, размышление* (в 1 и 2 знач.), *рассуждать* (в 1 знач.), *рассуждение* (в 1 знач.), *предположить* (в 1 знач.), *предположение* (в 1 и 2 знач.), *допустить* (в 3 знач.), *допущение, догадаться, догадка* (в 1 знач.), *план* (в 3 знач.), *планировать*² (в 3 знач.), *планирование*².

Анализ только лексем ЛСП представления не позволяет показать весь спектр взаимосвязанных и взаимодействующих репрезентантов семантики воспоминания / воображения как доминирующих в системе разноуровневых единиц языка этой же функциональной направленности. Поэтому в данной статье мы впервые обратимся к фразеологизмам со значением представления [7] как экспонентам соответствующего ЛСП.

Заметим, что выделение фразеологизмов со значением представления в отдельную группу по отношению к фразеологизмам со значением восприятия, с одной стороны, и понятия, с другой, является очень сложным,

поскольку семантические границы между такими единицами размыты, лексикографическое толкование фразеологизмов осуществляется посредством глаголов и существительных, относимых разными лингвистами либо к ЛСП восприятия, либо к ЛСП мыслительной, интеллектуальной деятельности.

Однако вполне определённый, достаточно самостоятельный статус представления в ряду философско-психологических, когнитивных категорий, определяющих весь спектр форм отражения реальной действительности, яркая специфика и уникальность наглядно-чувственного образа обуславливает не только возможность, но и необходимость выделения группы фразеологизмов со значением представления [7, с. 12]. Как и лексика, фразеологизмы с соответствующей семантикой «высвечивают» промежуточное положение категории представления в образно-понятийной системе, его переходную сущность и синкретизм.

Чрезвычайно трудным, в отличие от лексики, оказывается и чёткое выделение фразеологизмов с общим и частным значением представления. «Это обуславливается тем, что, с одной стороны, обобщённое образное значение фразеологизма возникает на основе целостной семантической трансформации словесного комплекса прототипа [12], а с другой стороны, многие фразеологизмы включают в свой состав такие слова, как *память* (“1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта. 2. То же, что воспоминание о ком-чём-н.” [11, с. 488]), *воспоминание* (“1. Мысленное воспроизведение чего-н. сохранившегося в памяти” [11, с. 102]), *воображение* (“1. Способность воображать, творчески мыслить, фантазировать; мысленное представление. 2. Домысел, плод фантазии (*разг.*)” [11, с. 100]), *мысль* (“1. Мыслительный процесс, мышление. 2. То, что явилось в результате размышления, идея. 3. То, что заполняет сознание, дума” [11, с. 370]), *ум* (“1. Способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни” [11, с. 829]), *сон* (“1. Наступающее через определённые промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние раздражения. 2. То, что снится, грезится спящему, сновидение” [11, с. 745]) и др., которые становятся своеобразной понятийной базой для формирования значения представления в целом и значения воспоминания / воображения в частности.

К тому же некоторые фразеологические модели допускают варианты, которые основываются на синонимии компонентов с частным значением воспоминания или воображения и со значением интеллектуальной деятельности, например *перебирать в уме (в памяти, в мыслях, в голове)*. Каждый вариант такой фразеологической модели подчёркивает меньшую или большую степень абстрагизации выражаемого наглядно-чувственного образа представления и размывает границы прежде всего между фразеологизмами с семантикой представления и мыслительной деятельности» [7, с. 15–16]. В связи с этим возникают большие затруднения при распределении фразеологизмов в ЛСП представления не только по ЛСК воспоминания / воображения, но и по МКП в рамках каждого ЛСК.

Основываясь на данных фразеологических словарей русского языка [8; 13, 14; 15], к группе фразеологизмов со значением представления мы относим 105 единиц (52 фразеологические модели и 53 варианта), которые, на наш взгляд, наиболее точно и ёмко выражают соответствующую семантику и «вместе с тем позволяют рассмотреть все возможные семантические сдвиги во фразеологическом значении, обусловленные актуализацией наглядно-чувственного или понятийного компонента в семантической структуре фразеологизма» [7, с. 15].

Попытаемся определить место фразеологизмов (фразеологических моделей и некоторых вариантов) со значением представления в соответствующем ЛСП и раскрыть их семантическую специфику в сравнении с лексикой.

Подчеркнём, что отнесение фразеологической единицы со значением представления к одному из двух ЛСК, а также к МКП внутри него достаточно условно и поэтому вариативно, ибо исследуемые нами фразеологизмы имеют очень сложную семантическую организацию и, в отличие от лексем, в том числе многозначных, выступают как уникальные полисеманты, целостное образное содержание которых формируется в условиях устойчивой гармонизации смыслов, порождаемых самой когнитивной категорией представления и, как мы указывали ранее, довольно часто актуализируемых в рамках фразеологической структуры – непосредственно или ассоциативно – одним из компонентов (*в глазах, из памяти, на заметку, на языке, мысленный, сны, за химерами, в облаках* и т.п.).

Несмотря на то что в русском языке есть 4 фразеологизма с общим значением представления: *вставить перед глазами* (“Зрительно представляться кому-л.” [15, с. 84]), *стоять в глазах (перед глазами)* и его синоним *маячить перед глазами* (“Неотступно зрительно представляться” [15, с. 460]), – ни один из них, на наш взгляд, не может претендовать на статус архифраземы, подобно архилексеме *представлять(ся)*. Это объясняется доминированием наглядно-чувственного компонента в семантике данных единиц, обусловленным употреблением в их составе предложно-падежных форм *перед глазами / в глазах (глаз* – “1. Орган зрения, а также само зрение”

[11, с. 135]). Предметно-чувственная природа представления актуализируется также наречием *зрительно* (от *зрительный* – “1. см. *зрение*” [11, с. 237] – “Относящийся к зрению, воспринимаемый зрением; возникающий в результате способности видеть”; *зрение* – “Одно из внешних чувств человека и животного, органом которого является глаз; способность видеть” [11, с. 236]), т.е. “Глазами, зрением, наглядно”, которое используется в толковании всех фразеологизмов. К тому же при сохранении нейтрального значения зрительного представления первой фразеологической единицей две последние содержат в своём значении сему неотступности, навязчивости, постоянности возникновения образов.

Добавим, что во фразеологических словарях в качестве иллюстраций приводятся такие фрагменты из художественных произведений, в которых названные ранее фразеологизмы имеют частное значение воспоминания:

Вся недолгая печальная жизнь встала у неё перед глазами. Родина, раннее сиротство, жизнь у деда (Л. Никулин. *Россия верные сыны*); *Сейчас Оксана шла на речку купаться, а думала о Яшке. Он всё ещё стоял перед её глазами – сильный, смелый, как степной орёл* (М. Соколов. *Искры*).

Безусловно, *вставать, стоять / маячить перед глазами / в глазах* может не только вспоминаемое прошлое, но и мысленно конструируемое, воображаемое будущее, что доказывается примерами из художественных прозаических произведений. Ср.:

Перед его глазами встала добрая папина морда со страшными только на вид хитиновыми рогами и полными любви бусинками глаз, и он заплакал (В. Пелевин. *Жизнь насекомых*); *Я уйду совсем далеко. Но всё маячит перед моими глазами распротёртая картофелина в изодранной коже <...>* (Б. Окуджава. *Новенький как с иголки*) и *Новый, ещё страшнейший образ умирающего дедушки нарисовало моё воображение. Этот образ неотступно стоял перед моими глазами* (С. Аксаков. *Детские годы Багрова-внука*); *<...> Тогда встают перед глазами ужасные картины: и ад, и сатана, и небо по краям загорается, конец мира наступает, архангел трубит, встают мёртвые* (М. Пришвин. *Курымушка*).

Вместе с тем нарушение равновесия между наглядно-чувственным и понятийным компонентами в семантике данных фразеологизмов – усиление первого и ослабление второго – при возможной актуализации одного из них в определённом коммуникативном контексте лишает рассматриваемые фразеологические единицы статуса архифразем и определяет их положение в ЛСП представления в центральной околоядерной зоне (7) – в секторе пересечения ЛСК воспоминания и воображения – вместе со словами *образ, образный, картина, картинный, рисовать(ся), тень*.

Сюда же мы включаем фразеологизмы *вертится в голове (на языке)*¹ (“Постоянно вспоминается, находится в сознании, в мыслях” [8, с. 57]) и *перебираться в уме (в памяти, в мыслях, в голове)* (“Вспоминать, обдумывать, представлять последовательно одно за другим” [15, с. 313]).

Первый из них представлен в художественной прозе вариантом *вертится в голове*¹, который реализует частное значение воспоминания или воображения. Ср.:

В голове вертелся весь нынешний день, приездие, потом этот странный разговор <...> (Б. Зайцев. *Анна*) и *В голове у него вертелся завтрашний день; он всё придумывал, как говорить с Марьей Михайловной <...>* (И. Гончаров. *Обыкновенная история*).

Актуализации одного из частных значений представления в приведённых примерах способствует коммуникативный контекст. Употребление прилагательных с темпоральной семантикой *нынешний* (в сочетании с определительным местоимением *весь*¹ (“1. Полный, без изъятия, целиком” [11, с. 81]), подчёркивающим, что день подошёл к концу) и *завтрашний (день)*, указывающих на то, что уже было, и то, что ещё будет, проявляет теснейшую взаимосвязь когнитивных категорий представления и времени: воспоминание онтологически связано с прошлым, а воображение – с будущим.

Необходимо отметить, что семантика воображения во втором высказывании непосредственно задаётся и глаголом *придумывал (придумать)* – “2. Выдумать, вообразить” [11, с. 588]).

Дополнительная же сема постоянности, неотступности наглядно-чувственных образов в значении рассматриваемой фразеологической единицы обуславливается одним из значений глагола *вертеться* (“4. Постоянно находиться в мыслях, припоминаться (разг.)” [11, с. 79]), а также использованием в художественном контексте при глаголе-сказуемом *придумывал* наречия *всё*¹ (“разг. 1. нареч. Всё время, всегда, постоянно” [11, с. 107]).

Функционирование данного фразеологизма в речи позволяет передать динамику вспоминаемых / воображаемых картин, их совокупное, хаотичное или последовательное множество, попытку говорящего / пишущего отследить и оценить представляемые события, поступки и т.п., что мотивируется живыми ассоциациями с первыми двумя значениями этого же глагола: “1. Находиться в состоянии кругового движения. 2.

Поворачиваться из стороны в сторону, меняя положение” [11, с. 79]. Отсюда в значении фразеологической единицы *вертится в голове (на языке)*¹ дополнительные семы длительности, повторяемости представлений.

Значение фразеологизма *перебирать в уме (в памяти, в мыслях, в голове)* содержит сему “Последовательность, непрерывность” наглядно-чувственных образов, которая, с одной стороны, передаётся в лексикографическом толковании соответствующей фразеологической единицы с помощью наречия *последовательно* (от *последовательный* – “1. Непрерывно следующий за другим” [11, с. 566]), а с другой – «прорастает» одновременно из двух значений глагола *перебрать* – “1. Разбирая, сортируя, систематизируя, пересмотреть (многое). 3. Последовательно, друг за другом коснуться чего-н.” [11, с. 498].

Если вариант фразеологической модели с предложно-падежной формой *в памяти* употребляется только в значении воспоминания, актуализируя когнитивную связь представления с восприятием, то варианты со словоформами *в уме, в мыслях, в голове* могут иметь значение и воспоминания, и воображения, подчёркивая в последнем случае когнитивную связь представления с понятием. Ср., например:

«Но кто же? Кто?» – задумался Ахинеев, *перебирая в своей памяти всех своих знакомых и стуча себя по груди* (А. Чехов. Клевета); *Перебираешь в уме десять раз всё, что видел днём, – опять живьём встанёт башкирская голодовка <...>* (Д. Мамин-Сибиряк. Орда) и *Петро, бросив вожжи, курил, перебирал в уме все те обидные слова, которые он при новой стычке скажет Степану* (М. Шолохов. Тихий Дон); *Мила Сергеевна погрузилась в размышления. По мере того как она перебирала в уме возможные варианты развития событий (в тысячу первый раз перебирала) вокруг судьбы злополучного кредита, уверенность в благополучном исходе операции таяла, как айсберг под небом тёплых широт* (Я. Зуев. Расплата. Цена дружбы).

Два последних варианта эквивалентны глаголам *придумывал(а)* и *предполагал(а)* (*предположить* – “1. Сделать предположение (в 1 знач.), допустить возможность чего-н.”; *предположение* – “1. Догадка, предварительное соображение” [11, с. 579]; *догадка* – “1. Предположение о вероятности, возможности чего-н.” [11, с. 173]; *соображение* – “1. см. *сообразить*” – “2. Понять, догадаться о смысле чего-н.” [11, с. 745]; *допустить* – “3. Счесть возможным, предположить” [11, с. 179]).

Значение воображения / будущего в двух последних примерах задаётся прилагательными (*при*) *новой (стычке)* (контекстуально *новый* – “Будущий, очередной”) и *возможные (варианты)* (*возможный* – “1. Такой, который может произойти, мыслимый, осуществимый, допустимый” [11, с. 96]), а также формой будущего времени глагола *скажет* [2, с. 173–180, 186].

Определительные же местоимения *всех, всё и все* с семантикой нерасчленённой множественности в первых трёх прозаических фрагментах характеризуют вспоминаемые / воображаемые картины как совокупность составляющих их наглядно-чувственных образов – «деталей» целостного процесса воспоминания / воображения.

Нередко художественный контекст актуализирует в значении рассматриваемого фразеологизма сему повторяемости представлений. Во втором и четвёртом высказываниях на неоднократность непрерывно возникающих в памяти / воображении картин прошлого / будущего указывают словосочетания количественной семантики *десять раз* и *в тысячу первый раз*.

В результате сема последовательности, непрерывности наглядно-чувственных образов дополняется семами их множественности, повторяемости и, как следствие, длительности самого процесса воспоминания / воображения.

Заметим, что способность фразеологизмов *вертится в голове (на языке)*¹ и *перебирать в уме (в памяти, в мыслях, в голове)* передавать семантику не только воспоминания, но и воображения требует корректировки их лексикографического толкования: “Постоянно вспоминается, воображается, находится в сознании, в мыслях” и “Вспоминая, воображая, обдумывая, представлять последовательно одно за другим”.

К ядерным фраземам, наряду с лексемами *вспомнить(ся)* и *вообразить(ся)*, следует, по нашему мнению, отнести фразеологизмы *всплывать в памяти* (“Вспоминаться” [15, с. 84]) (3) и *игра воображения* (“Дар, способность представления чего-л.” [13, с. 215]) (5) соответственно. Это мотивируется употреблением в составе фразеологических единиц семантически маркированных компонентов *в памяти* и *воображения*, отсутствием, с одной стороны, фразеологических вариантов с лексемами ЛСП восприятия / интеллектуальной деятельности, а с другой – каких-либо дополнительных сем, в частности умственного усилия. Первый фразеологизм называет естественный процесс извлечения из памяти образов ранее воспринятых объектов действительности, а второй – свойственную лишь человеку способность конструировать на основе этих образов новые наглядно-чувственные картины [2, с. 224–242]. Данное номинативное содержание задаётся и главными компонентами фразеологических словосочетаний *всплыть* (“1. Подняться из глубины воды на поверхность” [11, с. 109]) и *игра* (“1. см. *играть* (“1. Резвясь, развлекаться; забавляться чем-н.”). 2. Занятие, служащее для развлечения, отдыха, спортивного соревнования” [11, с. 238]), которые, подвергаясь метафорическому преобразованию, подчёркивают лёгкость, непринуждённость соответствующих когнитивных процессов: прошлое вспоминается само собой, а

возможное будущее мысленно рисуется человеком в удовольствие, выступая в качестве весёлой игрушки или предмета приятного, часто привычного занятия. Например:

У Владимира <...> **всплывали в памяти** рваные окровавленные куски одежды с металлическими офицерскими пуговицами <...> (Ю. Бондарев. Выбор); Иногда ему казалось, что он спит, но в лучшем случае это был обман и самообман, **профессиональная игра воображения** – <...> бессмысленная, как Венеция, бредящая красотой и страшно напоминающая о туманном Севере, где такой же город <...> бредит величием <...> (Ю. Буйда. Ермо).

Неслучайно также и то, что значения рассматриваемых фразеологических единиц объясняются посредством ядерного глагола *вспоминать(ся)* и ядерного девербатива *представление*, который, кстати, нуждается в конкретизации, поскольку *игра воображения* – это дар, способность не вспоминания как такового, но прежде всего – и только – воображения, которое, безусловно, связано с процессом оживления памяти когнитивно. Воображение «играет» образами прошлого: трансформирует, модифицирует, по-новому комбинирует их и нередко, используя отдельные элементы «следов» памяти, создаёт образы таких предметов или ситуаций, которые нельзя наблюдать в объективной действительности. Думается, необходима корректировка лексикографического толкования соответствующего фразеологизма: “Дар, способность воображения чего-л.”.

Таким образом, ядро ЛСП представления включает 2 фраземы, что подчёркивает, с одной стороны, теснейшую взаимосвязь и взаимодействие лексических и фразеологических средств выражения семантики воспоминания / воображения, а с другой – особенную значимость этой семантики для носителей русского языка, проявляющуюся во фразеологизации, прежде всего устойчивой воспроизводимости, словесных комплексов, которые метафорически передают закреплённые в языковом сознании когнитивные смыслы и активно участвуют в концептуализации языковой картины мира.

Большая часть фразеологизмов (69 единиц – 65,7 %) входит в состав ЛСК воспоминания, актуализируя тем самым мысль об априорной практической важности для носителей русского языка памяти и способности извлекать из неё мысленно обработанный жизненный опыт. В русском языковом сознании воспоминание доминирует над воображением как рациональное, неразрывно связанное с объективной действительностью, исключительно полезное над идеальным, весьма субъективным, в итоге малополезным и даже бесполезным вообще, что убедительно доказывает анализ русских пословиц с семантикой представления [7, с. 50–57] и примеры из художественной прозы. Ср.:

Доброму **добрая память**; Не будь тороплив, будь **памятлив** и Не столько соображает, сколько **воображает**; А что, собственно, общее? Только одно: никого из них в природе, в реальности не существовало. Так, мираж, зыбь, **пустая игра прихотливого воображения** (С. Абрамов. Как хорошо быть генералом).

Такому противоположному отношению к воспоминанию и воображению есть прежде всего когнитивное объяснение: воспоминание как воспроизведение прошлого – основа любой воображаемой картины; человек создаёт новое, видоизменяя старое [7, с. 17].

К **МКП собственно воспоминания** – в центральной области ЛСП представления вне пересечения ЛСК воспоминания и воображения (8) – мы относим 52 фразеологические единицы, которые, выражая соответствующее значение, довольно часто обогащают его семами, характеризующими процесс оживления «следов» памяти с разных сторон. Возникающая в результате семантическая неоднородность фразеологизмов со значением собственно воспоминания отражает переходную, синкретичную суть представления как когнитивной категории.

Фразеологические единицы данного МКП преимущественно имеют в своих значениях дополнительную сему “Постоянность, неотвязность, неотступность, настойчивость, повторяемость” воспоминаний: 1) **пасть на ум** (“устар. Стать предметом постоянных мыслей, раздумий” [14, с. 35]), **не сводить мысли** (“устар. прост. Постоянно думать о ком-л. или о чём-л.” [14, с. 145]), **сидеть (засесть) гвоздём в голове (в мозгу)** (“Неотвязно, неотступно, постоянно преследовать. О мысли, идее и т.п.” [15, с. 423]), **лезть в голову** (“Неотвязно, настойчиво возникать, появляться в сознании” [15, с. 224]); 2) **не выбить из головы** (“Не избавиться от чего-л. навязчивого. О мысли, впечатлении” [15, с. 89]); 3) **приходит на память (на ум)** (“1. Вспоминается; вновь возникает в сознании” [15, с. 359]); **держат в мыслях (в уме, на уме, в голове, в думках)** (“Постоянно помнить, думать о ком-л. или о чём-л.” [15, с. 136]), **не идёт (не выходит) из головы (из памяти, из ума, с ума)** (“разг. Не забывается, навязчиво помнится, беспокоит кто-л. или что-л.” [13, с. 217]), **звучит в ушах** (“Сохраняется в памяти, не забывается что-л.” [13, с. 208]).

Приведённая последовательность фразеологизмов отражает ослабление в их значениях понятийного и, наоборот, усиление наглядно-чувственного компонента. Так, фразеологические единицы первой группы можно было бы отнести к ЛСП интеллектуальной деятельности, поскольку их лексикографические толкования даются посредством слов с соответствующим значением: *мысль, раздумье, думать, идея, сознание* и т.п. Однако

фрагменты художественных произведений, данные в качестве иллюстративного материала словарных статей, следует рассматривать как примеры семантического сдвига в значениях названных ранее фразеологизмов – актуализации семы запоминания / воспоминания [7, с. 13–14]:

«*Расхвораюсь – смерть тогда*». Эти слова *звонком засели в голове* <...> (В. Шишков. Пурга); – *И вдруг пала ты мне на ум как спасение. Через тебя за жизнь стал цепляться. С одной думой ложился, с одной вставал. Тобой и выжил* (И. Акулов. Касьян Остудный); *День и ночь мысли с тебя не свожу!* (В. Бахметьев. Преступление Мартына); *Разная старина в голову лезет* (А. Куприн. Брегет).

В толковании фразеологизма *не выбить из головы* появляется своеобразный намёк на сохранение в памяти прошлого чувственного опыта – *впечатление* (“1. След, оставленный в сознании, в душе чем-н. пережитым, воспринятым” [11, с. 105]).

Значения же фразеологических единиц третьей группы объясняются посредством слов с семантикой памяти / воспоминания: *вспоминаться, помнить(ся), память*. Причём 3 предпоследних фразеологизма, включая варианты, имеют значение памяти, но это память динамичная, не собственно воспоминание, однако предполагающая его. Иллюстративные примеры, приведённые в словарных статьях, а также примеры из художественных прозаических произведений передают те речевые ситуации, в которых рассматриваемые фразеологические единицы обозначают фактически воспоминание [7, с. 19]:

– *Нужно думать о боге, а я на мыслях держу всё тебя* (Н. Успенский. Любовное объяснение); *Он не спал. Из головы у него не шла лисица* (В. Короленко. Сон Макара); *А сердце неспокойно: ест ли, пьёт, а Ванюшка из памяти не выходит* (А. Ремизов. Николина сумка).

Независимо же от соотношения понятийного и наглядно-чувственного компонентов в толковании фразеологических единиц всех трёх групп используется лексика со значением постоянности, неотвязности, неотступности, повторяемости в сознании образов памяти: *постоянный, навязчивый, постоянно, неотвязно, неотступно, настойчиво, вновь, преследовать*.

Исключением является фразеологизм *звучит в ушах*, в лексикографическом описании которого отсутствуют семантические маркеры длительности, настойчивости воспоминаний. Вместе с тем коммуникативные контексты – иллюстративный материал в словарной статье и примеры из художественной прозы – актуализируют сему постоянности, неотступности наглядно-чувственных образов, возникающих в памяти литературных героев:

В ушах ещё звучат обрывки дневных разговоров (А. Чаковский. У нас уже утро) и *И этот выстрел теперь всё ещё звучал в ушах Никифора* (Е. Салиас. Крутоярская царевна).

В данных высказываниях актуализатором соответствующей семы выступает слово *ещё* – гибрид наречия со значением “3. До сих пор, пока” [11, с. 191] и усилительной частицы. Этот лексико-грамматический компонент подчёркивает, что между непосредственным восприятием объекта действительности и воспоминанием о нём не было «перерыва», *обрывки дневных разговоров* и *выстрел* не забывались ни на минуту и жили в памяти персонажей на протяжении всего времени «перетекания» слухового восприятия в слуховое представление – неотвязно преследующее воспоминание.

Актуализация семы неожиданности в значении фразеологизма *подвернуться на язык* (“*прост.* Возникать, появляться; вспоминаться” [14, с. 55]) обуславливается одним из значений глагола *подвернуться* – “2. *перен.* Попастись случайно (разг.)” [11, с. 531] (*случайно* от *случайный* – “1. Возникший, появившийся непредвиденно” [11, с. 731]). Эта сема находит непосредственное выражение в лексикографическом толковании фразеологизма *подвернуться на глаза* (“*прост.* Случайно привлечь к себе чьё-л. внимание, быть замеченным, увиденным кем-л.” [14, с. 55]), реализующего синкретичное значение зрительного ощущения / восприятия.

В художественной прозе семой внезапности может обогащаться и значение фразеологизма *приходит на память (на ум)* (“1. Вспоминается; вновь возникает в сознании” [15, с. 359]). Этому нередко способствует употребление в коммуникативном контексте наречий *вдруг* (“1. Неожиданно, внезапно” [11, с. 75]), *неожиданно, внезапно* и т.п. Например:

К тому же ему внезапно пришло на память, что даже в самые голодные поры у него всегда был хлеб с салом <...> (В. Пьецух. Прощальное путешествие); *Я <...> уже закрыл было глаза, как вдруг мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице* <...> (И. Тургенев. Ася).

Тот факт, что данный фразеологизм уже был рассмотрен нами в группе фразеологических единиц с актуализированной семой постоянности, повторяемости воспоминаний, подчёркивает полисемантический характер фразем-экспонентов ЛСП представления в целом и ЛСК воспоминания в частности.

3 фразеологизма: *рыться в памяти (воспоминаниях)* (“разг. Стараться вспомнить что-л., о чём-л.” [14, с. 135]), *вызывать в своей памяти* (“Стараться припомнить, вспомнить что-л.” [13, с. 93]), *дай бог память (памяти)* (“Выражение желания, усилия вспомнить что-л.” [15, с. 126]) – содержат в своих значениях сему

“Умственное усилие”, которая в соответствующих словарных толкованиях мотивируется употреблением глаголов *стараться* (“2. с неопр. Стремиться, хотеть сделать что-н.” [11, с. 761]) и *припомнить* (“1. Вспомнить, восстановить в памяти, вернуться мыслью к прошлому” [11, с. 595]), а также существительного *усилие* (“Напряжение сил (физических, умственных)” [11, с. 836]) [7, с. 20]:

– *Вспомните, поройтесь в памяти* (И. Гончаров. Обыкновенная история); *Есть сладость в том, как, наученный опытом долгих лет, вызываешь в своей памяти прошлое и расставляешь по-своему всё на места* (М. Пришвин. Заполярный мёд).

К этим фразеологическим единицам примыкает фразеологизм *вертится в голове (на языке)*² (“Никак не приходит в нужный момент на ум, не вспоминается в момент разговора что-то хорошо знакомое, известное” [9, с. 58]), в значении которого, наряду с семой умственного усилия, благодаря отрицательному наречию *никак* и отрицательным частицам *не* при глаголах-сказуемых в лексикографическом толковании реализуется сема затруднения воспоминания, невозможности что-либо воспроизвести в сознании «здесь и сейчас». Например:

– *Был у нас в роте командир, поручик... Вот оказия, никак его фамилии не вспомню... На языке вертится, а не вспомню* (К. Седых. Даурия); – *Кажется, что так легко припомнить, так и вертится в голове, а что именно – не знаю. Никак не схватить* (В. Гаршин. Художники).

Художественные описания ситуаций, в которых память персонажей оказывается немобильной, не только формируются соответствующим фразеологизмом, но и поддерживаются лексико-грамматическими компонентами с семантикой отрицания (*никак, не вспомню; не знаю, никак не схватить*).

Значение эмоционально окрашенного воспоминания имеют фразеологизмы *память души* (“разг. То, что глубоко прочувствовано кем-либо, тяжело пережито” [14, с. 34]) и *бередит рану (душу)* (“Вызывать тягостные воспоминания” [15, с. 35]), что подчёркивается употреблением в истолковании их значений эмоциональных слов *глубоко* (от *глубокий* – “4. перен. Обладающий глубиной (в 4 знач.), большой и сильный”; *глубина* – “4. перен. Сила, степень проявления чего-н.; основательность” [11, с. 136]), *тяжело* (от *тяжёлый* – “7. Горестный, мучительно-неприятный” [11, с. 817]) и *тягостный* (“книжн. Трудный, обременительный, мучительно-неприятный” [11, с. 817]) [7, с. 20]:

Его гравюры и иллюстрации к книгам, посвящённым блокаде, – это своеобразная летопись памяти души художника <...> (М. Дудин. Дни и ночи мужества); [*Песня*] <...> *стонет и оживляет сердце тихой щекочущей болью, бередит в нём старые раны и будит тоску* (М. Горький. Двадцать шесть и одна).

Нейтральное – без дополнительных сем – значение воспоминания передаётся фразеологизмом *вспадать на ум (мысль)* (“устар. 2. Вспоминаться кому-л.” [13, с. 85]):

– *Послушай-ка: теперь вспадает мне на ум. Ты помнишь ли, какой великий вышел шум о векселе, что я велел на обороте почистить?* (В. Капнист. Ябеда); *Вспало ему на ум горе немалое: потеря жены, незадолго пред тем умершей и горячо любимой* (И. Калашников. Камчадалка).

Особое место в ряду фразеологических единиц с семантикой воспоминания занимает фразеологизм *лёгок на помине* (“Появляется как раз в тот момент, когда о нём говорят или думают” [15, с. 221]). Например:

– *А вы легки на помине – мы с женой сейчас лишь об вас говорили* (М. Лермонтов. Два брата); – *А-а! Вот это кто! Лёгок на помине, – сказал он, выходя из-за стола и протягивая Воронько руку. – А я как раз о тебе сейчас думал* (Б. Горбатов. Донбасс).

На наш взгляд, в значении данной фразеологической единицы гармонизированы наглядно-чувственный и собственно перцептивный компоненты: с одной стороны, нельзя говорить и думать о ком-либо, не вспомнив о соответствующем предмете речи / мысли; с другой стороны, тот, о ком вспоминали, говорили, думали, становится объектом непосредственного восприятия.

Употребление в приведённых художественных фрагментах темпорального наречия *сейчас* (“1. В настоящее время, теперь” [11, с. 707]), формирующего в высказываниях план настоящего, актуализирует, во-первых, теснейшую диалектическую взаимосвязь восприятия и представления; во-вторых, способность воспоминания быть фактом настоящего, когда сам наглядно-чувственный образ воспринимается в сознании «здесь и сейчас».

Воспоминание, онтологически связанное с прошлым, преобразует его в настоящее, выступая когнитивной «скрепой» между двумя временными планами. Фразеологизм *лёгок на помине* точно отражает логику такого преобразования: восприятие предмета в прошлом → фиксация памятью образа этого предмета в прошлом → воспоминание о данном предмете в настоящем → восприятие вспомнившегося предмета в настоящем. Думается, неслучайно данная фразеологическая единица обычно употребляется в речи с оттенком удивления, передавая следующий обобщённый смысл: “Надо же / удивительно / чудеса: вот только что о тебе вспомнил / сказал / подумал – и ты появился / тут как тут”. Человеку трудно и даже невозможно уловить и осознать момент

«перетекания» прошлого в настоящее и наоборот, объяснить постоянные метаморфозы бесконечных восприятий и представлений в целостном познавательном процессе.

Специального комментария также требуют фразеологизмы с компонентами *на язык / на языке*, «высвечивающими» когнитивную взаимосвязь представления – воспоминания – не только с восприятием, но и с понятием.

Причём, по нашему мнению, в семантике фразеологических единиц *подвернуться на язык* и *вертится в голове (на языке)*¹ одновременно реализуются и метафоризируются значения двух лексических омонимов *язык: язык*¹ – “1. Подвижный мышечный орган в полости рта, воспринимающий вкусовые ощущения, у человека участвующий также в артикуляции” и *язык*² – “3. Речь, способность говорить” [11, с. 913].

С одной стороны, воспоминание так реально воспринимаемо в мыслях, что запомнившийся материальный объект действительности как будто ощущается и воспринимается непосредственно, снова «пробуется» на глаз, на слух, на вкус, на ощупь и т.п.

С другой стороны, воспоминание «просится на язык», поскольку представление, которое нельзя назвать словом, тяготеет к вербализации, являясь обязательным этапом в формировании словесно обозначаемого понятия. Всякое слово необходимо сартикулировать, что невозможно сделать без языка – специального органа в ротовой полости человека. А произнесённое про себя или вслух слово есть факт речевой деятельности индивидуума, доказательство его способности говорить. Речепроизводство же неотделимо от мышления и «экранирует» его. Неслучайно во втором фразеологизме словоформы *на языке* и *в голове (голова* – “3. Ум, рассудок” [11, с. 139]) выступают в качестве вариативных компонентов одной фразеологической модели, подчёркивая целостность речемыслительной деятельности человека.

К МКП поминания как поминовения усопших, на наш взгляд, относятся всего 2 фразеологизма: *светлой памяти* (“*высок*. Об умершем, покойном, которого вспоминают с уважением, почтением, любовью” [14, с. 34]) и *вечная память* (“*устар*. Молитва о вечной загробной жизни для умершего” [14, с. 34]), – которые весьма специфичны на фоне лексических экспонентов *помянуть* (во 2 знач.), *поминки*, *помин* и нуждаются в пояснении.

Первую фразеологическую единицу можно было бы включить в МКП собственно воспоминания, но, поскольку это воспоминание особое – *об умершем, покойном*, она рассматривается нами в МКП поминания как своеобразная этикетная формула сакрального содержания. Например:

– *Матери нашей, светлой памяти, давно нет. А жизнь-то идёт. Трудно одному* (А. Скрыпник. Любовь).

Очевидно, что данный фразеологизм ситуативно не «привязан» к житейскому обряду поминовения как таковому: он фиксирует факт воспоминания об усопшем независимо от процедуры поминок. В этом проявляется народная и по-христиански глубокая мудрость помнить о покойных всегда, сохраняя тем самым единство бессмертных человеческих душ, поддерживая связь земного и горнего мира, освящённую чаением «воскресения мертвых и жизни будущего века» [10, с. 14].

Причём, несмотря на то что усопшие большей частью люди грешные и могут оставлять о себе память не самую добрую, русская православная традиция учит относиться ко всем покойным одинаково – *с уважением, почтением, любовью*, ибо такое поминание помогает душе усопшего на Страшном Суде встать по правую руку Господа и обрести Царствие Небесное, а живых призывает прощать и готовиться к переходу в Вечность. Неслучайно в народе говорят: «О покойном – или хорошо, или ничего / никак» / «О покойном – только хорошее»; в случаях же воспоминания о каком-либо пороке усопшего обычно добавляют: «Не тем будет помянут».

Фразеологизм *вечная память* относит нас к христианской – церковной – традиции отпевания покойного и его поминания в дальнейшем:

– *И Кирилу Петровичу отпоют вечную память, как ныне Андрею Гавриловичу* (А. Пушкин. Дубровский); *Шли и шли, и пели «Вечную память», и, когда останавливались, казалось, что её по залаженному продолжают петь ноги, лошади, дуновения ветра. Прохожие пропускали шествие, считали венки, крестились* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Эта православная молитва обращена не к образу усопшего, а к Богу с великой просьбой простить покойному все его грехи и даровать ему Царствие Небесное:

Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему (усопшей рабе Твоей) (имя), и сотвори ему (ей) вечную память. Вечная память (трижды) [10, с. 634].

Добавим, что под *вечной памятью* в соответствующей молитве понимаются не столько воспоминания телесно живых людей о телесно умерших, хотя дома и на кладбище мирянин добавляет к ней слова: *Душа его (ея) во благих водворится, и память его (ея) в род и род* [10, с. 637]), сколько – и прежде всего – Божия память о всех людях как Святой Залог дарования им Царствия Небесного. Ср.:

Господи небесе и земли, помяни мя грешнаго раба Твоего, студнаго и нечистаго, во Царствии Твоем [10, с. 273] и <...> *И в час разлучения души нашей от брэннаго сего тела, о Сладчайший Иисусе, прими в руке Твои дух*

наш и помяни нас, егда приидиши во Царствии Твоем [10, с. 7–8] и Помяни, Господи, прежде усопших отцы и братию нашу и упокой я, идеже присещает свет лица Твоего [10, с. 280–281].

Неслучайно поминальные молитвы о сотворении вечной памяти поются / читаются за всех усопших, включая новопреставленного:

<...> Подаждь, Господи, оставление грехов всем прежде отшедшим в вере и надежи воскресения, отцем, братьям и сестрам нашим, и сотвори им вечную память [10, с. 29].

Фразеологизмы, которые составляют МКП памяти и значения которых объясняются в словарях посредством глагола запоминаться (запомниться) (“Сохраниться в памяти” [11, с. 219]), мы делим на 2 группы.

В первую входят фразеологические единицы с семой качества памяти “Крепко, прочно, надолго, навсегда” запомнить(ся): врезываться в душу (сердце) (“разг. Крепко запоминаться, запечатлеваться” [13, с. 81]), западать в душу (в сердце, в голову) (“разг. 1. Производя сильное впечатление, надолго запомниться” [13, с. 201]), врезаться в память (“Прочно, крепко запоминаться; запечатлеваться” [15, с. 82]), оставаться в памяти (“Запоминаться” [14, с. 20]), в свежей памяти (“устар. Ещё хорошо помнится что-л.” [14, с. 33]), засесть в голову (в память) (“разг. Запомниться, запечатлеться, произвести впечатление на кого-л.” [13, с. 203]), брать (взять) (себе) на ум (“устар. Принимать к сведению, брать на заметку; хорошо запоминать что-л.” [13, с. 40]).

Заметим, что от первого и второго фразеологизмов к последнему в значениях наблюдается нейтрализация эмоционально-оценочной окраски, что обуславливается семантикой прилагательных компонентов в составе фразеологических единиц: в душу (сердце) (душа – “1. Внутренний, психический мир человека, его сознание” [11, с. 186]; сердце – “2. перен. Этот орган (“1. Центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости)”) как символ души, переживаний, чувств, настроений” [11, с. 711]) – в память – в голову – на ум.

В художественной прозе самыми частотными являются фразеологические единицы с предложно-падежной формой в память(и), непосредственно указывающей на сохранение в сознании «следов» прошлого:

<...> Ввязался он в это только потому, что врезался в память Никанору Ивановичу благодаря своим частым выступлениям по радио (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Казни 1740 года были у них в свежей памяти (А. Пушкин. История Пугачёва).

Такая характеристика памяти, как прочность, в лексикографических толкованиях рассматриваемых фразеологизмов передаётся наречиями крепко, надолго, прочно, хорошо.

Исключением являются фразеологические единицы оставаться в памяти и засесть в голову (в память). Например:

Отчётливо осталось в памяти только одно: я дышал так громко, что слышал, как дышу, и всё хотел как-нибудь потише – и не мог (Е. Замятин. Мы); Эти слова неприятно засели мне в память (М. Горький. Мои университеты).

В описаниях значений данных фразеологизмов специальные семантические маркеры прочности памяти отсутствуют, однако сема “Крепко, прочно, надолго, навсегда” осознаётся во фразеологических значениях благодаря семантике многозначных глаголов, имеющих эту сему в первом значении и сохраняющих, «развивающих» её в значениях последующих: остаться – “1. Продолжить пребывание, нахождение где-н. 2. Сохраниться, не исчезнуть” [11, с. 462] – и засесть – “1. Надолго расположиться где-н. 2. Сесть надолго, взявшись за какое-н. занятие. 3. Скрытно расположиться где-н. Засесть в засаду. 4. Попав глубоко, застрять. Засела мысль в голове (перен.)” [11, с. 222].

Ко второй группе мы относим фразеологизмы с семой “Умственное усилие, целенаправленность” запоминания: завязать (на память) узелок (“Постараться хорошенько запомнить что-л.” [13, с. 193]) и брать (взять) на заметку (“разг. 1. Стараться запомнить кого-л. или что-л. как нечто значительное, важное, исключительное” [13, с. 38]), – которая актуализируется в толкованиях соответствующих значений глаголом (по)стараться – “1. Делать что-н. со старанием” (старание – “Стремление выполнить что-н. хорошо, добросовестно”) [11, с. 761]:

«А ты, между прочим, тоже жук хороший. От меня свои шуры-муры скрываешь, а тут весь Архангельск знает. Ладно, я не злопамятный, но узелок завяжу» (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета); Ванька каким-то образом выслеживал, где находится та или иная гороховая делянка, брал её на заметку, <...> и, подмигивая мне, объявлял: «Завтра пойдём!» (М. Алексеев. Драчуны).

ЛСП восприятия включает, без сомнения, фразеологизмы со значением слухового восприятия [7, с. 12–13]: наставлять ухо (“прост. Настораживаться; внимательно прислушиваться” [13, с. 318]) и распускать уши (“прост. Внимательно и долго слушать кого-л., проявляя излишнее любопытство к содержанию разговора” [14, с. 120]), – которые не обнаруживают тяготения к ЛСП представления – ЛСК воспоминания – и сохраняют свою

перцептивную семантику без актуализации наглядно-чувственного компонента во фразеологических значениях. Например:

Только когда снаружи налетал на избушку порыв бушевавшего по лесу ветра, он начинал тревожиться и наставлял ухо, прислушиваясь к чему-то с испуганным видом (В. Короленко. Лес шумит); – *Ну чего стоишь? – прикрикнула на меня Лизавета и обожгла недобрым взглядом. – Иди домой, ишь распустил уши-то!* (В. Рыбин. Федяшкин телевизор).

Два же фразеологизма со значением зрительного восприятия: *обмеривать взглядом* (“устар. Пристально оглядывать кого-л. или что-л.” [14, с. 9]) и *пощупать глазами (взглядом)* (“устар. Посмотреть на кого-л. или на что-л. пристально, распознавая, испытывая” [14, с. 84]) – находятся, на наш взгляд, на периферии ЛСП представления – в секторе пересечения с ЛСП восприятия, поскольку *пристально оглядывать*, оценивать можно не только непосредственно воспринимаемый объект действительности, но и образ этого объекта – воспроизводимый в памяти или конструируемый в воображении.

Несмотря на отсутствие в нашей картотеке примеров употребления данных фразеологических единиц в значении представления, теоретически подобное функционирование в речи, безусловно, допустить можно:

Он долго **обмеривал глазами** вчерашний / завтрашний день; Она несколько раз **пощупала глазами (взглядом)** вчерашнее поведение сына / будущую встречу с Сергеем и т.п.

«Наглядно-чувственный» потенциал фразеологизмов с общеязыковым значением зрительного восприятия объясняется физиологическими, психическими и психологическими причинами. Нервы, идущие от глаз к мозгу, в двадцать пять раз толще, чем те, которые идут к мозгу от ушей [17], в результате чего зрительное восприятие у человека доминирует над слуховой перцепцией. Поэтому неслучайно 90 % информации из окружающего мира воспринимается человеком зрительно.

Вместе с тем приоритет зрения над слухом в когнитивной деятельности человека обуславливается предметностью восприятия вообще, когда «психические образы предметов человек осознаёт не как образы, а как реальные предметы, вынося образы во вне, объективизируя их. Предметность – отнесённость мозговой информации о предметах к реальным предметам. Предметность восприятия означает адекватность, соответствие образов восприятия реальным предметам действительности, «объективированность» образа» [8, с. 56].

Отсюда вытекает мысль о том, что предметность зрительной перцепции носит непосредственный характер, тогда как слуховое восприятие опосредовано предметностью зрительной перцепции: звук не возникает сам по себе – его при определённых условиях в определённой ситуации издаёт некий предмет. Зрительное восприятие данного предмета позволяет в большей мере познать свойства создаваемого им звука. Неслучайно в пословицах разных народов говорится о преимущественном доверии человека зрению, нежели слуху:

Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать (арабская); Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать (китайская); Лучше один раз увидеть, чем один раз услышать (корейская); Лучше один раз посмотреть, чем сто раз услышать (таджикская); Лучше один раз своими глазами увидеть, чем сто раз услышать (русская) [16].

К тому же зрительная перцепция быстрее мобилизует человеческую память и тем самым активнее идентифицирует воспринимаемые предметы реальности: «видеть – это значит соотносить воспринятые зрительные сигналы с одной из гипотез, существующих в хранилищах мозга» [8, с. 53]. Неудивительно, что узнать другого человека (“1. Обнаружить в ком-чём-н. знакомого, знакомое” [11, с. 826]) легче, увидев его самого, а не услышав его имя или голос, потому что и с именем, и с голосом обязательно должен быть связан определённый зрительный образ.

Очевидно, что потенциальная способность фразеологизмов с общеязыковой семантикой зрительного (а не слухового) восприятия в особом коммуникативном контексте передавать семантику представления «высвечивает» одну из объективных особенностей отражения действительности в сознании человека.

Итак, экспонентами ЛСП представления выступают не только лексемы, но и фразеологизмы, что подчёркивает актуальность семантики воспоминания / воображения для носителей русского языка. Фразеологизация словесных комплексов, передающих когнитивные смыслы, порождаемые самой категорией представления, свидетельствует о значимой – устойчивой – роли «наглядно-чувственной» семантики и презентующих её единиц в концептуализации русской языковой картины мира.

При отсутствии архифраземы фразеологизмы с семантикой представления распределяются по всем зонам смоделированного нами ЛСП: в ядерной и центральной околоядерной частях, в ЛСК воспоминания и на периферии – в секторе пересечения с ЛСП восприятия. Причём фразеологические единицы ЛСК воспоминания экспонируют все его микрополя: собственно воспоминания, поминания и памяти. В рамках каждого МКП фразеологизмы образуют группы в зависимости от общности дополнительных сем в их значениях, обнаруживая

свою полисемантическую, коррелируя с лексемами и фундируя таким образом необходимость рассмотрения в качестве полноценных представителей соответствующего ЛСП.

Безусловно, для полной характеристики фразеологической составляющей ЛСП представления необходимо проанализировать фразеологизмы-экспоненты ЛСК воображения и другой периферии – зоны пересечения с ЛСП интеллектуальной деятельности.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В.В. Избранное. 2005–2010: Сб. науч. и науч.-методич. ст. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – С. 61–73.
2. Голайденко Л.Н. Глаголы и девербативы с семантикой представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): Моногр. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 286 с.
3. Голайденко Л.Н. Категория представления как структурно-семантическая (на материале художественной прозы) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – Томск: ТГПУ, 2013. – № 3 (131). – С. 140–145.
4. Голайденко Л.Н. Лексика со значением представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): Моногр. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 142 с.
5. Голайденко Л.Н. ЛСП представления в современном русском языке: ядро, лексико-семантический класс воображения и периферия (на материале художественной прозы) // Сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (10 ноября 2015 г.). Вып. 2. – Красноярск: ИЦРОН, 2015. – С. 34–44.
6. Голайденко Л.Н. ЛСП представления в современном русском языке: ядро, лексико-семантический класс воспоминания и периферия (на материале художественной прозы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 10(52): в 2-х ч. Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2015. – С. 64–71.
7. Голайденко Л.Н. Лексико-фразеологические средства выражения семантики представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): Моногр. – Уфа: Издательство БГПУ, 2012. – 72 с.
8. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 560 с.
9. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.П. Жукова. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.
10. Молитвослов на всякое прошение души. – М.: «Именинник», «Глаголь», 2011. – 848 с.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 917 с.
12. Солодуб Ю.П. Типология значений языковых единиц докоммуникативного уровня (функциональный аспект анализа) // Филологические науки. – М. – 1998. – № 5. – С. 37–46.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка конца 18–20 вв.: В 2-х т. / Под ред. А.И. Фёдорова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Т. 1: А – Н. – 340 с.
14. Фразеологический словарь русского литературного языка конца 18–20 вв.: В 2-х т. / Под ред. А.И. Фёдорова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Т. 2: О – Я. – 274 с.
15. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
16. <http://citaty.socratify.net/arabskie-poslovitsy-i-pogovorki/237816>.
17. <http://psychologiya.com.ua/v/3893-vidy-pamyati-.html>.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

СЕКЦИЯ №18. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)

СТЕРЕОТИПЫ СУПРУЖЕСТВА В УКРАИНСКОМ ПАРЕМИЙНОМ ФОНДЕ

Марфина Ж.В.

Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко, г.Луганск

Последние десятилетия в славянской лингвистике отмечены усилением интереса к вопросам национально-культурных особенностей языковой картины мира (В. Кононенко, Ж. Соколовская, С. Ермоленко, И. Голубовская, В. Маслова, А. Вежицкая, Е. Петрухина, Е. Яковлева, М. Шингарева, А. Павлова, И. Кравченко и др.).

По наблюдениям исследователей, фразеологические единицы, в том числе и поговорки, «сохраняют сформированные веками стереотипные представления этноса, репрезентируя характер, обычаи, поверья, мифы, обряды – все, что принимало и принимает участие в формировании культурных кодов» [7, с. 62]. Так, в общественном сознании восточных славян укрепился стереотип семьи, где четко распределены социальные роли: муж – глава семьи, ее лидер, защитник, а жена – хозяйка, верная, послушная и преданная своему мужу, способная выполнять любую работу во благо своих близких [2; 4]. Такая традиционная модель супружеских отношений обусловлена и православными традициями брака и морали, в соответствии с которыми жена обязана подчиняться авторитету своего мужа: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви... Но как Церковь повинуется Христу, так и жены мужьям своим во всем» (Ефесянам 5:21–24) [1].

Такое концептуальное наполнение патриархальности во взаимоотношениях членов семьи закрепились и в украинских пословицах, например: *Муж жені закон; Чоловік усьому голова*. В некоторых из них, наиболее давних, стереотипы духовного единства супругов представлены в сочетании с сакральными понятиями, как вот: *Між чоловіком та жінкою один Бог суддя; Смерть і жена від Бога дана*.

В украинских пословицах, отображающих супружеские отношения, номинативный центр создают два антропонима – *чоловік / жінка* (рус. *муж / жена*). Среди таких пословиц преобладают высказывания с семантическим компонентом 'единство': *Найліпша спілка – чоловік та жінка; Чоловік та жінка – одне тіло, одне діло, один дух; Де чоловік, там і дружина; Куди голка, туди і нитка, куди чоловік, туди й жінка; Муж і жона – то одна сатана; Муж і жінка – то одно болото*. Его вербализаторами являются соответствующие номинации, содержащие в своей внутренней форме такой семантический признак, – *спілка, один/одна*, а также грамматические кореляты (*куди – туди*).

По мнению исследователя украинских поговорок М. Пазяка, в поговорках обобщены народные взгляды на предназначение семьи, обязанности каждого ее члена [5, с. 125]. Так, в ряде пословиц отображено разделение социальных ролей между мужем и женой в семье, значимость каждого из них. Как показывает исследуемый материал, в народной украинской традиции закрепились архетипы, в соответствии с которыми муж занимал в семье главенствующую роль, при этом жене отводилась не менее значимая роль: она не только отвечает за порядок в доме (*Жінка за три угли хату держить, а чоловік – за один; Жона пряди, а муж тягни гуж*), но и за духовно-нравственную составляющую семьи (*Чоловік у домі – голова, а жінка – душа*), оказывает влияние на мужа в принятии решений (*Чоловік – голова, жінка – шия: куди захоче, туди й поверне; Чоловік – голова у хаті, жінка – капелюх на голові; Чоловік рядить світом, а жінка – чоловіком*).

Многочисленную группу составляют поговорки с обобщенным социокультурным опытом семейных взаимоотношений. По структурно-семантическим признакам их можно поделить на три группы. Первую составляют так называемые поговорки-предостережения, построенные по принципу оппозиции актуализированных атрибутов *хороший – плохой* (добрый, -а – дурный, -а, добрый, -а – лихий, -а): *За добрим чоловіком й чулинда – жінка, а за дурним і попівна – рабинька; За доброго мужа жона, як ружа, а за лихого – драба, за рік, за два – баба*. В этой группе сконцентрированы и поговорки с оппозитивными составляющими, отмечающими особенности поведения супругов, имеющего причинно-следственные связи: *Коли чоловік у кормі скаче, то дома жінка плаче*.

Вторая группа, хотя в ней антропоним *чоловік/муж* не вербализирован, представляет собой наставления, поучения, ориентированные главе семьи для формирования представлений о ее «идеальной модели»

и взаимоотношений внутри нее: *Учи жінку до дітей, а дітей – без людей; Пий пиво, та не лий, люби жінку, та не бий; Не залишай молоді жінки вдома, як їдеши в далеку дорогу; Не хвались жінкою за сім днів, а за сім літ.*

В третьей группе содержательный компонент отражает гендерные стереотипы в поведении супругов. Таким образом, из пословиц узнаем о преобладании сексуальных привязанностей у мужа и материальных у жены (*Чоловік за литку, жінка за калитку; Бог за жінку, а чоловік за дівку*), о разном отношении к материальным благам (*Муж крамар, а жона крамарка, він із двора, а у жінки ярмарка*).

Паремии с номинативным центром **жінка (дружина, жона)** (рус. жена) отображают ряд социально маркированных и абсолютизированных черт. Основными являются следующие составляющие:

1) 'незаменимость' (*Мужчина без жінки – то дім без даху; Без жінки, як без рук; Доки чоловік немає жінки, доти не є чоловіком*);

2) 'преданность' (*Жінка чоловікові подруга, а не прислуга; Нема вірнішого приятеля, як добра жінка; Добра жінка чоловікові ліпша від рідного батька*);

3) 'гибкость и приспособленность к обстоятельствам' (*Жінка, як лоза: куди схочеш, туди й похилиш; Жінка, як жилка: коли схочеш, потягнеш; Жінка, як торба: що покладеши, те й несе*);

4) 'верность' (*Жінка на чоловіка не докажщія*);

5) 'надежность' (*Добра жінка – кам'яна стінка*).

В пословицах нашли отражения традиционные представления украинцев о том, какой должна быть жена, а именно: любимой (*Бери жінку в одній льолі, аби була до любови; Як любя дружина, то любя й і рядниці*), трудолюбивой (*Як сорочка біла, то й жінка мила*), иметь хорошее здоровье (*Жінка хоч корова, аби здорова*).

Кроме паремий с позитивной коннотацией, фиксируем пословицы, в которых жена ассоциируется с: 1) недоверием (*Не вір жінці, як чужому собаці; Не вір жінці дома, кобилі – в дорозі*); 2) лихоимством, озлобленностью (*Злая дружина зіпсує доброго сина; Зла жона зведе чоловіка з ума; Не пройде без гріха, в кого жінка лиха; Ліпше їсти хліб з водою, чим жити з жінкою лихою*); 3) ленью (*Ліпше чорта мати, ніж ледачу жінку мати; Жінка – княгиня, а хата не метена*); 4) хитростью (*То й не жінка, як сім раз на день не обманить чоловіка*); 5) расточительностью (*Жінка більше викине ложкою, як чоловік принесе лопатою*). Четко очерчены подобные представления в паремиях с контрастной антонимией аксиологических составляющих: *Добра жінка – щастя, а лиха – трясця; Із доброю жінкою запузатієши, а з лихою ізгорбатієши*.

Во многих пословицах представлены народные взгляды на внешние достоинства супруги, не всегда входящие в ядро ценностных составляющих брака (*Біда – як жінка бліда, але ж лиха година, коли жінка – як калина; Жінка красива – скоро буде голова сива*). Народная мудрость проецирует в стереотипных формулах недопустимое в семейных отношениях неуважение к мужу со стороны жены – морально-психологическое, физическое унижение (*Біда, коли жінка чоловіком, ніби швець шкірою, крутить; Жінка доти любя, поки не візьме за чуба*), несдержанность в оценках (*Не б'є жінку мужик, а б'є жіночий язик*).

Ряд паремийных контекстов имеет номинативный центр **чоловік (муж)** (рус. муж). В украинских пословицах преобладает позитивная оценка социальной роли мужа, ассоциированная в народном сознании с: 1) привязанность к нему жены (*Жінка без мужа і питу не дужа*); 2) обеспечением защиты своей жены и надежностью в доме (*Чоловік не велик, а все жінці затишок; Батьки бережуть дочку до вінця, а чоловік жінку до кінця; Чоловік, як ворона, а все жінці оборона*). Такое аксиологическое наполнение высказываний зачастую актуализируется сочетанием антропонома с атрибутивом и/или глаголом-предикатом с позитивной оценочной семантикой, например: *Добрий чоловік жінці ліпший від матері; Гарний чоловік і погану жінку красить*.

Часть паремий репрезентирует народные взгляды на качества супруга, противоречащие общепризнанной норме и недопустимые в семейных отношениях: *У плохого чоловіка жінка завжди дурна; Брехливий чоловік – як вугіль: хоч не спалить, то очорнить*.

Таким образом, пословицы с компонентами **чоловік / дружина (жінка, жона)** отражают стереотипные представления о моральных и социальных нормах семейных взаимоотношений, о роли супругов в семье и отношении общества к институту супружества, построенного изначально на патриархальных архетипах. Это одна из фундаментальных составляющих в украинском паремийном фонде, в свое время систематизированная в отдельном сборнике [6] и представляющая сегмент основополагающих архетипов национальной повседневной бытовой культуры.

Список литературы

1. Библия. – режим доступа: <http://www.allbible.info/bible/sinodal/epf/5>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 20.02.16.
2. Жизневская О. Стереотип супружества в пословичной картине мира / Ольга Жизневская // Жыццём і словам прысягаючы...: да 90-годдзя заслуж. работніка адукацыі Рэсп. Беларусь, д-ра філал. навук, праф.

- Міхася Яўгенавіча Цікоцкага: зб. навук. прац / пад агул. рэд. д-ра філал. навук праф. В. І. Іўчанкава. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2012. – С. 207 – 215.
3. Закувала зозуленька. Антологія української народної творчості: пісні, прислів'я, загадки, скоромовки [Упоряд. Н. С. Шумада]. – К. : Веселка, 1989. – 606 с.
 4. Маслова В. Лінгвокультурологія / В. Маслова. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/01.php. – Загл. с екрана. – Дата обращения: 22.02.16.
 5. Пазяк М. М. Українські прислів'я і приказки: проблеми пареміології та пареміографії / М. М. Пазяк. – К.: Наук. думка, 1984. – 296 с.
 6. Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / Упоряд. М. М. Пазяк. – К.: Наук. думка, 1990. – 524 с.
 7. Савченко Л. В. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови: етимологічний та етнолінгвістичний аспекти: монографія / Любов Василівна Савченко. – Сімферополь: Доля, 2013. – 600 с.

СЕКЦИЯ №19. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)

К ПОНЯТИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Бондарева Л.М.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г.Калининград

Проблема языковой репрезентации концептов пространства и времени до сих пор продолжает оставаться в центре внимания лингвистов несмотря на наличие многочисленных исследований подобного рода в отечественной и зарубежной науке. Поскольку речь в данном случае идёт об основных константах человеческого бытия, с учётом очевидного факта нерасторжимости и, в то же время, принципиальной разнородности этих феноменов не вызывает удивления то обстоятельство, что до сих пор не существует единства мнений относительно природы родства локальных и темпоральных языковых маркеров. Речь идёт о том, являются ли временные показатели результатом метафорического переноса из системы пространственных понятий, либо они возникли как производные от локально-референциального прототипического ядерного значения, либо языковые средства для создания пространственной и временной референции в известных пределах взаимозаменяемы [7].

На наш взгляд, некоторую однозначность в решение данной проблемы вносит научная позиция А.Н. Павленко, которая, апеллируя к понятию «пространственно-временное состояние» (Е.Г. Хомякова) или «лингвистическое пространственно-временное состояние» (В.Ф. Прохоров, Т.Н. Прохорова), предлагает возвести данное понятие в статус исходного, первичного субконцепта в становлении концептов «Пространство» и «Время» [здесь и далее см.: Павленко 2003: 9-14]. Попутно отметим, что в аналогичном смысле немецкие исследователи К. Бройер и Р. Доров употребляют термин *Raumzeit*, говоря о пропагандировании нового физического воззрения на универсум (Hawking 1988), противостоящего эйнштейновской теории относительности. В этом ключе человек воспринимает время и пространство не в их корреляции друг с другом, а как единое целое в своём повседневном опыте, в частности, в концепте «Движение», который можно определить как изменение места во времени [6].

А.Н. Павленко приводит мнение В.Ф. и Т.Н. Прохоровых, которые отмечают следующее: «если в философском понимании пространство и время пересекаются как атрибуты материи, то в лингвистическом аспекте это пересечение трактуется как языковое выражение мысленного обращения (безотносительно ко временной форме этого события) к событиям прошлого. Это пересечение может иметь грамматически выраженную форму настоящего, будущего или прошедшего времени. Но основным семантическим содержанием речевого события остаётся обращение к прошлому не только по отношению ко времени, но и к ментальному пространству. Именно оно доминирует, создавая смысловую двуплановость рассматриваемого состояния» [цит.по: 4, с. 10].

Таким образом, констатирует исследователь, лингвистическое пространственно-временное состояние следует понимать как двучленную категорию с выделением имён пространственной ориентации и глагольного времени, т.е. категорию грамматики, являющуюся специфическим отражением объективного времени и служащую для темпоральной локализации события или состояния, о котором сообщается [Там же].

Далее А.Н. Павленко отмечает национальную специфику способов манифестации лингвистического пространственно-временного состояния. Так, например, в системе немецкого языка эта специфика проявляется в двух значениях направленности данного состояния – антропоцентричной и антропоцентрипетальной, т.е. в преобладании либо мысленного перемещения субъекта в пространстве и времени (от центра, каковым он сам, субъект, является, к периферии), либо мысленного перемещения субъектом пространства и времени по направлению к себе (от периферии к центру) с выражением псевдоагентивности перемещающегося единства двух категорий [4, с. 6; 14].

По мнению исследователя, в системе немецкого языка пространство и время изначально не дифференцировались и даже отождествлялись, а пространственно-временное состояние в целом может быть представлено разными морфологическими единицами в их комплексе (существительными, наречиями и производными от соответствующих существительных и прилагательных), круг которых, однако, достаточно ограничен, а также специализированными глагольными лексемами абстрактного субъектного перемещения, попадающими под категорию (морфо)синтаксического плана, и отдельными словосочетаниями как единицами синтаксического уровня. При этом, резонно отмечает А.Н. Павленко, единичные лексемы в большей степени репрезентируют латентное пространственно-временное состояние, а эксплицированное состояние, сознательно конструируемое и стилистически значимое, обнаруживается только на уровне высказывания [4, с. 14-15].

В подобном контексте особую актуальность приобретает концепция М.В. Никитина, предложившего рассматривать проблему с учётом факта дихотомии понятий *топохроноса* как образа «некоего фрагмента единого пространства – времени, наполненного и меняющегося в соответствии с законами реального мира» и *хронотопа*, восходящего к теории М.М. Бахтина и представляющего собой форму подачи (репрезентации изображения) пространственно-временных отношений, обусловленных спецификой протекания мыслительных процессов, обстоятельствами и условиями коммуникации, прагматическими задачами общения, исторически сложившимися моделями системы жанров, стилей и т.п. [здесь и далее см.: 3, с. 53].

Важно, по мнению учёного, что «реальный топохронос как реконструкция пространственно- временной стороны сообщений о мире может разительно отличаться от того, как он подан хронотопом, т.е. от буквально выраженных содержания и структуры вербальных форм». Таким образом, «хронотоп по-своему структурирует, но отнюдь не пространство и время как таковые, а их речемыслеительную репрезентацию, т.е. ментальный процесс речевого отображения топохроноса в каком-то конкретном случае» [Там же].

Примечательной в данном плане видится и концепция соотношения времени, пространства и языка, представленная в докторской диссертации А.А. Худякова (2001), исследующего семиозис простого предложения. В предложении, трактуемом в качестве продукта первичного семиозиса, т.е. в его номинативном плане, согласно исследователю, «превалирующим является пространственное измерение», однако в предложении, которое рассматривается как продукт вторичного семиозиса, т.е. в высказывании, доминирует временной аспект, «ибо в этой своей ипостаси предложение не только номинирует и коммуницирует некое событие, но и само является неким (речевым) событием, протяжённым во времени». Временной аспект, констатирует А.А. Худенко, «не исключает, а, напротив, инкорпорирует пространственный подобно тому, как коммуникативный аспект не исключает, а включает в себя номинативный» [5, с. 8].

В свою очередь, например, О.И. Москальская считает, что время и пространство как однопорядковые явления образуют единую локально-временную ось высказывания. При этом временная отнесённость высказывания включена в категорию предикативности и рассматривается в качестве одного из обязательных признаков предложения, т.к. она выражается регулярно в каждом предложении грамматическим способом, а локальная отнесённость не имеет морфологического выражения, и единственным способом её уточнения служат обстоятельства места [2, с. 109; 112].

Однако, в частности, М.Г. Лебедев, ссылаясь на мнение Е.В. Падучевой (1999), подчёркивает то обстоятельство, что язык не даёт оснований для слишком тесной ассоциации времени и пространства. Во всяком случае, считает исследователь, слова «время» и «пространство» (а тем более обозначение частей того и другого) относятся к разным таксономическим категориям [1, с. 6].

По нашему мнению, в ситуации существующей полифонии точек зрения на интерпретируемую проблему вполне очевидным является тот факт, что заключительный «аккорд» в дискуссии о языковом времени и пространстве ещё не прозвучал, а сам вопрос требует дальнейшего теоретического осмысления. Однако принципиальным тезисом в рамках концепции лингвистического пространственно-временного состояния видится признание факта перманентной и суть имманентной ретроспективной ориентации речевого субъекта, т.е. его апелляции исключительно к прошлому опыту, при формировании им высказываний пространственно-временной семантики.

Список литературы

1. Лебедев М.Г. Когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры: сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер: автореф. дис. ... д. фил. н. М., 2002. 44 с.
2. Москальская О.И. Грамматика текста: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
3. Никитин М.В. Пространство и время в ментальных мирах // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация: Сб. ст. к юбилею проф. Н.А. Кобриной: В 2-х ч. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения / Отв. ред. Н.А. Абиева, Е.А. Беличенко. СПб.: Тригон, 2005. С. 52-63.
4. Павленко А.Н. Лингвистическое пространственно-временное состояние в картине мира носителей современного немецкого языка: автореф. дис. ... к. фил. н. Белгород, 2003. 19 с.
5. Худяков А.А. Семиозис простого предложения: автореф. дис. ... д. фил.н. СПб., 2001. 38 с.
6. Breuer Ch., Dorow R. Deutsche Tempora der Vorvergangenheit. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 1996. 85 S.
7. Wunderlich D. Raum, Zeit und das Lexikon // Sprache und Raum: psychologische und linguistische Aspekte der Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit; ein Arbeitsbuch für das Lehren von Forschung / Hrsg. von Hartj Schweizer. Stuttgart: Metzler, 1985. S.66-89.

МЕТАФОРЫ И ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ПРЕССЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ (В ПЕРИОД ОБОСТРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ 2014-2016 ГГ.)

Магомедова Д.Ш., Сальникова Н.В.

Северо-Кавказский федеральный университет, г.Ставрополь

Ключевые слова: языковое манипулирование, метафора, эвфемизм, лексическая семантика, СМИ, моделирование реальности, манипуляция сознанием.

Аннотация: В статье рассматриваются метафоры и эвфемизмы как средства моделирования реальности на примере русской и британской прессы, выделяются факторы, определяющие их манипулятивный потенциал. Анализ данных языковых средств осуществляется на материале статей ведущих печатных изданий Великобритании и России.

Мы живем в век высоких информационных технологий, благодаря чему все слои современного общества имеют возможность узнать обо всех событиях и явлениях, происходящих в мире. Основным источником информации служат средства массовой информации. Являясь одним из важнейших инструментов формирования и манипулирования общественным мнением, институт СМИ представляет собой часть современного механизма функционирования власти в обществе, занимает значительное место в его политической системе.

С лингвистической точки зрения особый интерес представляют языковые средства моделирования реальности. По мнению А.Н. Баранова, «к языковым основаниям речевого воздействия относится возможность различных способов описания одной и той же ситуации с помощью языковых форм. Это явление получило название вариативной интерпретации действительности (ВИД). Существование языковых механизмов ВИД приводит к тому, что «нейтральное», или объективное, описание ситуации средствами языка вряд ли достижимо. Само существование языковых механизмов ВИД в конечном счете основывается на принципиальном несоответствии между структурой языка как дискретной системы и недискретной реальностью» (Баранов 2007: 115).

Публицистические тексты и тексты информационного жанра всегда нацелены на осуществление двух задач: передача информации и оказание воздействия на аудиторию, чаще всего отражение взглядов редакции или агентства. Подобная роль СМИ в процессе формирования общественного мнения реализуется посредством широкого охвата территории, социальной направленности, доступностью и оперативностью информации.

Лексическая семантика занимает «центральное положение в кругу лингвистических дисциплин, так как человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации» (Апресян 1995: 3). Следовательно, лексические средства выступают главным элементом языкового манипулирования.

В данной статье акцентируется внимание на метафорах и эвфемизмах как лингвистических средствах моделирования реальности в прессе.

Рассмотрим данные механизмы построения реальности более подробно.

В бытовом общении «метафора выполняет важнейшую когнитивную функцию, т.е. функцию получения нового знания» (Джонсон М., Лакофф Дж. 2008: 256). Эта позиция является одной из основных идей теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В соответствии с этой идеей А.Н. Баранова и Е.Г. Казакевич предполагают, что метафора влияет на процесс принятия решений. Они указывают на «свойство метафоры – подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения» (Баранов 1991: 193).

Арутюнова Н.Д. рассуждает о способности метафоры манипулировать сознанием. Она отмечает, что метафора базируется на «сходстве между предметом или понятием в сфере табу и соответствующим денотатом за пределами этой сферы»; «семантическая двуплановость метафоры затемняет ее предметную отнесенность» (Арутюнова 1990: 13). Следовательно, метафора не только насыщает текст выразительными образами, но также влияет на ассоциативное мышление, выполняя когнитивную функцию.

Использование эвфемизмов характерно для многих языков, включая русский и английский. В конце 20 века процесс эвфемизации претерпевает изменения, распространяется понятие политкорректного языка (*politically correct language*). Соответственно, в языке появляются слова и выражения, заменяющие другие, грубые с точки зрения культурно-речевых норм. Баскова Ю.С. отмечает, что «исследование специфики эвфемизма как языковой единицы показывает, что эвфемизация речи может использоваться не только по причине тактичного отношения к собеседнику, но и для манипулирования говорящим / пишущим своими реципиентами» (Баскова 2006: 13).

По мнению Ю.С. Басковой, способность эвфемизмов манипулировать реципиентом определяется рядом факторов: затемнение реальной сущности явления, действие механизма ассоциативности; не распознаваемость эвфемизмов в контексте; огромный информационный поток, усложняющий ориентацию в языковом материале; незнание сущности эвфемизмов (Баскова 2006: 13).

Таким образом, мы видим, что эвфемизмы в СМИ являются одним из мощнейших средств влияния на общественное сознание. Они скрывают, затемняют истинные ситуации, нейтрализуют отрицательную реакцию, придают положительную окраску явлениям.

Для анализа метафоры и эвфемизма как средств моделирования реальности были выбраны статьи из ведущих электронных версий газет Великобритании и России. Тематика выбранных статей связана с периодом обострения политических отношений между Россией и Западом 2014-2016 гг.. Обострение общей международной ситуации, резкое противостояние между Россией и Западом в результате украинского кризиса, осложнили взаимоотношения России и стран Центральной Европы. Мы знаем, что в первую очередь любые внутренние и внешние дела государства находят свое отражение в прессе и на телевидении. Таким образом, институт СМИ, главным элементом которого являются лингвистические средства, представляет собой основной механизм моделирования реальности.

Рассмотрим метафору и эвфемизм как средства моделирования реальности в прессе Великобритании и России. Обратимся к статьям изданий Великобритании, так, в предложении «Russian **'hot' money** is flowing into London (The Times 10/03/2015) – В Лондон текут «горячие деньги» из России» выражение **“hot money is flowing”** (горячие деньги текут) означает, что речь идет о деньгах, незаконно поступающих из России в Британию. Также это указывает на коррумпированность и нелегальность действий российских чиновников.

В следующем отрывке «This would not just be a case of a ban on Turkish tomatoes, **he thundered**, but of far more serious consequences into the far future (The Guardian 03/12/2015) – «Турция помидорами не отделается», – метал громы и молнии президент. Будут гораздо более серьезные последствия, даже в далеком будущем» употребляется весьма подходящий метафорический оборот **he thundered** (метал громы и молнии), подчеркивающий недовольство и негодование российского президента относительно действий Турции.

Высказывание «Now the situation is changing. The conditions are there once again for Britain and Russia to become leading partners in Europe, and for David Cameron to turn the **"mini-cold war" page** in relations between our two nations (The Observer 19/09/2014) – Сейчас снова появились благоприятные условия для того, чтобы Великобритания и Россия могли стать главными партнерами в Европе, а Дэвид Кэмерон мог перевернуть страницу «маленькой холодной войны» в отношениях между нашими двумя странами» содержит яркий пример эвфемизма. Определение конфликта между Великобританией и Россией как **"mini-cold war" page** (страница «маленькой холодной войны») используется в данном контексте для снятия напряженности нынешнего положения, ссылаясь на недоразумение, возникшее между двумя государствами.

Теперь проанализируем метафору и эвфемизм как лингвистические средства моделирования реальности на примере русской прессы.

Отрывок из статьи «Важно **видеть новые горизонты**. То, что происходит в Сирии, может происходить на протяжении долгого времени. В какой-то момент все должно измениться», – заявил турецкий лидер, вернувшийся из турне по странам Латинской Америки (Ведомости 07/02/2016)» также содержит яркий пример метафоры.

Президент Турции употребил метафорическое выражение «видеть новые горизонты», означающее в данном случае поиск новых перспектив для развития своей страны. Можно предположить, что Р.Т. Эрдоган не хотел называть реальные желания и цели турецкой стороны и предпочел выразиться весьма туманно.

В предложенном высказывании: «Это станет очередной горькой пилюлей (для Киева – «Ъ»)), – говорит Дмитрий Понамарчук. – Но не **проглотить ее** у Украины просто не хватит сил" (Коммерсант 26/08/2014)» автор использовал два метафорических выражения: «станет горькой пилюлей» и «проглотить ее» (т.е. принять). С помощью указанных средств выразительности Дмитрий Понамарчук донес до читателя, что украинские власти, зная о неблагоприятных последствиях, все-таки примут поставки российской гуманитарной помощи.

Военные действия на Украине, точнее, подавление мятежа на Майдане с использованием военного оружия, в данном предложении «Согласно отчету МУС, украинские правоохранительные органы во время так называемого Евромайдана **зачастую применяли чрезмерную и неизбирательную силу против протестующих и других людей**» (Коммерсант 12/01/2016)» определяется Международным уголовным судом (МУС) как «чрезмерная, неизбирательная сила против протестующих». Это служит ярким примером фальсификации действительности и введения общественности в заблуждение. МУС пытается скрыть бедственное положение Украины, прибегая к языковым средствам манипуляции сознанием.

Таким образом, мы подтвердили наше теоретическое предположение о том, что метафоры и эвфемизмы могут быть использованы как средства моделирования реальности в прессе. Важно заметить, что метафоры используются гораздо чаще в британской прессе, нежели в русской, и отличаются негативной коннотацией. В основном метафоры используются при написании заголовков к статьям, посвященным противоречиям между двумя политическими центрами, а также при описании межполитических отношений и характеристике политиков. Использование эвфемизмов и в британских, и русских СМИ весьма популярно. В основном эвфемизмы используются для введения общественности в заблуждение, замены нежелательных выражений и снятия напряженности.

Анализ материалов электронных версий газет Великобритании и России показал, что, данные издания используют языковые средства моделирования реальности в прессе в период обострения политических отношений между Россией и Западом для оказания определенного воздействия на читателей. Основная тематика статей связана с международными отношениями, внешней политикой, а также проблемами внутри государства.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. 1. Лексическая семантика / Ю.Д.Апресян. - М., 1995. - С. 3- 69
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. – С.5-32
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А.Н.Баранов, Ю.Н. Караулов. - М., 1991. - 193 с.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста// Теоретические основания и практика - М.: Флинта: Наука, 2007. - 529 с.
5. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): Дис. канд. фил. наук. / Баскова Юлия Сергеевна. - Краснодар.: КубГУ, 2006. - 162 с.
6. Джонсон М., Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 256 с.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ПО ВНЕШНЕЙ ЭКОНОМИКЕ И МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ

Макарычева Е.Ф.

Московский педагогический государственный университет, г.Москва

Аннотация

В данной статье раскрывается понятие лексической трансформации, приводятся классификации, рассматривается изученность вопроса. Также изучаются закономерности использования таких трансформаций в тексте внешнеэкономической тематики. В качестве практического материала взята статья из газеты The Guardian.

Abstract

This article reveals the idea of lexical transformation, gives some classifications, overviews the coverage of the problem. Besides it considers common patterns of thier usage in texts on foreign economy. Examples are taken from the newspaper The Guardian.

Главная цель перевода – достижение адекватности. Адекватный, или эквивалентный перевод – это такой перевод, в котором максимально близко к оригиналу передана цель высказывания, и, в результате, воздействие на адресата, существующий на разных уровнях языка.

Различная структура языков порождает те переводческие трудности, которые, впоследствии, приводят к расхождению прямых значений слов в языке оригинала и перевода, тем самым приводя к непониманию и нарушению адекватности. Здесь главная цель переводчика заключается в том, чтобы найти такую единицу, которую можно использовать для сохранения и передачи изначальной информации.

Смысловая, или семантическая структура слова уникальна для каждого конкретного языка, а потому не может иметь абсолютно тождественную единицу в лексических системах иностранного языка и языка перевода. Здесь на первый план выходят так называемые лексические трансформации, которые можно определить как «отклонение от словарных соответствий» [2, 180с]. В случае выявления такого отклонения при переводе какого-либо слова или словосочетания с английского языка на русский одна лексическая единица заменяется в языке перевода другой, передающей несколько иное значение по сравнению с тем, что имеет слово в оригинале, т.е. происходит лексическая трансформация.

Соединение в одном предложении различных типов лексических трансформаций усложняет их выявление и классификацию. Тем не менее, можно выделить восемь наиболее распространенных разновидностей лексических трансформаций:

- Конкретизация

There has been a lot of attention on... - Много внимания было уделено...

- Генерализация

Lifting of sanctions, which came into effect on Saturday... - Подняте санкций, которое пришло в силу в конце прошлой недели

- Компенсация

The implementation of the nuclear deal has brought about a new era for the Iranian economy and its investment potential," he told the Guardian... - Заключение сделки по ядерному вооружению принесло новую эру экономики Ирана и его инвестиционный потенциал – рассказал он журналистам.

- Прием лексического добавления

With its reintegration into the global economy, Iran can potentially be the engine for regional and perhaps even global economic growth in the next five to 10 years... - С его повторным вступлением в мировую экономику Иран может стать двигателем регионального, а может и глобального экономического роста в следующие пять или десять лет.

- Прием лексического опущения

Iran had struck a deal with the French company Airbus for the purchase of 114 new planes, estimated to be worth more than \$10bn (£7bn)... - Иран заключил сделку с французской компанией Эйрбас, чтобы купить 114 новых самолетов, что оценивается более чем в 10 млн долларов.

- Прием смыслового развития (модуляция)

Iran is expected to immediately add half a million barrels per day to its crude exports, which will have an impact on plummeting prices and a global oil market already under pressure due to oversupply... - Избытки топлива на мировом рынке позволят Ирану увеличить экспорт на пол миллиона баррелей в день.

- Прием целостного преобразования (наиболее характерен для художественных текстов, фразеологических единиц и структур, междометных словосочетаний, которые относительно редко встречаются в текстах научно-публицистического стиля)

- Антонимический перевод

I think Iranians are hoping implementation day will not lead to a gold rush, and it's their efforts that will make it so... - Я надеюсь заключение сделки не вызовет золотую лихорадку, и это в силах Ирана не попасться.

Ведущие лингвисты (Рецкер Я. И., Миньяр-Белоручев Р. К., Фитерман А. М. и Левицкая Т. Р., Шевнин А. Б. и Серов Н. П) также выделяют лексические трансформации в отдельную группу. Комиссаров В.Н. среди них выделяет транслитерацию, переводческое транскрибирование, калькирование, некоторые лексико-семантические замены (модуляцию, конкретизацию и генерализацию).

Л. К. Латышев говорит о трансформациях, называя их лексическими преобразованиями.

Необходимость употребления лексических трансформаций при переводе может быть обусловлена рядом факторов, связанных с различиями конкретной пары языков.

Прежде всего, следует принять во внимание наличие различных признаков у каждого предмета, явления и понятия и исторически сложившимся выделением какого-либо одного из них для обозначения соответствующей

лексической единицы языка. Поскольку такое обозначение основано на специфике национальной культуры данного народа, перевод слова на русский язык может вызывать некоторые трудности.

It is hard to say how this deal will impact the average person's pocket in the next month... - Сложно сказать как эта сделка отразится на кошельках среднего класса.

Кроме того, существование лексических трансформаций связано с многозначностью слов, вызванной различием в смысловом объеме слова. Разный смысловой объем в двух языках могут иметь слова, составляющие достаточно многочисленную группу, которая включает в себя интернациональные слова, адвербиальные глаголы, глаголы ощущения, восприятия, умственной деятельности и некоторые другие.

При переводе слова учитывается его контекстуальное окружение (в случае с прилагательным – определяемое существительное), на основе анализа которого делается выбор в пользу того или иного значения. Контекстуальное, или окказиональное значение слова является результатом семантического сочетания слов. Характер семантического контекста влияет на контекстуальное значение слова, а вероятность употребления слова в том или ином контексте зависит от его семантической структуры. Даже самый непредсказуемый вариант перевода при более глубоком рассмотрении оказывается не случайным, а обусловленным семантической структурой слова.

Обусловленность лексических трансформаций различием в сочетаемости слов в разных языках является еще одной причиной их использования. Говоря о сочетаемости слов, обычно подразумевают степень совместимости понятий, выраженных с помощью данных слов и вступающих в характерные для данного языка связи. Сочетаемость слова прямо пропорциональна его семантическому объему, который позволяет слову выстраивать всевозможные связи с другими лексическими единицами, а значит, предоставляет переводчику больше возможностей для поиска подходящих вариантов перевода. Любой язык имеет собственные нормы сочетаемости, которые, как правило, не совпадают с соответствующими нормами других языков вследствие их исторической, географической и культурной обусловленности [1].

This is potentially a turning point... - это может явиться поворотным моментом.

Таким образом, переводя на русский язык публицистическую статью из ежедневной газеты, тематика которой является внешней экономика и мировая торговля, следует принять во внимание тот факт, что лексические трансформации также распространены в данном функциональном стиле, несмотря на специфику лексических единиц, касающихся непосредственно тематики текста. На первый взгляд текст оригинала воспринимается довольно однозначно, однако необходимо учитывать трудности перевода терминов и сложных конструкций. Самой значительной отличительной чертой в переводе таких текстов является цель переводчика, которая заключается в передаче точной информации, в то время как в художественных текстах они просматриваются гораздо ярче из-за приоритета перевода – эмоциональное воздействие на адресата.

Тем не менее, лексические трансформации имеют место быть, используются очень часто и имеют общепринятый характер, поэтому при переводе необходимо учитывать тонкости функционального стиля, тематики текста и выбора лексических единиц.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. \ \ Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода. М: «Международные отношения», 1975. – 240с.
2. Латышев В. Л. \ \ Технология перевода. М: Тезаурус, 2000. – 280с.
3. Карабанова О.А. Переводческие трансформации: понятие и явление [автореферат]. Московский педагогический университет, 2000 – 166с.
4. Saeed Kamali Dehghan. Iran capitalises on sanctions removal with slew of deals with western businesses. The Guardian 18.01.2016 [Интернет-ресурс] Код доступа: <http://www.theguardian.com/world/2016/jan/18/iran-capitalises-on-sanctions-removal-with-slew-of-deals-with-western-businesses>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Гациева Т.И., Муханова И.В.

Чеченский государственный педагогический университет, г.Грозный

Методика обучения иностранным языкам основывается на закономерностях, установленных философией, психологией, физиологией, языкознанием, педагогикой и сопряжена с множеством определенных трудностей. В

психолого-педагогической литературе выделяются сложности, связанные с возникновением и функционированием механизмов мышления в первом и втором языках, а также ролью механической памяти и возрастных особенностей в усвоении иностранных языков.

Анализ развития психологической науки позволяет констатировать, что еще в XIX веке основатель экспериментальной психологии В. Вундт определил корреляцию между психологией речи и чувств. Основываясь на подходе В. Вундта, в психологической науке установлены закономерности, проявляющие себя как при усвоении и овладении иностранными языками, так и при изучении любого предмета. Рассмотрим в качестве примера закономерности, выделяемые Г.Е. Веделем:

- теория единства сознания и деятельности;
- теория поэтапного формирования умственных процессов;
- теория установки;
- концепция открытого и скрытого способа обучения;
- теория степени интенсивности состояния возбуждения учеников в процессе обучения;
- концепция внутренней речи и латентной артикуляции, основного механизма как словесного, так и образного мышления;
- теория латентной вербализации, управляющая нейродинамикой умственных процессов и многим другим.

[1]

Как известно основным средством передачи культурных ценностей, хранилищем и транслятором культуры выступает язык. Очевидна значимость коммуникативной культуры во всех социальных областях, особенно в образовании, поскольку здесь формируется языковая компетенция человека, определяющая функционирование языка во всех сферах жизнедеятельности. Как отмечено в работе [2] в условиях современного глобализующегося мира коммуникативная культура выступает и как способ сохранения этнокультурной идентичности.

Современный этап развития общества характеризуется необходимостью изучения иностранных языков. Сама жизнь поставила человека в условия, когда знание одного или нескольких иностранных языков помогает ему адаптироваться в быстро меняющемся мире. Традиционная методика обучения иностранным языкам направлена на развитие навыков чтения и перевода, но никак не на развитие навыков устной речи. В данной статье нами предпринята попытка анализа обучения иностранным языкам, на примере преподавания немецкого языка в Чеченском государственном педагогическом университете.

Одним из основных, общепризнанных в мире методов обучения иностранным языкам является - коммуникативный метод. Суть коммуникативного метода заключается в одновременном развитии основных языковых навыков (устной и письменной речи, грамматики, чтения и восприятия на слух или аудирования) в процессе живого, непринужденного общения. Научить студента общаться на чужом языке - вот главная задача преподавателя. Лексика, грамматические структуры, выражения чужого языка преподносятся студенту в контексте реальной, эмоционально окрашенной ситуации, которая способствует быстрому и прочному запоминанию изучаемого материала.

Коммуникативный метод предполагает разрушение психологического барьера между преподавателем и студентом. А когда студенты перестают чувствовать "дистанцию" между собой и преподавателем, когда им интересно, весело и приятно с ним общаться - им проще начать разговаривать на чужом языке. Многочисленные игровые элементы в преподавании вносят оживление в занятия, поддерживают положительный эмоциональный настрой студентов, усиливают их мотивацию. Работа "в парах", "в тройках", участие в дискуссиях на интересующие студентов темы - все это позволяет преподавателю учитывать индивидуальные особенности студентов, сделать занятия творческими и увлекательными, и в то же время дает преподавателю возможность незаметно для студентов осуществлять полный контроль над процессом обучения.

Современный мир характеризуется тенденцией повышения интереса людей к изучению иностранных языков. Сегодня практически невозможно представить себе успешного человека, не владеющего хотя бы базовым уровнем одного или даже нескольких языков. Иностранный язык постепенно из факультативного курса переходит в основной предмет, что обусловлено объективной необходимостью. Однако следует подчеркнуть, что превратившись в реалию времени, иностранный язык, тем не менее, не получил достаточного импульса для распространения среди населения, не занятого в сфере образования, или в какой-либо сфере, связанной с международным бизнесом (например, туризм). При этом нельзя сказать, что в обществе нет понимания значения знания иностранного языка. Скорее всего, понимая и осознавая необходимость изучения иностранного языка, люди зачастую психологически не готовы к реальности, которая в первую очередь требует непрерывной работы над языком. Именно этот момент и становится самым сложным для людей, не связанных в своей повседневной деятельности с необходимостью общения с носителями иноязычной культуры.

Опыт работы в Чеченском государственном педагогическом университете, многолетние наблюдения за деятельностью студентов позволяют констатировать наличие множественных проблем при изучении ими иностранных языков. В первую очередь, следует отметить трудности, возникающие у студентов-первокурсников. Первый год обучения в вузе, смена социальной ситуации, вступление во взрослую жизнь, необходимость адаптации к студенческой жизни – вот неполный перечень проблем, вызывающих психологический дискомфорт у молодых людей. К перечисленным проблемам можно добавить и сложности обучения иностранным языкам, особенно при отсутствии необходимой школьной базы.

Также следует отметить, что не всегда профессиональный выбор осуществляется молодыми людьми осознанно, часто это происходит по рекомендации родителей, старших друзей, учителей. Поэтому трудоёмкий процесс работы над языком, отсутствие самостоятельности и самоорганизации вызывают разочарование и чувство неудовлетворенности процессом обучения и его результатами.

Таким образом, перед преподавателем встает проблема, которую необходимо решать с учетом факторов, зачастую не входящих в круг его профессиональных обязанностей. Однако, в первую очередь необходимо заинтересовать студентов, превратить занятие языком в увлекательный процесс, в ходе которого, обучающимся, конечно же, придется преодолевать такие трудности, как языковой барьер, страх сделать ошибку, быть непонятым или вызвать насмешку. Их преодолению будет способствовать созданная преподавателем на занятиях дружелюбная атмосфера, атмосфера взаимной поддержки и понимания. Очень эффективной в этом плане, по нашему мнению, является проектная деятельность, работа в группах над общим заданием, когда конечный результат зависит от каждого отдельно и от всех вместе. Подбор тем должен осуществляться не только в соответствии с учебной программой, но и с учетом интересов студентов. Важна также их аутентичность и актуальность.

Еще одним немаловажным фактором является использование на занятиях современных технических средств, с помощью которых можно разнообразить занятия и вовлечь в работу всех студентов независимо от уровня их знаний. Занятия, привязанные к учебнику, уже не актуальны. Нынешние студенты охотнее работают с разными гаджетами, для поиска информации используют интернет, в котором очень хорошо ориентируются, предпочитают проходить тесты или делать упражнения онлайн, смотреть ролики и фильмы на языке. Чтобы дать студентам возможность проявить собственную фантазию и креативность, можно дать, например, задание снять озвученный на языке ролик на определенную тему, на занятиях просмотреть его, обсудить, найти ошибки и предложить свои варианты озвучивания ролика.

Достаточно эффективным является и участие студентов в работе языковых клубов. Здесь, однако, нужно учитывать тот факт, что членами клуба являются студенты с разным языковым уровнем, что поначалу приводит к трудностям в общении. В связи с этим можно первые заседания клубов проводить в разные дни, собрав в группы студентов с одинаковым уровнем языка. Затем постепенно можно смешивать группы, делая акцент на том, чтобы число студентов с менее высоким уровнем языка все-таки преобладало. Для объединения всех, пусть и небольших, групп понадобится время, но студенты будут уже более раскрепощенными в языковом отношении и смогут легко общаться на равных.

Существует множество методов и методик преподавания и изучения иностранного языка, но все же самым эффективным является полное языковое погружение, что невозможно без нахождения в иноязычной среде. Студентам факультетов иностранных языков просто необходимо проводить некоторое время в стране изучаемого языка. Это могут быть как краткосрочные стажировки/курсы или летние школы, так и семестровые стипендии. Для того чтобы предоставить студентам возможность выезжать для языковой практики в другую страну, необходимо налаживать контакты с зарубежными вузами, заключать договоры о сотрудничестве, предусматривающие обмен студентами и преподавателями, организовывать межвузовские научно-практические конференции и разрабатывать совместные проекты.

Подводя итог всему вышесказанному, нужно подчеркнуть, что все-таки успех в изучении иностранного языка, да и любого другого предмета, на 80% зависит от самого учащегося. Очень часто можно услышать упреки в адрес преподавателей, которые якобы не могут заинтересовать студентов в своем предмете или достаточно интересно и доступно преподнести учебный материал. Конечно, такие проблемы имеют место быть, но они, как нам кажется, не являются определяющими. Преподаватель задает определенный вектор для работы студента, предлагает, но ни в коем случае, не навязывает, свою методику. Каждый индивид сам определяет, насколько ему подходит предлагаемый путь обучения, он может воспользоваться или отказаться от предлагаемого пути, может взять на вооружение приемлемый и интересный для него подход. Главное во всем этом – собственная заинтересованность.

Список литературы

1. Ведель Г. Е. Из истории методов преподавания иностранных языков. Воронеж, Изд-во Воронеж, ун-та, 1979. 56 с.
2. Мусханова И.В. О некоторых особенностях коммуникативной культуры чеченцев//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 291-295.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Павлова Е.В., Ломтева Т.Н.

Северо-Кавказский федеральный университет, г.Ставрополь

Ключевые слова: языковая ситуация, социокультурные факторы, внешние и внутренние причины изменения языка, политкорректность, популяризация.

Аннотация: В статье рассматриваются современные социокультурные тенденции общественного развития в США, влияющие на изменения языковой ситуации американского варианта английского языка. Выделены внешние и внутренние типы факторов. Затрагиваются вопросы многокультурности американского общества.

Язык всегда являлся незаменимой частью общественной жизнедеятельности, отражением культуры и процессов, происходящих в ней. Именно язык в первую очередь реагирует на малейшие изменения, распространяет информацию. По словам С.Г. Тер-Минасовой, язык является зеркалом культуры, в нем отражаются общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира (Тер-Минасова: 2000, 14). Так как в первую очередь важнейшей функцией языка остается коммуникативная, человек, получая информацию, делится ею через язык. Между людьми каждый день происходит взаимообмен новостями, отражающими последние события, и язык, как губка, впитывает новейшие тенденции современного общества, пополняя свой запас, лавируя не только между различными культурами, но и слоями общества, сферами коммуникации.

Несмотря на то, что в американском обществе постоянно происходят интеграционные процессы, социальное расслоение общества и социальная стратификация языка все же продолжают существовать. Более того, социальная дифференциация становится более существенным признаком английского языка в США, чем дифференциация территориальная (Швейцер: 1983, 78).

Для того чтобы выделить основные социокультурные факторы, влияющие на современный английский язык в американской культуре, необходимо выяснить, что значит «языковая ситуация». «Понятие «языковая ситуация» применяется обычно к большим языковым сообществам — странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация — это характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования». (Беликов: 2001, 26). Согласно определению лингвистического энциклопедического словаря под редакцией В. Н. Ярцевой, «языковая ситуация» — это «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определённых географических регионов или административно-политических образований (Ярцева: 2002, 616-617). Несмотря на социальные, культурные, географические различия, английский язык является объединяющим фактором, служит для связи народов. В данной статье мы ведем речь о вариативности американского варианта английского языка как закреплённой функционирующей форме государственного языка.

Существуют внешние и внутренние факторы, оказывающие влияние на изменение языковой ситуации. Возникают споры, к какой из указанных категорий отнести ту или иную причину, так как при более тщательном исследовании может оказаться, что причиной данного языкового изменения является целая цепь следующих друг за другом причин одного порядка, или, напротив, сложное переплетение многих причин разного порядка. Согласно мнению Б.А. Серебренникова, «к *внешним причинам* относят всю совокупность необычайно разнообразных импульсов, идущих из окружающей язык среды и связанных прежде всего с особенностями исторического развития общества, переселениями и миграциями, объединением и распадом речевых коллективов, изменением форм общения, прогрессом культуры и техники и т.п. К *внутреннему порядку* принадлежат различные импульсы, возникающие в связи с целенаправленной тенденцией к усовершенствованию существующей системы языка». Также Б.А. Серебренников добавляет, что к внутренним причинам можно отнести тенденции, вызванные необходимостью сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности

(Серебренников: 1970, 220). В своей работе Мечковская Н.Б. также рассматривает вопросы внутренних и внешних изменений в языке, приводя конкретные примеры. Согласно ее мнению, *внутриязыковыми* изменениями можно считать появление или утрату новых звуков, формирование новых грамматических форм, появления новых словоформ в лексике, фразеологии, лексической семантике. К *внешним* изменениям она относит расширение или сужение общественных функций языка или сферы его использования, перемену его юридического статуса, а также «престижность» языка в стране или за ее пределами (Мечковская: 2000).

На протяжении многих лет в американском варианте английского языка происходили различные изменения внутреннего и внешнего характера: оказывала влияние иммиграция, формируя новый пласт лексики; упрощались грамматические формы и формы написания слов. Проанализировав современные тенденции языковых изменений в США за последние два десятилетия, а также выделив из них три главных, мы приходим к выводу, что в настоящее время преобладают внешнеязыковые изменения. По статистическим данным, приток нелегальных иммигрантов в США за последние пятнадцать лет возрос в несколько раз. В основном это жители стран Азии, Африки, Южной Америки (Michael Hoefler: 2009). Ассимиляция носителей другого языка и другой культуры оказывает влияние на формирование диалектов, фонетических изменений. Современные внутриязыковые тенденции появляются в связи с развитием компьютерных технологий, образуя новые слова. Однако такая лексика пока не входит в языковую норму, поэтому мы не можем рассматривать ее как тип внутриязыковых изменений.

Одним из внешних факторов, который оказывает влияние на современную языковую ситуацию английского языка в Америке, является политическая корректность. Данное явление формировалось на протяжении довольно долгого времени, но в настоящем достигло своего пика. С.Г. Тер-Минасова полагает, что «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляет его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.д.» (Тер-Минасова: 2000, 216). В США межнациональные, межкультурные и межэтнические проблемы стоят особенно остро, поэтому в связи с соблюдением политкорректности возникает все больше различных эвфемизмов, способствующих смягчению в речи выражений. Например, уже довольно долгое время существуют возрастные эвфемизмы (*senior, advanced in years* (вместо *old*); эвфемизмы, указывающие на расу или национальность (*black men* или *Afro-American* (вместо *Nigger*), *Latino* (вместо *Hispanic*), материальное положение (*penniless, low-income men* (вместо *poor*); эвфемизмы, заменяющие медицинские термины (*mental hospital, mental health clinic* (вместо *insane asylum*)).

В современных условиях наибольшее развитие получают способы и средства эвфемизации, затрагивающие социально значимые темы, сферы деятельности человека, его отношений с другими людьми, с обществом и властью. К примеру, анализируя актуальную тему экономического кризиса, можно найти эвфемизм к выражению «обанкротиться» (*become bankrupt / go broke*) - *fall out of bed* (упасть с кровати), *take a haircut* (сделать стрижку) (Никитина: 2011). Политкорректность является внешним явлением языкового влияния, поскольку зависит от таких факторов, как многонациональность, социальный статус, возраст, а также политические взгляды.

Также следует рассмотреть *фактор ассимиляции с другими языками*, который мы также характеризуем как внешний. Население США на протяжении всей истории пополняется иммигрантами: как выходцами из стран Западной Центральной Европы, так и из Южной и Юго-Восточной Европы. Постепенно приспосабливаясь к новой культуре, группы иммигрантов добавляли элементы собственной. Сейчас каждый восьмой житель США является иммигрантом в первом поколении. Латиноамериканская диаспора, к примеру, составляет самое многочисленное национальное меньшинство Америки (Camarota: 2007). Ввиду такой демографической ситуации в Соединенных Штатах англоязычные американцы и испаноязычное население пытаются добиться взаимопонимания с помощью нейтрального языка *Spanglish* (*смешением английского и испанского языков*), который позволяет его носителям понимать друг друга, без регионализмов или жаргонизмов, связанных с этнической принадлежностью. Однако в связи с тем, что все большее число людей начинает разговаривать на родном языке (в данном случае испанском) на территориях, занимаемых иммигрантами, английский начинает исчезать из употребления в некоторых частях страны, или же изменять свою сущность, смешиваясь с другой культурой. Из испанских слов, вошедших прочно в состав английского языка и которые не воспринимаются в настоящее время как варваризмы, выделяются следующие слова: *cotton, grenade, alligator, banana, guitar, cigarette, cafeteria, tango, rumba* (Merriam-Webster Dictionary). Т.Ф. Сабитов заявляет, что иммигранты из стран Латинской Америки не только не ассимилируются, но и «латиноамериканизируют» отдельные категории населения США» (Сабитов: 2012, 197-207). Таким образом, английский язык «стирается», уходит из использования на таких территориях, что можно рассматривать как негативное явление.

В связи с вышеизложенной тенденцией языка можно отметить вытекающую из нее особенность, также относящуюся к внешним факторам языкового влияния – *популяризацию диалектов американского английского (в частности, «эбоникс»)*. Современным явлением можно считать распространение в стране языка «ebonics», или «black English». В словаре это понятие именуется как «African American Vernacular English» (афроамериканский этносоциальный английский язык), что характеризует «any of various distinctive varieties of nonstandard English used by African-Americans; abbreviated AAVE» (Oxford Dictionary). Согласно социолингвистической теории, афроамериканский вариант английского языка возник, когда его носители в течение веков были загнаны в «черные» гетто больших городов («внутренние города», *inner cities*), и в замкнутых, вытесненных в нижний класс сообществах, в ограниченном пространстве появилось это своеобразное явление (Мечковская: 200, 161). В настоящее время данный вариант уже официально внесен в словари и является довольно распространенным, выдвигалась даже попытка сделать его родным языком афро-американцев. В своей книге А.Д. Швейцер полагает, что наследие Африки, в частности ее музыкальные традиции, позволили создать и развить устную афроамериканскую традицию, обеспечили основу для грамматики и лексикона «эбоникса», хотя далеко не все в «эбониксе» и афроамериканской культуре имеет африканские корни (Мечковская: 2000, 159). AAVE имеет ряд стилистических, грамматических, лексических и фонетических особенностей, но в основном отличается упрощением традиционной нормы английского языка. Например, распространенной фразой является «*I have live here twelve years*», где глагол *live* используется вместо правильной в данном случае формы *lived* (АВВУУ Lingvo Dictionary).

Таким образом, выделив три основных социокультурных фактора в американском варианте английского языка, мы можем сказать, что за последние два десятилетия происходит тенденция, связанная в большей части с внешними изменениями. Все описанные феномены приводят к еще большему разрыву между узусом языка и его нормой. Из этого следует, что норма становится «эластичной», вариативной, что приводит к расширению способов выражения социокультурных элементов языка. Кроме того, как замечает в своей статье А.Д. Швейцер, вариативность норм литературного английского языка является одним из последствий исторических условий его формирования и постоянного расширения и обновления его социальной базы, связанных с высокой социальной и географической мобильностью населения страны (Швейцер: 1995). Данная информация позволяет нам сделать предположение о том, что дальнейшая языковая ситуация в США будет зависеть от притока иммигрантов, а также от политики Соединенных Штатов в отношении культурного многообразия.

Список литературы

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. – 439 с.
2. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. — 2-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 207 с. Эл. версия. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Ftjor.ucoz.ru%2Fsocialnaja_lingvistika-mechkovskaja.doc&name=socialnaja_lingvistika-mechkovskaja.doc&lang=ru&c=56be2406f572 Дата обращения: 08.02.2016
3. Никитина И.Н. Социальные эвфемизмы в современных русском и английском языках//Вестник ВУ им. В.Н. Татищева. – №7/2011.
4. Сабитов Т.Ф. Влияние «хиспэникс» на позиционирование образа современного иммигранта в США// ВЕСТНИК РГГУ № 7 (87) Научный журнал// Москва 2012.
5. Серебренников Б.А.. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука. 1970. – 602 с.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация, Москва: Издательство «Слово», 2000. – (Учеб. пособие) — М.: Слово/Slovo,2000. — 624 с.
7. Швейцер, А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1983. – 216 с.
8. Швейцер А.Д. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и соврем. статус // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6.
9. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь — М.: Советская энциклопедия, 2002. — с.616–617.
10. АВВУУ Lingvo x3, выпуск 14.0.0.390, 2008.
11. Camarota S. Immigrants in the United States, 2007: A Profile of America’s Foreign Born Population//Center for Immigration Studies // Эл. Источник/ URL: http://www.cis.org/immigrants_profile_2007 Дата обращения: 07.02.2016.

12. Merriam-Webster Dictionary. Эл. Источник / URL: <http://www.merriam-webster.com> / Дата обращения: 07.02.2016.

13. Michael Hoefler, Nancy Rytina, and Bryan C. Baker. – Population Estimates// January 2010/ Estimates of the Unauthorized Immigrant Population Residing in the United States: January 2009.

СЕКЦИЯ №20. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ ИСПАНСКОЙ ПРЕССЫ НА РОССИЙСКИЙ РЫНОК ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА

Кудряшова И.А., Седова Т.В.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Ученые подсчитали, что за 5000 лет своей истории человечество не воевало только 273 года, а все остальное время шли и идут постоянные войны, возникают локальные конфликты за передел мировых территорий и природных богатств, а теоретическое обоснование такого передела предоставляют средства массовой коммуникации. И в настоящее время Россия, как объект «гибридной», включая информационную войну, не является исключением.

Целью лингвистического давления испанской прессы является подрыв доверия потенциальных иностранных потребителей к российскому рынку въездного туризма.

Как считает чемпион мира по шахматам А. Карпов что: «русофобия зашкаливает». По его мнению, в Европе царит евромакобесие, что свидетельствует о деградации европейских ценностей под напором и давления политиков на СМИ. По утверждению А. Карпова: «Антироссийское и антирусское идет вслед за антипутинским». [2, с.3]

Особая роль в антироссийской и антипутинской компании принадлежит журналистике. От стилистического и семантического содержания публицистического текста в большой степени зависит восприятие и принятие решения о поездке в Россию потенциальных потребителей российских туристических услуг.

Задачей испанских средств массовой коммуникации является создание негативного образа России как нестабильного и неблагополучного государства.

Формируя таким образом негативный имидж России в средствах массовой коммуникации, испанские журналисты превращаются в инструмент ведения недобросовестной конкуренции на рынке мировых туристических услуг.

Ведь добросовестная конкуренция – один из признаков рынка, который уравнивает норму прибыли в зависимости от частных и общественных интересов. Цель такой конкуренции – занять более прочную позицию на рынке любого бизнеса.

В силу того что развитие любого бизнеса основано на доверии потенциальных потребителей, создание положительного и отрицательного имиджа определенного места или страны является одной из причин успеха или неуспеха в любой отрасли экономики.

Но в условиях информационной войны распространение слухов, субъективная оценка и подтасовка непроверенных, неподтвержденных фактов порождает потерю доверия и вызывают у потенциальных потребителей сомнения в безопасности путешествия по России.

Не для кого не является секретом то, что, именно, Россия со своим природным многообразием, имеет огромный потенциал для развития любых видов туристической деятельности. Т.е. Россия может предложить огромный спектр туристических услуг, но в тоже самое время является непосредственным конкурентом туристическому бизнесу во многих странах, которые располагают подобными природными, культурными и другими ценностями, вызывающими интерес у потенциальных туристов.

Более того, создавшиеся в России экономические обстоятельства, привели к удешевлению туристических услуг. Но, несмотря на благоприятные экономические условия, в России не наблюдается значительного притока иностранных туристов.

Лингвистический прессинг в последнее время приобрел форму информационных атак, и их причина в отсутствии, якобы, демократии в России, и всю вину за это возлагают на президента Путина.

Для этого и для психологического давления на потенциальных иностранных туристов европейские средства массовой информации и испанские, в том числе, используют три, так называемые, повода: «аннексию» Крыма, гибель малазийского Боинга и «прямое участие российской армии» в событиях на востоке Украины, а теперь и события в Сирии. Но ...

1 - население Крыма на референдуме в подавляющем большинстве проголосовало за воссоединение с Россией, а международное право уважает волеизъявление любого народа;

2 – международная комиссия по расследованию причин гибели малазийского авиалайнера опубликовала результаты своей работы, в которой, пусть и косвенно, пытается обвинить ополченцев Донбасса и Россию;

3 - ни одна международная организация, включая ОБСЕ, не предоставила никаких фактов и доказательств участия российских военных в столкновениях на юге – востоке Украины.

Так называемая, европейская «демократическая общественность», в частности, испанская, не обращает внимания на тот факт, что по многочисленным национальным социологическим опросам президент Путин имеет более 70 % поддержки российского населения, а по международным опросам выбирается «Человеком Года». Европейская «элита», а вслед за ней и испанские средства массовой коммуникации продолжают повторять, что именно Путин нанес непоправимый ущерб национальной экономике, международному влиянию страны, затормозил ее модернизацию, превратил прежних друзей во врагов, возродил влияние блока НАТО.

Заголовки некоторых публикаций в испанских газетах являются важным средством структурирования текста, от них зависит формирование и восприятие читателями содержания текста, в том числе и потенциальных потребителей российских туристических услуг. Заголовки играют большую роль в содержании публицистической статьи; они настраивают читателей на определенное эмоциональное восприятие текста и тем самым создают предпосылки для формирования чувства доверия или недоверия к изложенным фактам.

Для этого достаточно проанализировать стилистические и семантические приемы на примере статьи под заголовком

“LOS TROVADORES DE PUTIN I EL CONQUISTADOR” (ТРУБАДУРЫ ПУТИНА I ЗАВОЕВАТЕЛЯ) [3, с.1]

Речь идет о Международной конференции, которая проходила в Донецке и была посвящена событиям на востоке Украины.

Чтобы показать негативную коннотацию одной из таких публикаций достаточно привести один из ее фрагментов с «красноречивым» заголовком

LOS TROVADORES DE PUTIN I EL CONQUISTADOR

El Kremlin ha organizado una red propagandística en la confluyen gentes de extrema derecha y comunistas

En la ciudad de Donetsk, en los territorios controlados por separatistas rusos bajo la tutela de la negada pero ya nada disimulada invasión del ejército ruso, concluye hoy una conferencia internacional. “Personalidades de toda Europa” se han reunido para “buscar soluciones pacíficas” a la crisis “a la vista de la devastadora situación de Ucrania” como dicen los participantes. Estos son casi todos habituales “interesados en el conflicto, con enorme comprensión” hacia el Kremlin. La mayoría son occidentales, unos de extrema derecha, otros comunistas, otros políticos jubilados con tiempo etc.

Obediencia rusa, políticos vendidos, organizaciones ficticias, redes de cómplices y mercenarias del Kremlin, colosal maquinaria de falsificación de Putin.

(ТРУБАДУРЫ ПУТИНА I ЗАВОЕВАТЕЛЯ)

«Кремль создал широкую пропагандистскую цепь, состоящей из ультраправой публики и коммунистов.

В городе Донецке, в самом сердце территорий, контролируемых российскими сепаратистами под покровительством всегда отрицаемого, но уже неприкрытого вторжения российской армии, сегодня завершилась международная конференция. «Личности всей Европы» собрались, чтобы «найти мирные решения» кризису «в связи с разрушительной ситуацией на Украине» как утверждают ее участники. Они почти все обычные «заинтересованные в конфликте, с огромным пониманием» политики Кремля. Большинство западных представителей – это правые экстремисты, другие – коммунисты, третьи – политики, отправленные временем на пенсию и т.п.

Полное послушание, продажные политики, фиктивные организации, пособнические и наемнические сети Кремля, колоссальная фальсификационная машина Кремля». (Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи – И.К., Т.С.)

Как видно из приведенного отрывка из статьи, автор не стесняется давать негативные характеристики, даже своим европейским собратьям, не говоря уже об отсутствии этики по отношению к главе суверенного государства.

Т.е. речь не идет о какой-то объективной подаче информации для потенциальных потребителей въездного туризма; речь идет об открытой агрессивной дезинформации с целью «отпугнуть» желающих познакомиться с российским турбизнесом и сформировать свое собственное суждение о соотношении качества и цены предлагаемых туристических услуг в России.

Для этого используются различные стилистические приемы такие как анафору с целью создания уничижительных характеристик участников конференции, метафору, иронию и гиперболу в названии самой статьи “Los trovadores de Putin I Conquistador”, также набор существительных и прилагательных с негативной семантической коннотацией (vendido, falsificación, obediencia, redes de cómplices y menceñarias etc.)

Необходимо признать, что у испанских журналистов очень субъективное представление о международном праве и «блоковое мышление» времен «холодной войны» в отношении России и других «неудобных» для Европы стран. Нет места и, так называемой «свободе слова».

Другим примером является статья под названием “Putin juega con la comida y con el fuego” [3, с.1] (Путин играет с едой и огнем), где рассказывается об уничтожении продуктов питания, запрещенных к ввозу на территорию России, и «предрекается» социальный взрыв из-за отсутствия испанского «хамона» на российском продуктовом рынке. Импорт этого испанского продукта попал в российский контрсанкционный список. Т.е. цель данной статьи – запугать испаноязычных читателей и потенциальных туристов голодом, дороговизной продуктов питания и непредсказуемостью россиян.

Но ведь «Глобальный этический кодекс туризма», принятый Всемирной Туристической Организацией, гласит, что «пресса, особенно специализированная туристская пресса и другие средства массовой информации, включая современные средства электронной связи, должны обеспечивать правдивую и сбалансированную информацию о событиях и ситуациях, которые могут повлиять на посещаемость туристами; они также должны обеспечивать потребителей туристских услуг точными и надежными сведениями; с этой целью также разрабатываются и применяются новые информационные технологии; при этом пресса и другие средства массовой информации никоим образом не должны способствовать сексу – туризму».[1, т.6, п.6]

Т.е. имеет место полное несоответствие главным принципам «Глобальному этическому кодексу туризма», а манера дезинформационной подачи фактов превращает испанские средства массовой коммуникации в инструмент недобросовестной конкуренции на рынке туристических услуг и инструмент создания приоритетных преимуществ для своей туристической индустрии.

Но, несмотря на стилистическую и семантическую агрессивность испанской прессы, по данным поисковика tomondo.ru, Россия с прошлого года занимает первую строчку в рейтинге популярных направлений летнего отдыха. Хотя в начале 2013 года российские курорты были лишь на седьмом месте, а лидировали Испания, Греция и Италия. Иначе говоря, Россия способна конкурировать на мировом рынке туристических услуг.

Это свидетельствует о том, что несмотря на информационное давление на Россию как суверенное государство, растет интерес к ее туристическим возможностям со стороны зарубежных туристов.

Список литературы

1. Глобальный этический кодекс туризма. Электронный ресурс – www.orexca.com/rus/global_etnic_code_tourism.php, ст.6, п.6.
2. А. Карпов «Русофобия зашкаливает». Интервью газете «Аргументы и факты», № 26, 2015 г., с.3.
3. Los trovadores de Putin I Conquistador [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abc.es/internacional/20150512/html>, с.1, (дата обращения 05.12.2015).
4. Putin juega con la comida y con el fuego. [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.elpais.com/2015/08/html>, с.1, (дата обращения 05.12.2015).

ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОЙ ИДИОМАТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Курбатова С.Г.

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Антропоцентрический подход к изучению языковых явлений связан с интересом к репрезентации человека в языке. Человек – не просто пассивный референт языковых выражений, а активный их интерпретатор, не просто носитель языка, а прежде и важнее всего – носитель определенных концептуальных систем, на основе которых он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка [Павиленис 1983: 259-260]. Сопоставительные исследования образных концептуализаций, характерных для той или иной лингвокультуры, позволяют выявить национально-культурную специфику мировосприятия. Ключевое понятие лингвокультуры – культурная коннотация, которая представляет собой соотнесение смыслов, стоящих за знаком с образной мотивацией. Цель данной работы состоит в интерпретации французской идиоматики, в которой получила отражение реализация культурного кода, репрезентирующего человека: его внешность, красота, характер, психологические особенности, интеллектуальные способности, социальное положение, поведение, эмоции, отношение к окружающим и т.п. Большинство идиом, как и других образно-метафорических единиц лексикона, относительно редко обладают абсолютными эквивалентами в других языках, что объясняется как их национально-культурным своеобразием, так и несовпадением техники номинации. Следствием такого несовпадения оказываются либо различия в образной составляющей плана содержания близких по значению идиом, либо несовпадения актуального значения при близости внутренней формы [Баранов, Добровольский 2008: 252]. Например, 'как корове седло' и 'comme un tablier à une vache' (букв. 'как передник корове'). В обоих случаях в одинаковой степени передается семантика оборотов 'нелепый вид; очень плохо подходит кому-либо (об одежде)'. Специфичным оказывается образ, положенный в основу. Культурологически закреплено, что корова держится как животное, дающее в хозяйстве молоко и мясо, и сноровистостью коня, которому и можно надеть седло, эта нерасторопная «кормилица» не отличается. Стоит отметить, что образный компонент-зооним корова в русской фразеологической картине мира встречается не часто, в отличие от французского языка, где в большинстве своём корова ассоциируется с несоответствием, нелепостью, неуклюжестью. Сам образ нацелен высмеять кого- или что-либо, уколоть (ср. 'надевать передник на корову') [Василенко 2011: 17].

В основе таких необычных для русского языка французских гастрометафор, где при абсолютно идентичной по образной составляющей обнаруживаются, тем не менее, существенные различия в значении, как *être dans la marmelade* 'быть без гроша, на мели', *être (tomber) dans la limonade* 'жить в нищете, горе мыкать' (возможно от *limon* со значением 'ил; тина; грязь'), *être dans la confiture* 'иметь неприятности, здорово влипнуть' заложена, по мнению Желонкина Я.В., метафорическая модель 'бедность – это нахождение в густой, вязкой среде'. Тогда как состояние 'богатство /достаток' передается схожим русским выражением «кататься как сыр в масле»: *avoir du beurre dans ses épinards, assiette au beurre* 'богато жить', где сыр, коровье масло представляют собой общекультурные символы крестьянского жизненного благополучия.

Основа формирования семантики фразеологизма – его внутренняя форма, ассоциативно-образная картинка, предопределяющая и значение, и функционирование структуры. Внутренняя форма слова – семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка, способная возникать в представлении говорящих при анализе структуры этого слова, а также признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова [Зайцева, Курбатова 2012: 53]. Таким образом, внутренняя форма слова указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков. Признак, лежащий в основе номинации, не обязательно является существенным; он может быть попросту ярким, бросающимся в глаза. Этим объясняется тот факт, что в разных языках одно и то же явление может быть названо на основе выделения различных признаков. Например, к уже рассмотренному образу про нелепый вид можно добавить выражение '*aller comme un pardessus à un canard*' (букв. 'идёт как плащ утке').

Интерпретация фразеологизма является способом указания на его культурную коннотацию. При этом комментированию подвергается внутренняя форма фразеологизма (источник культурной коннотации), его образное основание, комментарий дается в знаковом культурно-национальном пространстве данного языкового сообщества. Источниками (сущностями) лингвокультурного комментария могут становиться безэквивалентная лексика, этнографический компонент, метафорическое основание, языковая картина мира. Интралингвистическая природа фразеогенезиса – собственно языковая. Она представлена преимущественно тропеическими средствами

как механизмом передачи образной составляющей фразеологизма (метафора, олицетворение, гипербола, метонимия, сравнение). Экстралингвистическая природа фразеогенезиса – знаковая система, сложившаяся в результате культурно-исторического опыта нации и представленная рядом значимых сущностей (мифы, архетипы, легенды, символы, эталоны, стереотипы, ритуалы, тестовые метафоры) [Василенко 2011: 35]. Рассмотрим некоторые случаи тропеических механизмов идиообразования.

1) гастрономическая метафора

В 1961 г. известный французский семиолог Ролан Барт заметил, что люди едят не просто кушанья, а знаки, и важно понять, какой знак скрывается за внешним видом кушанья. Для гастрономической метафоры релевантными являются когнитивные опоры, связанные с выделением внешних признаков гастрономических объектов (форма, размер, запах, цвет, фактура поверхности) и «внутренних» признаков, таких как консистенция, вкус, особое свойство продукта. Например, *avoir un coeur d'artichaut* 'человек, непостоянный в любви'. Очевидно, что образным основанием здесь служит особенности строения артишока: чтобы добраться до сердцевинки артишока, необходимо очистить его от тугих, плотных листьев. Трофонимы (от греч. *τροφή* 'еда' и *ὄνομα* 'имя') служат для передачи характеристики пропорции, фигуры, роста человека: *avoir de la brioche* 'иметь толстый живот (про мужчину)', *être plat comme un galette* 'быть тонким, худощавым', *être en sucre* 'быть хрупким, нежным', *manger la soupe sur la tête de qn* 'быть высоким', *être haut comme trois pommes* 'быть маленьким по росту (про ребенка)'; характеризуют формы и черты лица: *avoir des oreilles en chou-fleur* 'иметь деформированные уши', *un crâne d'œuf* 'голова в форме яйца'; раскрывают характер, поведение: *beurré comme un petit-beurre* 'о человеке, находящимся в состоянии алкогольного опьянения', *un papa gâteau* 'отец очень внимательный к своим детям, который делает им подарки, уступает их капризам и т.п.', *être bon comme du bon pain* 'быть щедрым, иметь доброе сердце'; передают эмоции: *être soupe au lait* 'быть очень вспыльчивым', *sentir la moutarde au nez* 'внезапно рассердиться, вспылить, вскипеть', *boire du petit lait* 'быть довольным самим собой'; интеллектуальные способности: *pédaler dans la choucroute* 'ничего не понимать, несмотря на усилия'.

2) зооморфная метафора

Зоонимы вызывают у человека ассоциативное представление о внешних признаках, повадках представителей фауны, а также эмоциональную оценку их качеств, что может выступать эталоном. Идиомы с зоонимом отличаются стилистической сниженностью, в большинстве маркированы отрицательно и обладают семантикой с элементами оскорбления. Метафорический перенос служит для передачи характеристики человека: его внешности - *avoir un cou de giraffe* 'иметь длинную шею', *être gras comme un cochon* 'толстый, жирный как свинья', *être laid (moche) comme un rou* 'быть некрасивым', *être laid comme un singe* 'быть очень страшным', *avoir la face de rat (de crabe)* 'обладать мерзкой рожей'; его характера – *un caractère de cochon (chien)* 'очень плохой характер', *un tête de cochon* 'человек с плохим характером, очень упрямый'; его поведения - *faire des grimaces comme un singe* 'кривляться как обезьяна', *manger comme un cochon* 'ест как свинья (неаккуратно, жадно)', *voit des éléphants roses* 'находиться в состоянии алкогольного опьянения'; эмоции - *rire comme une baleine* 'смеяться как кит (широко раскрывая рот)', *une peau de vache* 'очень злой человек'. Философские характеристики человека безобидного, кроткого, смиренного, наивного, глуповатого представлены в сравнении с овцой или бараном *brébis à bon Dieu*, *doux comme un agneau*, *doux et crédule comme un mouton* (ср. рус. 'бедная овечка'), и с другой стороны *un mouton enragé* 'разъяренный ягненок (о расвирепевшем кротком человеке)'. Образ собаки употребляется для передачи отрицательных черт характера человека: *avoir un caractère de chien* 'иметь неуживчивый характер', *chien de garde* цепной пёс (о человеке), *chien galeux* злой как собака (о человеке), *être chien avec qn* быть жадным, отвратительно себя вести по отношению к кому-л., *faire le chien couchant* низко ластиться, пресмыкаться; нелепого вида: *ressembler à un chien coiffé* быть похожим на чучело гороховое, *être coiffé à la chien* быть причёсанным кое-как. Однако о женщине возможно сказать *avoir du chien* 'быть с изюминкой', где *chien* выступает синонимом *coquin*, -е «плутовка, баловница».

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008 – 656 с.
2. Василенко А.П. Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков): автореф. дисс.. докт. филол. наук. - Орёл, 2011. – 43 с.
3. Желонкин Я.В. Гастрономическая метафора в обозначении понятия 'нищета' ('бедность') во французском языке: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/2.pdf
4. Зайцева Н.Ю., Курбатова С.Г. Основы языкознания: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – 95 с.
5. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализа языка. - М.: Мысль, 1983. – 286 с.

СПЭНГЛИШ, КАК ФЕНОМЕН ЗАИМСТВОВАНИЙ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Осинцева Т.В.

Белгородский Государственный Национальный Исследовательский Университет, г.Белгород

Словарь каждого языка представляет собой постоянно изменяющуюся и пополняющуюся систему.

Пополнение словаря любого языка, как правило, происходит за счет заимствований с других языков, которые занимают значительное место в лексике в результате длительного культурно-исторического взаимодействия.

Испанский язык является одним из языков, развитие которого происходит как в количественном, так и в качественном плане. Усиление роли английского языка на мировой арене привело к появлению большого числа заимствований из английского в испанский язык, в связи с чем возник такой феномен как *спэнглиш*.

Лексический корпус испанского языка в большинстве своем состоит из слов латинского происхождения (56%). Это естественно, т.к. испанский язык произошел от латыни, но за долгие годы эволюции и развития, он перенес многочисленные фонетические, грамматические, графические и другие изменения. История Испании гласит, что испанский язык имел контакты с множеством других народов, таких как финикийцы, греки, римляне, вестготы, арабы, а позже и французы, англичане, итальянцы и немцы имели влияние на лексический запас коренных жителей Иберийского полуострова.

Англицизмы начали появляться в испанском в начале XVII века в социально-бытовой сфере. В настоящее время проникновение англицизмов в испанский язык продолжается, т.к. борьба за первенство в 21 веке на мировой арене по прежнему является актуальной. Конечно же английский язык является лидером в сфере бизнеса и международного общения, но давайте не будем забывать, что испанский считают своим родным языком 470 млн. человек и эта цифра с каждым годом увеличивается. Это официальный язык в 22 странах мира. Немаловажной особенностью этого языка является единство. Если в англоязычном обществе люди, проживающие на разных территориях не всегда понимают и могут легко изъясняться друг с другом, то для испаноговорящего общества это не является проблемой.

Почему же именно английский имеет такой тесный контакт с испанским?

Рассмотрим ситуацию в Латинской Америке. Практически на всей территории наблюдается двуязычие, но из-за недостаточно грамотного владения большинством населения обеими языками, можно говорить о взаимопроникновении одного языка в другой. На испанском языке говорят 34,5 млн человек в США, в Пуэрто-Рико он, наряду с английским, признан государственным. Кроме того, несколько миллионов носителей испанского языка проживают в штатах Калифорния, Флорида, Техас и Нью-Йорк. 15 % населения США считают его родным. Ожидается, что к 2030 году испаноязычное население даст 44 % всего прироста населения США, а к 2050 – не менее 62 %. Процесс иммиграции других англоязычных народов на испаноязычные территории также влияет на появление англицизмов в лексике местных жителей. С развитием мультимедийных технологий и всемирной паутины Интернет слова английского происхождения появляются в разных сферах общества: политике, экономике, науке, культуре и шоу-бизнесе. Средства массовой информации все чаще пользуются заимствованными словами, что по мнению многих ученых-лингвистов несомненно сказывается на качестве и чистоте классического испанского языка.

Спэнглиш (Spanglish= Spanish +English) язык гибрид, который сформировался на основе испанского языка и заимствований с английского без непосредственного их перевода или слова неверно переведенные. Первопричиной, как говорилось ранее, послужил тот факт, что безграмотное население Латинской Америки разговаривало на испанском, используя конструкции и лексику с английского, но в последнее время использование спэнглиша стало популярным в периодическим изданиях и сети. С развитием компьютерных технологий и техники в английском появилось больше 9 тыс. неологизмов, при переводе которых очень трудно подобрать их эквиваленты в испанском. Многие компьютерные термины не имеют аналогов в испанском языке или различаются по значению, в связи с чем их использование может привести к неверному восприятию информации. Специфические символы испанского языка (ñ, á, ó, é), которых нет в английском, так же не всегда корректно передаются «машинами».

Техническая культура сейчас создается не на испанском, компьютеры разрабатываются не на испанском, а испаноязычные страны только осваивают все это, переводя на свой язык. Большинство инструментов создается для обработки английского текста, поэтому остальные языки должны бороться за технологическое выживание. Английская терминология уже хорошо разработана, а испанская еще только создается, в связи с чем испанская

речь переполнена кальками не только в компьютерной сфере, а и во всех бытовых, даже тогда, когда существует соответствующий эквивалент.

Еще одной сферой, где англицизмы «проявили» себя в значительной степени, является периодика. Испанские журналы и газеты пестрят заимствованиями.

Медиатексты характеризуются большим количеством англоязычных вкраплений - словосочетаний и предложений, которые по степени их соотношения с принимающим языком образуют шесть основных функциональных групп: 1) иноязычные вкрапления, употребляющиеся автономно в качестве названий рубрик, статей, репортажей и небольших заметок; 2) полные иноязычные вкрапления; 3) частичные иноязычные вкрапления; 4) иноязычные вкрапления, представляющие собой названия фильмов, песен, книг, косметических средств, учебных заведений, мероприятий и др.; 5) иноязычные вкрапления в составе прямой речи; 6) иноязычные вкрапления как надписи на рекламируемых товарах.

В соответствии с тенденциями их использования, выделяется два типа вкраплений: интернациональные и окказиональные. Отмечаются следующие типичные способы введения исследуемых явлений в текст: 1) без перевода; 2) дословный перевод; 3) описательный перевод; 4) описательный перевод, сопровождающийся «созданным» испанским эквивалентом; 5) косвенный перевод; 6) «перевод посредством изображения»; 7) «комбинированный» способ, т.е. случаи смешения нескольких способов включения иноязычных вкраплений в текст. Основными видами заимствований считается транскрибирование, транслитерация и калькирование, но большинство англицизмов заимствовано путем транслитерации. Многие заимствования уже занесены во все словари испанского языка, при этом большинство представляют собой не кодифицированную до настоящего времени лексику. В таких случаях читателям предлагаются глоссарии, где приводятся толкования того или иного английского слова или выражения. Эквивалентные заимствования, зафиксированные в словарях, могут употребляться наряду с их испанскими синонимами. Особую роль играют когнаты и паронимы.

С другой стороны, в стандартном английском языке США, особенно в СМИ, испанское влияние ощущается в лексике, где оно служит для создания юмористического, комического, иронического, гротескного эффекта: solo, si, adios, amigo, buenos días и т. д., а также многочисленные ложные испанизмы.

По мнению испанских лингвистов спэнглиш засоряет испанский язык ненужными словами, что приводит к его деградации, но давайте посмотрим на это с другой стороны. Развитие науки и техники, а также других сфер обусловило «волну» англицизмов, но разве это не способствует наоборот развитию испанского языка, его проникновению во все сферы на мировом уровне в качестве второго интернационального языка? Ведь уже сейчас испанский изучается в 70% школ Европы. Он занимает второе место в интернете после английского. Сегодня практически 90 % студентов Соединенных Штатов Америки изучает его в университетах и при приеме на работу молодые специалисты владеющие английским и испанским имеют гораздо большую конкурентоспособность. По данным Европейской Ассоциации преподавателей испанского языка, он занимает первое место в мире по изучению (как второй иностранный). Английский воспринимается не столько как иностранный, сколько как язык – инструмент для международного общения.

Таким образом, можно утверждать, что в прошлом веке испанский сделал немалый скачок в развитии на международной арене, а через 20-30 лет, если сохраняться нынешние пропорции роста населения и тенденции лингвистического самосознания, он будет первым языком общения на планете. Он имеет все шансы повысить свой статус в глобальном общении, а английские заимствования будут лишь способствовать этому процессу.

Список литературы

1. Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003.-С. 89-99.
2. Бухарова С.Ю. Специфика заимствований в испанском языке (на материале арабизмов и англицизмов): дис.канд. филол. наук. -М., 1994.- 171с.
3. Вайнрах У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, Изд-во «Вища школа» 1979. 263с.
4. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации: учеб. пособие для студентов вузов. М.: УКД. - 2008. - 116 с.
5. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев: Изд. объединение «Вища школа», 1974. - 176с.
6. Линник Т.Г. Проблемы языкового заимствования // Языковые ситуации и взаимодействие языков. - Киев, 1989.- С. 76-133.

7. Романова Г.С. Испанский язык в зеркале газетной страницы. Некоторые особенности лексики и грамматики периодической печати Испании. М.: Изд-во МГИМО, 1992. 121 с.
8. Романова Г. С. Испанский язык сегодня и завтра/<http://www.russ.ru>
9. Francisco Javier Díez Vegas Spanglish/<http://www.ia.uned.es>
10. <https://ru.wikipedia.org/Спэнглиш>

СЕКЦИЯ №21.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)

СЕКЦИЯ №22.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНСТВО СИГМАТИЧЕСКОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Дедюхин А.А., Дедюхина А.Г.

Кубанский государственный университет, г.Краснодар

Реклама прочно вошла в жизнь современного общества, став его субкультурой. Она усиленно влияет на его жизнь, ценности, потребности и, прежде всего, язык.

Современное общество немислимо без рекламы. По словам И.В. Грошева реклама стала своего рода романом, «своеобразным литературным жанром, только более кратким и существующим в форме не слов, а зрительских образов» [1, с.115]. Её основные функции - назвать предмет и выделить его среди прочих, побудить потребителя попробовать новый продукт и способствовать его повторному потреблению. Иными словами, передать определённую информацию о том или ином предмете или услуге. Реклама служит определяющим фактором качества и ценности товаров. Она способна вывести на рынок новый товар и убедить людей в необходимости его покупки. Таким образом, она даёт импульс успеху качественной продукции и способствует постепенному отсеву непригодных товаров.

По мнению большинства лингвистов, своеобразие рекламы определяет специфика информации. Реклама – это единство сигматической и прагматической информации. Здесь можно выделить два главных структурных компонента. Первый – сигматическая (целостная) информация, которая содержит весь потенциал сведений. Наиболее удобный способ передачи такой информации – авербальный сигнал, поскольку при передаче с помощью вербальных знаков часть сигматической информации теряется. Тем не менее, она обычно передается вербальными знаками, к которым предъявляется в данном случае основное требование – максимальная изобразительность, пластичность слова, без которой немислимо эмоциональное воздействие. В этом отношении реклама имеет сходство с художественным текстом, с литературно-художественным стилем. Так что за рекламу можно было бы, например, принять и хвалебную оду.

Второй структурный компонент – прагматическая (практически значимая) информация. Прагматическая информация передается, прежде всего, с помощью слов, а также математических символов, диаграмм, чертежей и пр. При этом к вербальным знакам предъявляется требование точности, однозначности, лаконичности, что сближает рекламу с деловыми стилями. Так что за рекламу можно было бы принять обычный рецепт или техническую инструкцию.

Рекламный стиль – это самостоятельное явление, и его языковые характеристики должны осуществляться в типичной рекламе с учетом общих психо- и социолнгвистических концепций, раскрывающих его сущность.

Резюмируя вышесказанное, можно представить следующее определение рекламы. Реклама – это особое сочетание наглядно-образной (сигматической) и точной адресной (прагматической) информации, распространяемой по разным каналам (в том числе и СМИ) рекламодателями по инициативе производителей товаров и услуг, - информации, имеющей целью формирование спроса на эти товары и услуги со стороны потребителей, учитывающий их встречный спрос и допускающий проверку с их стороны.

Торговая реклама резко противопоставляется всем другим формам рекламирования. Торговая реклама должна быть предельно изобразительной, поскольку основная масса товаров интересует нас своим внешним видом, цветом, формой, запахом, съедобностью и пр. Здесь нужна предельная концентрация сигматической информации, необязательная в том случае, когда рекламируется лицо.

Рекламный текст – совершенно особый текст. Он не похож ни на какой другой – ни на художественный, ни на публицистический, ни даже на агитационно-пропагандистский. Мыслей в рекламном тексте должно быть много, а слов, выражающих эти мысли, как можно меньше. При отборе слов нельзя забывать о том, что рекламный текст не только информирует и убеждает, но еще и формирует отношение к рекламируемому объекту. Таким образом, рекламный текст – суггестивный текст, текст внушающий. Какие эмоции будут внушены читателю – зависит от того, какого качества словесный материал будет подобран. Рекламный текст всегда нацелен на определенную аудиторию.

Простота, оригинальность, убедительность – важные особенности рекламного текста. Непринужденность изложения и дружественность подхода – необходимые факторы при написании текста практически для любого вида объявления. В таких текстах используются короткие, исполненные смысла выражения и слова. Контрастность темпа, достигаемая благодаря варьированию длины фраз и абзацев и выбору наиболее подходящих слов, может использоваться для высвечивания наиболее важных аспектов и удержания читательского внимания. Подчеркивания или выделения можно добиться за счет переноса наиболее значимых слов и их сочетаний в конец предложения или абзаца. Гарри Картер считает, что основное требование к тексту – лаконичность, т.е. максимум информации при минимуме слов [2, с. 45].

Рекламный текст должен строиться по принципу малой дозировки информации, то есть может быть предельно лаконичным, а может формироваться иначе, с включением в ткань повествования множества подробностей, что будет создавать у читателя впечатление глубины и многогранности содержания, стилистического богатства и яркой выразительности текста.

Согласно психологии рекламы, изображение воспринимается и понимается скорее, чем текст. В нем компрессируется глобальное содержание текста. Если в коммерческой рекламе это часто рекламируемый продукт (его изображение, демонстрация его применения, предназначения, функционирования и т.п.), то в рекламе социальной, например, изображение передает момент или элемент социальной ситуации, либо указывает на человека, нуждающегося в помощи, то есть затрагивается человеческий фактор.

Помимо изображения на эмоции адресата воздействует также цветовая гамма. Цвет в рекламе также вызывает различные эмоции и ассоциации. Считается, что цветная реклама воздействует сильнее, чем черно-белая, потому что повышает очевидность достоинств, представленных товаров. Она заставляет человека эмоционально воспринимать предметы, облегчает узнавание и может, благодаря символическому содержанию воздействовать на подсознание. Конечно же, для достижения поставленных целей, содержание и цвет должны действовать согласованно. Серьезной проблемой для создателей рекламы является правильность выбора, так как различные цвета могут восприниматься мужчиной и женщиной по-разному. Отдельно взятые цвета в сочетаниях между собой выражают совершенно особые значения, основывающиеся на полученном опыте и ведущие к ассоциациям.

Рекламные материалы неизбежно навевают неосознаваемые эмоциональные образы. Установлено, что эмоциональная память намного сильнее, чем другие виды памяти, воздействует на поведение человека. Любой рекламный видеоклип — это не только информация, это, прежде всего, несколько эмоционально насыщенных минут, лично переживаемых человеком в момент просмотра. Характерна в этом отношении сама рекламная лексика с ее богатой эмоциональной терминологией.

Эмоции могут быть положительными и отрицательными. Положительные эмоции стимулируют субъект достичь цели, отрицательные – избегать объектов, вызывающих неприятные состояния. Безусловно, положительные эмоции вызывает юмор. Чувство юмора – одно из наиболее специфических чувств, которые способен переживать человек. Однако применение юмора в рекламе – дело весьма тонкое, нередко деликатное. Пользоваться юмором в рекламе следует осторожно. Кого-то он привлекает, а кого-то и отталкивает.

Как уже отмечалось, реклама воздействует, как через рациональную сферу (убеждение, «разум»), так и через сферу неосознаваемую (область эмоций и подсознания). Сравнительно легко прогнозировать воздействие рекламы в «разумной» сфере, сложнее предугадать, как будут работать более тонкие механизмы, на уровне глубокого душевного впечатления. Практики часто говорят о спонтанности и непредсказуемости творческой удачи, эмоциональный результат угадывается интуитивно и кажется недоступным анализу.

Говоря о психологических аспектах социальной рекламы, необходимо также рассмотреть такое важное и распространенное явление в современной рекламе как внушение. С внушением мы сталкиваемся практически ежедневно на протяжении всей жизни: само наше воспитание больше построено на внушении, нежели на

убеждении, как, впрочем, пропаганда и агитация, независимо от их приверженности и направленности. Внушение – это воздействие одного сознания на другое, при котором последнее меняется без внешнего принуждения и рационального размышления. Таким образом, происходит изменение установки бессознательного, что может привести в перспективе к изменению поведенческой модели общества.

Такой процесс воздействия на психику человека связан со снижением сознательности и критичности при восприятии внушаемого содержания, не требующий ни развернутого логического анализа, ни оценки. Внушение осуществляется с целью создания определенных состояний или побуждений к определенным действиям. Суть внушения состоит в воздействии на чувства человека, а через них на его разум и волю. Предполагается, что процесс этот зависит от степени ослабления сознательного контроля, осуществляемого по отношению к воспринимаемой информации. Воздействие содержания, воспринятого на основе внушения, отличается навязчивостью: оно с трудом поддается осмыслению и коррекции. Особенно важно, что объектом могут быть и большие группы людей - массовое внушение. Сила воздействия во многом зависит от наглядности, доступности, образности и лаконичности информации. Эффект особенно силен тогда, когда внушаемое в общем соответствует потребностям и интересам. Одним из достаточно мощных приемов внушения является речь. И действительно, любая реклама, содержащая составленное по всем правилам речевое сообщение, может добиться максимальной эффективности. И при этом не имеет значение, произносится данное сообщение героем ролика социальной рекламы, или же декларируется закадровым голосом.

Реклама в долгосрочной перспективе экономически выгодна государству, поскольку решение многих коммерческих проблем ведет к благосостоянию государства. При создании хорошей и работающей рекламы следует учитывать все особенности человеческой психики. Как показывают специальные исследования, будущее за гуманной, интеллектуальной и добропорядочной рекламой.

Список литературы

1. Грошев И.В. Образ женщины в рекламе. Женщина. Гендер. Культура. / И.В. Грошев. М., 1999.
2. Картер Г. Эффективная реклама. Путеводитель для малого бизнеса. Пер. с англ. Общ. ред. Е.М. Пеньковой. М., 1998.

СЕКЦИЯ №23.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)

СЕКЦИЯ №24.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)

СЕКЦИЯ №25.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИМВОЛОВ ФИНЛЯНДИИ

Момотова Н.М.

Петрозаводский государственный университет, г.Петрозаводск

Взаимная интеграция и глобализация стран мира с каждым годом становятся все интенсивнее. На фоне укрепления международных контактов взаимопроникновение языков и культур усиливается, иноязычные лингвистические единицы активно внедряются в другие языки. В связи с этим, возникает множество проблем, особенно в области перевода: функционирование заимствованных слов в принимающем языке, влияние культуры

и принимающего языка на эти заимствования, а так же вопросы семантической эквивалентности заимствованного слова и исходной единицы. Данные вопросы неоднократно освящались такими крупными исследователями, как В.Н. Комиссаров, Е.М. Верещагин, Л.С. Бархударов и др. Проблематика перевода безэквивалентной лексики является одной из центральных в современном переводоведении. Воссоздание в языке перевода чужих реалий и одновременное сохранение первоизданного колорита – сложнейшая переводческая задача. Создаваемые переводчиком понятия зачастую являются чужеродными и даже «экзотичными» для читателя, поэтому часто для более точного перенесения на язык перевода лингвострановедческих особенностей языка-оригинала применяется лингвострановедческий комментарий.

Лингвострановедческий комментарий – это изъяснение внеязыковых явлений: названия учреждений, органов государственной власти, национальных блюд и т.д., которые невозможно заменить эквивалентами в родной культуре. Лингвострановедческий комментарий позволяет выйти за рамки словарного определения и дать развернутую экстралингвистическую информацию по каждой лексеме, представляющей лингвострановедческую ценность. Эта информация способствует более глубокому пониманию значения слова или имени собственного и расширяет кругозор.

М.А. Шахматова и Сим Ен Бо разработали и представили 11 типов лингвострановедческих комментариев для лингвострановедчески ценной лексики. [Шахматова 1996] В лингвострановедческом анализе национальных символов Финляндии преимущественно использовались собственно – изъяснительный и расширенный страноведческий комментарий. При переводе отобранных лексических единиц были использованы такие методы, как транслитерация, калькирование, прямое соответствие и описательный перевод. Самым часто используемым методом являлся описательный перевод из-за отсутствия соответствий или наличия неполных соответствий в русском языке.

Лексические единицы, относящиеся к лексико-семантическому полю «Национальные символы Финляндии», можно разделить на 13 тематических групп:

1) Национальные праздники (Joulu, Tapanin päivä, loppiainen, juhannus, pääsiäinen, uusia vuosi, kekri, potkiaiset, lakkaiset, vanhojenpäivä, promootiot, konfirmaatio)

2) Традиционные блюда (glögi, graavilohi, hernepalkomuhennos, hopeatee, juustoleipä, kalakukko, karjalanpiirakka, klimppisoppa, kääresylty, lantulaatikko, laskiaispulla, munavoi, mustamakkara, mykkyrokka, mämmi, piimä, piparkakkutalo, reikäleipä, rosolli, Runebergintorttu, ruisleipäryynimakkara, salmiakki, silkko, sima, setsuuri, tippaleipä)

3) Бренды (Fiskars, Iittala, Janita, Karl Fazer, Kone, Lumene, Marimekko, Nokia, Olvi, Pertti Palmroth, Rapala, Seppälä, Tunturi)

4) Предметы быта (katiska, kännykkä, pirttipöytä, puukko, ruuhi, mattolaituri, räsymatto)

5) Предметы материальной культуры (Aalto-maljakko, Ahvenanmaa, alba, graniitti, kantele, kodinhoitohuone, kummilusikka, omakotitalo, kesämökki, rantasauna, rivitalo, savusauna, ylioppilaslakki, Kalevala-korut, postimerkki, markka, rintamatalo, presidentinlinna, terva, torppa, vihta, vasta, tunturi, tuohi, vilja)

6) Предметы духовной культуры (Kalevala, Maamme, Seitsemän veljestä, Suomi-neito, rippikoulu, sisu, tiernapojat)

7) Памятники (Aleksanteri II:n patsas, Havis Amanda, Marsalkka Mannerheimin ratsastajapatsas, Paavo Nurmi –patsas, Sibelius –monumentti)

8) Национальные игры и спорт (eukonkanto, hytysentappo, saunomisen kestävyyskilpailu, sauvakävely, suopotkupallo)

9) Пасхальная неделя (virpominen, pinaviikko, palmusunnuntai, malkamaanantai, tikkutiistai, kellokeskiviikko, kiirastorstai, pitkäperjantai, lankalauantai)

10) Сказочные и мифические существа (Joulupukki, Muumi-peikko, tonttu)

11) Известные финны (Aleksis Kivi, Carl Gustaf Emil Mannerheim, Elias Lönnrot, Hugo Alvar Henrik Aalto, Johan Christian Julius Sibelius, Johan Ludvig Runeberg, Mikael Agricola, Paavo Nurmi, Tove Marika Jansson)

12) Животные и растения (ahven, joutsen, karhu, kielo, koivu, leppäkerttu, suomenpystykorva, vesilintu)

Рассмотрим примеры лингвострановедческого анализа некоторых лексических единиц лексико-семантической группы «Национальные символы Финляндии».

Aalto-maljakko – yksi maailman tunnetuimmista lasiesineistä ja samalla Iittalan sekä koko suomalaisen lasitaiteen Alvar Aallon suunnittelema symboli.

Aalto-maljakko – ваза «Аалто». Способ перевода: калькирование.

Aalto-maljakko – один из известнейших символов финской стеклянной промышленности и собственно бренда «Ииттала», созданный Алваром Аалто.

Способ перевода: описательный перевод.

Лингвострановедческий комментарий: волнообразная ваза из стекла была конкурсным проектом для Парижской выставки 1937-го года под ироничным названием Eskimoerindens Skinnbuxa (Кожаные штаны эскимосской женщины). Позже ваза стала акцентом интерьера ресторана Savoy в Хельсинки — тоже проектом Аалато. Название ресторана стало и вторым названием вазы. Конкурс был организован компанией Karhula and Iittala, которая сейчас выпускает вазу Аалто. Каждая ваза выдувается и формуется вручную. Есть разные цвета и размеры, в ширину и в высоту. Самый классический вариант 1937-го года — ваза высотой 14 см. После победы в конкурсе права на проект перешли устроителю, то есть компании Iittala.

Graniitti – yleisin syväkivilaji. Graniitti – гранит. Способ перевода: прямое соответствие. Graniitti – широко распространенный вид твердого, прочного камня. Способ перевода: описательный перевод.

Лингвострановедческий комментарий: Гранит получил статус национального камня Финляндии в 1989 году по результатам почтового голосования, организованного финским научно-познавательным центром «Эврика» и Институтом геологии. Выходы на земную поверхность пластов древних коренных гранитных пород розоватого или серого цвета возрастом в два миллиарда лет или даже старше можно увидеть почти во всех регионах Финляндии. Из красивого и долговечного гранита в Финляндии выполняются памятники и монументы, гранит широко применяется в наружной отделке городских строений, из него возводятся общественно значимые здания. Городской пейзаж Хельсинки украшает целый ряд широко известных зданий из гранита: здание Парламента, Национальный музей, Центральный железнодорожный вокзал, Национальный театр, торговая галерея «Гранитный дом». Отдельно стоит упомянуть знаменитую достопримечательность финской столицы – Церковь в скале (Temppeliaukion kirkko). Ее построили на месте выхода на поверхность гранитных пород, пролегающих под территорией Хельсинки.

Joutsen – pitkäkaulaisia isoja sorsalintuja. Joutsen – лебедь. Способ перевода: прямое соответствие. Joutsen – вид крупных птиц с длинной шеей. Способ перевода: описательный перевод.

Лингвострановедческий комментарий: лебедь – одна из популярных фигур финского фольклора и многочисленных произведений искусства и культуры Финляндии, таких как, например, эпос «Калевала» и произведения композитора Яана Сибелиуса. В магазинах Финляндии на многих продуктах можно увидеть логотип с летящим лебедем – этим символом в Северных странах отмечают безопасные для окружающей среды, экологически чистые продукты. Знак с плывущим по воде лебедем ставится на продукты, изготовленные в Финляндии. Пара лебедей, взлетающих над «страной тысячи озер», – квинтэссенция финской девственной природы – изображена на финской монете в 1 евро.

Marimekko – suomalainen tekstiili- ja vaatetusalan pörssi-yhtiö, jonka perustivat Armi ja Viljo Ratia vuonna 1951. Yhtiö suunnittelee ja valmistaa vaatteita, tekstiilejä ja asusteita Marimekko-tuotemerkillä. Yhtiön tunnetuin merkki on unikko.

Marimekko – Маримекко. Способ перевода: транслитерация. Marimekko – финская компания, производящая текстиль, одежду и аксессуары, основанная супругами Арми и Вильо Ратиа в 1951 году. Отличительным товарным знаком является мак. Способ перевода: описательный перевод.

Лингвострановедческий комментарий: В настоящее время «Marimekko» — один из самых известных в мире финских брендов. Первым дизайнером компании была Майя Исола (1927—2001), сотрудничавшая с компанией с 1949 по 1987. Самая известная её работа — принт Unikko («Мак»). За это время маки всех цветов и оттенков стали визитной карточкой компании, этот рисунок можно встретить почти на всей продукции компании, даже на резиновых сапогах и салфетках. Этот принт настолько тесно ассоциируется с «Маримекко», что его иногда ошибочно считают логотипом компании.

Rivitalo - vähintään kolmen vierekkäisen huoneiston asuintalo, jossa kuhunkin huoneistoon on sisäänkäynti suoraan ulkoa. Rivitalo – ривитало. Способ перевода: транслитерация. Rivitalo – рядный дом. Способ перевода: калькирование.

Rivitalo – дом для трех и более семей, имеющих отдельный вход для каждого владельца. Способ перевода: описательный перевод.

Лингвострановедческий комментарий: ривитало - тип малоэтажной жилой застройки, при котором расположенные в ряд однотипные жилые дома блокируются друг с другом боковыми стенами. Каждый из таких домов имеет отдельный вход, небольшой палисадник и, иногда, гараж. Прототипом ривитало можно назвать pikatalo – дома такого типа строили после Второй мировой войны, во время дефицита жилья. Главной идеей было строительство максимально возможного количества жилых площадей по низким ценам.

Runebergintorttu – lieriön muotoinen mantelilla maustettu (ja us. punsilla kostutettu) leivonnainen, jonka koristeena on sokerikuorrutusta ja hillaa. Runebergintorttu – выпечка цилиндрической формы, часто пропитанная пуншем, украшенная миндалем, вареньем и сахарной глазурью. Способ перевода: описательный перевод.

Лингвострановедческий комментарий: считается, что эти пирожные появились благодаря жене поэта Рунеберга – Фредерике. Легенда гласит, что Рунеберг попросил ее приготовить что-нибудь сладкое, а в доме не было подходящих ингредиентов для какого-либо десерта. Тогда его жена приготовила из пшеничной муки, крошек печенья и сухарей и миндаля украшенные яблочным джемом пирожные. Пирожные являются атрибутом праздника Дня Рунеберга (Runebergin päivä), который отмечают 5 февраля.

Suomi-neito – nuori kaunis nainen, jolla on usein vaaleat hiukset ja siniset silmät ja joka pukeutuu kansallispukuun. Symboli on yleistynyt 1800-luvun lopulla. Suomi-neito – Дева-Финляндия. Способ перевода: калькирование. Suomi-neito – молодая красивая женщина со светлыми волосами и голубыми глазами, одетая в национальный костюм. Символ закрепился в культуре в конце 19 века. Способ перевода: описательный перевод.

Лингвострановедческий комментарий: Дева Финляндия — национальная персонификация Финляндии, босоногая молодая женщина в возрасте около 25 лет, зачастую изображается с заплетенными волосами, голубоглазая. Она одета в сине-белый национальный костюм или в белые одежды. Изначально её называли Аура в честь одноименной реки, протекающей через город Турку. В качестве национального символа образ Девы-Финляндии использовался с XVIII века, когда её изображали как женщину с короной (стенная корона, зубцы которой выполнены в виде крепостных башенок). С развитием национального сознания и обретением Финляндией независимости образ получил дальнейшее развитие. Изображения девы, персонифицирующей Финляндию, а также сочетание синего и белого цветов стали важными инструментами пропаганды в борьбе за защиту финской автономии от посягательств российских властей. Образ Девы-Финляндии может также рассматриваться как ссылка на очертания Финляндии на географической карте. При небольшом воображении она выглядит как женский силуэт с одной поднятой рукой.

Suotkupallo – erikoinen Suomessa kehitetty muunnelma jalkapallosta, joka pitää paikkansa suolla. Suotkupallo – футбол на болоте. Способ перевода: калькирование. Suotkupallo – особенный финский вид спорта, разновидность футбола, проводимого на площадке с заболоченной почвой. Способ перевода: описательный перевод.

Лингвострановедческий комментарий: Родоначальником футбола на болоте считается лыжник Эса Ромпайнен. Место проведения ежегодного чемпионата мира по болотному футболу — финская деревня Хюрюнсальми. Правила похожи на правила традиционного футбола за исключением того, что игра ведётся на болоте, запрещена смена сапог во время игры, размер поля 60 x 35 метров, команда: 5 игроков + вратарь, матч: 2 тайма по 13 минут, штрафные удары проводятся «с рук», замена игроков производится без остановки игры. Чемпионаты мира проводятся ежегодно с 1998 г.

Список литературы

1. Томахин Г. Д., Фомин Б.Н. Проблематика сопоставительного лингвострановедения. В кн.: Научные традиции и новые направления в методике преподавания русского языка и литературы. М., 1986.
2. Шахматова М.А., Сим Ен Бо. Типология лингвострановедческих комментариев // Вестник СПбГУ. Серия 2., 1996.
3. Halonen, Tero & Aro, Laura (toim.): Suomalaisten symbolit. Jyväskylä: Atena, 2005.
4. Suomisanakirja.fi [Электронный ресурс] URL <http://www.suomisanakirja.fi>

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД

Январь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2016г.

Февраль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2016г.

Март 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных гуманитарных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2016г.

Апрель 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2016г.

Май 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2016г.

Июнь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы гуманитарных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2016г.

Июль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2016г.

Август 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития гуманитарных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2016г.

Сентябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Гуманитарные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2016г.

Октябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы гуманитарных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2016г.

Ноябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г.Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2016г.

Декабрь 2016г.

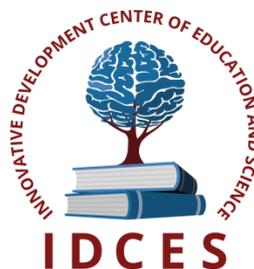
III Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития современных гуманитарных наук», г.Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2017г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Актуальные вопросы современных гуманитарных наук

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 марта 2016 г.)**

**г. Екатеринбург
2016 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 09.03.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,3.
Тираж 250 экз. Заказ № 30.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58